

ISSN 2225-5346

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

2014

№ 3—4

Издательство
Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
2014

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ
АКЦЕНТ
2014
№ 3 — 4

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2014.
150 с.

Точка зрения авторов
может не совпадать
с мнением редсовета
и редколлегии

Редакционный совет

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, профессор, ректор БФУ им. И. Канта (Россия, Калининград) — председатель;
М. Е. Швыдкой, д-р искусствоведения, профессор, зав. кафедрой государственного управления в сфере культуры факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва) — сопредседатель;
Ф. Апанович, д-р филол. наук, профессор, прорекан филологического факультета Гданьского университета (Польша, Гданьск); *М. Н. Громов*, д-р филос. наук, профессор, зав. сектором истории русской философии РАН, проректор Государственной академии славянской культуры (Россия, Москва); *И. Н. Данилевский*, д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой истории идей и методологии исторической науки факультета истории НИУ ВШЭ (Россия, Москва); *Л. А. Кудрявцева*, д-р филол. наук, профессор Киевского национального университета им. Т. Шевченко, президент Украинской ассоциации преподавателей русского языка и литературы, член Президиума МАПРЯЛ (Украина, Киев); *Г. Кундротас*, д-р филол. наук, профессор, декан филологического факультета Вильнюсского педагогического университета (Литва, Вильнюс); *Б. Н. Тарасов*, д-р филол. наук, профессор, ректор Литературного института им. А. М. Горького (Россия, Москва); *Б. Ханзен*, д-р филол. наук, профессор, директор Института славистики Регенсбургского университета (Германия, Регенсбург)

Редакционная коллегия

Г. И. Берестнев, д-р филол. наук, профессор (ответственный редактор);
Н. Г. Бабенко, д-р филол. наук, профессор;
А. И. Васкиевич, канд. филол. наук, доцент;
В. И. Гальцов, канд. ист. наук, доцент;
В. И. Повилайтис, д-р филос. наук, доцент;
А. Н. Черняков, канд. филол. наук, доцент

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК: ПУЛЬС ВРЕМЕНИ

<i>Ваулина С., Пробст Н.</i> Специфика функционирования вопросительно-побудительных конструкций в политическом дискурсе (на примере публичных выступлений В. В. Путина).....	9
<i>Дронова А.</i> К вопросу о метаязыковом функционировании естественного языка в художественных текстах.....	17
<i>Арутюнян В.</i> «Живое» слово в свете современных когнитивных исследований (К юбилею Александры Александровны Залевской).....	23
<i>Голубенко О.</i> Особенности функционирования фразеологизмов с компонентом-зоонимом в русском и литовском языках.....	28
<i>Раденкович Л.</i> Чудотворные растения: некоторые славянские параллели	37

АСПЕКТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

<i>Шумакова М.</i> Философия природных образов в «восточных» поэмах Дж. Г. Байрона и «южных» поэмах А. С. Пушкина.....	51
<i>Яблоков Е.</i> Анаграммы в произведениях М. А. Булгакова	56

В ИНЫХ СЕМИОТИЧЕСКИХ МИРАХ

<i>Берестнев Г.</i> Анаграмматические построения в аспекте семиотики.....	69
<i>Ичин К.</i> Формализм в кино: опыт Дзиги Вертова (Киноправда)	79

ЛАБИРИНТЫ ИСТОРИИ

<i>Терзич С.</i> Россия и Первая Балканская война	95
---	----

С ЛЮБОВЬЮ К МУДРОСТИ

<i>Гильманов В.</i> Анаграмма в дискурсе «скрытой теологии» барокко (на примере поэтического кружка Кёнигсберга XVII века)	107
--	-----

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ, РЕЦЕНЗИИ

Наука и культура создают самые глубокие связи между народами и государствами. Интервью с чрезвычайным и полномочным послом Республики Сербия в России Славенко Терзичем.....	123
--	-----

Первая конференция «Анаграммы: семантическое варьирование и текстопорождающие возможности» (Калининград, 15–16 сентября 2014 года).....	126
Международная научно-практическая конференция «Духовные доминанты в русской словесности, истории, искусстве: к 700-летию со дня рождения преподобного Сергия Радонежского» (Калининград, 1–4 октября 2014 года).....	134
О мероприятиях общества славистов Сербии и перспективах российско-сербского сотрудничества в гуманитарных исследованиях.....	141
<i>Об авторах</i>	147

CONTENTS

LANGUAGE: THE PULSE OF TIME

<i>Vaulina S., Probst N.</i> The functioning of interrogative hortative structures in the political discourse (based on V.V. Putin's public speeches).....	9
<i>Dronova A.</i> On the metalinguistic functions of a natural language in literary texts.....	17
<i>Arutyunyan V.</i> The "living" word in the light of modern cognitive studies (Dedicated to the anniversary of Alexandra Zalevskaya).....	23
<i>Golubenko O.</i> The functioning of phraseological units with zoonym components in the Russian and Lithuanian languages	28
<i>Radenković L.</i> Miracle-working plants: Slavic parallels	37

ASPECTS OF LITERARY TEXT

<i>Shumakova M.</i> Philosophy of images of nature in the "eastern" poems of G.G. Byron and "southern" poems of A.S. Pushkin	51
<i>Yablokov E.</i> Anagrams in M.A. Bulgakov's works.....	56

A DIFFERENT SEMYOTIC WORLD

<i>Berestnev G.</i> Anagrammatic structures in the semiotic aspect.....	69
<i>Ićin K.</i> Formalism in cinema: The case of Dziga Vertov (Kinopravda).....	79

LBYRINTHS OF HISTORY

<i>Terzić S.</i> Russia and the First Balkan War	95
--	----

LOVE OF WISDOM

<i>Gilmanov V.</i> Anagrams in the discourse of baroque 'tacit theology': The case of the Königsberg poetic circle of the 17 th century.....	107
---	-----

CONFERENCES, INTERVIEWS, AND REVIEWS

Science and culture create the strongest connections between peoples and states: An interview with Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Serbia to Russia Slavenko Terzić.....	123
--	-----

The first conference *Anagrams: Semantic Variability and Text Generating Possibilities* (Kaliningrad, September 15-16, 2014) 126

The international research conference *Spiritual Fundamentals in Russian literature, History, and Art: Dedicated to the 700th Anniversary of the Birth of Sergius of Radonezh* (Kaliningrad, October 1-4, 2014) 134

On the initiatives the Slavicist Society of Serbia and the prospects of Russian-Serbian cooperation in humanities research..... 141

About the authors..... 147

**ЯЗЫК:
ПУЛЬС ВРЕМЕНИ**

...вопросительно-побудительные конструкции, репрезентирующие различные семантические типы вопросительно-побудительной модальности, занимают заметное место в устной речи В. В. Путина. Их употребление вносит в указанную речь элемент неформального общения и способствует созданию у массового реципиента ощущения определенной коммуникативной общности с первым лицом государства.

С. Ваулина, Н. Пробст

Метаязыковой потенциал языка в художественном тексте особенно отчетливо реализуется в метаописании невербальных сигналов (взглядов и мимических движений бровей) персонажей произведений. В особой мере это относится к эмотивной функции глаз, когда по взгляду коммуниканта можно понять его эмоциональное состояние.

А. Дронова

...ученые, работающие в рамках Тверской психолингвистической школы, фактически снимают методологический барьер искусственного членения психики на составные компоненты... и переходят к целостному описанию ментального пространства человека.

В. Ярутюнян

Русский и литовский языки на протяжении веков сосуществовали в непосредственной близости, в том числе и вследствие этого в их структурах на всех уровнях наблюдается немало общего.

О. Толубенко

Со многими растениями связаны поверья и рассказы об их чудотворной силе. С помощью таких растений, по народным поверьям, можно понимать язык растений и животных, открыть любой замок, найти клад, приворожить юношу или девушку и т. д.

А. Раженкович

Светлана Ваулина, Никита Пробст
(Калининград)

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ВОПРОСИТЕЛЬНО-ПОБУДИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(на примере публичных выступлений В. В. Путина)

На материале стенограмм публичных выступлений В.В. Путина рассматриваются синтаксические конструкции, репрезентирующие различные типы вопросительно-побудительной модальности в политическом дискурсе. Выявляются функционально-семантические и коммуникативные особенности данных конструкций в устной речи указанной дискурсивной разновидности.

Ключевые слова: политический дискурс, вопросительно-побудительная модальность, косвенные директивные речевые акты, просьба, совет, предложение, прескриптив.

Политический дискурс, выражая, «по сути, весь комплекс взаимоотношений между человеком и обществом, функционально направленных на формирование у реципиентов некоторого фрагмента мировосприятия или картины мира» [6, с. 27], является объектом активного внимания со стороны исследователей (см., например: [1; 9; 10]).

В рамках речевой коммуникации политическими и общественными деятелями применяются разноуровневые языковые средства, содержательный объем

которых зависит от коммуникативных задач, стоящих перед говорящим на момент ситуации общения. В большинстве случаев одной из таких задач служит интенция регуляции поведения адресата, которая часто реализуется с помощью директивных речевых актов. К числу последних относятся и конструкции вопросительно-побудительной модальности, представляющие косвенные директивные речевые акты. Причина использования именно косвенных разновидностей побуждения (в данном случае «замаскированного» формой вопроса) вполне закономерна. «Участники политического дискурса, — замечает Д.Л. Шалацкий, — часто вынуждены употреблять в своих высказываниях завуалированные языковые средства, иначе их высказывания (обвинения, угрозы и т. д.) могут перечить нормам социального поведения. Поэтому во избежание нанесения ущерба своему позитивному лицу, имиджу или же для усиления своего влияния на адресата говорящий может использовать в своем высказывании не прямое выражение иллюкутивной цели» [8, с. 207]. Вопросительно-побудительные же высказывания, как и прочие косвенные директивные речевые акты, позволяют говорящему, избежав «прямых директивных высказываний (например, речевых актов наказа и запрета с императивными формами глагола, излишне категоричных по своей иллюкутивной силе), произвести необходимое императивное воздействие, установив при этом по возможности благоприятную коммуникативную атмосферу» [5, с. 38].

Формат диалогического общения (а применение вопросительно-побудительных конструкций целесообразно только в рамках такого формата), который носит относительно спонтанный, «несрежиссированный» характер, представляет, на наш взгляд, особый интерес, поскольку позволяет составить наиболее адекватное представление о коммуникативных навыках (способность четко формулировать свою мысль, умение быстро и точно отвечать на заданные вопросы, знание языковых норм и т. д.) конкретного политика.

В плане вышесказанного безусловный интерес представляет анализ специфики функционирования вопросительно-побудительных конструкций в речи ведущих российских политиков, прежде всего Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина, являющегося признанным политическим оратором, «который вполне понимает огромную силу слова, почти неограниченные возможности языка как орудия воздействия на массы» [7, с. 224]. Таким образом, его речь служит своеобразным зеркалом, отражающим наиболее эффективные коммуникативные тактики и, соответственно, преломляющим весь коммуникативный арсенал живого современного русского языка.

По наблюдениям исследователей, с помощью вопросительно-побудительных конструкций репрезентируются четыре семантических типа — реквестив-просьба, суггестив-предложение, суггестив-совет и прескриптив [7]. Рассмотрим, как представлен каждый из указанных типов в публичной политической речи В. В. Путина. Материалом для соответствующего анализа в данной статье для нас послужили стенограммы публичных политических выступлений В. В. Путина и его общения с различными коммуникантами, в том числе представителями электората, журналистами, общественными деятелями и др.

Реквестив-просьба. В вопросительно-побудительных конструкциях, эксплицирующих данный семантический тип, содержится побуждение адресата к необлигаторному для него действию в интересах адресанта, реализующееся, по сути, через апелляцию к «доброй воле» слушающего. В повседневной речевой деятельности вопросительно-побудительные высказывания со значениями реквестив-просьбы являются одним из наиболее эффективных методов побудительного воздействия; лучшим доказательством этого факта выступает частотность использования соответствующих речевых актов в общении с самыми разными коммуникантами, а также закреплённость этих актов в этикетной традиции всех цивилизованных обществ. Однако то, что служит оптимальным в ситуациях личного общения, далеко не всегда применимо в коммуникативных ситуациях на уровне общественных и государственных отношений: в вопросах надличностного, социального или национального характера апелляция исключительно к «доброй воле» адресата сообщения (общественности, политических сторонников или оппонентов, представителей иностранных государств и т. д.) в подавляющем большинстве случаев вряд ли будет успешной. Немаловажный фактор в данном случае — определённая уязвимость позиции говорящего при обращении к слушающему с просьбой: «Для обращения с просьбой говорящий должен иметь веские основания, мотивирующие его речевое действие, в котором он подвергается реальной опасности «потерять лицо», то есть получить отказ со стороны адресата» [2, с. 91–92]. Все это ограничивает возможности функционирования вопросительно-побудительных конструкций со значениями реквестив-просьбы в политической коммуникации. Вместе с тем указанный вопросительно-побудительный компонент все же находит успешное воплощение речи первого лица государства. Например: «И, Сергей, пожалуйста, не надо запрещать издавать Ваши книги где бы то ни было, в том числе на Украине, ну что Вы? Дело же не в деньгах — дело в том, что Вы один из наиболее ярких писателей России, это часть российской культуры, и нужно двигать туда российскую культуру, а не вытаскивать ее оттуда, ладно?» (<http://www.kremlin.ru/news/20796>) —

просьба обращена к известному российскому писателю Сергею Лукьяненко, который запретил публикацию своих книг на Украине вследствие сложившейся там политической ситуации (прямая линия с Владимиром Путиным 17 апреля 2014 года); «Артём, Вы не сердитесь на меня только за мои шуточки, ладно?» — просьба к одному из коммуникантов не обижаться на шутивное обращение со стороны президента (встреча со студентами Северного федерального университета им. М. В. Ломоносова 9 июня 2014 года); «Андрей Александрович, напомните мне (о необходимости решить один важный вопрос. — С. В., Н. П.), пожалуйста, ладно?» — просьба о напоминании, обращенная к одному из помощников президента (встреча со студентами Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова 9 июня 2014 года); «Можно (дополнить речь предыдущего оратора. — С. В., Н. П.)? Вы знаете, я бы хотел добавить к выступлению нашего коллеги» (<http://www.rg.ru/2014/05/23/stenogramma.html>); «Извините, пожалуйста, можно вопрос? Я не понял последнее» (<http://www.kremlin.ru/transcripts/46177>) — просьбы о предоставлении слова, обращенные к участникам политических собраний (выступление Владимира Путина на ПМЭФ 23 мая 2014 года и встреча с членами Общественной палаты Российской Федерации 9 июля 2014 года).

Как можно заключить из приведенных примеров, характерная черта большинства конструкций со значением реквестив-просьбы в речи публичных выступлений В. В. Путина — определенная неофициозность, «интимность», созданная употреблением лексем, характерных, скорее, для разговорной речи (*вытаскивать* культуру), *шуточки*, вводные слова типа *ладно*, *хорошо*, использование речевых приемов (например, иронии), а также четкая и однозначная адресная ориентированность (Сергею, Артему, Андрею Александровичу и т. д.). Таким образом, рассматриваемый тип вопросительно-побудительных конструкций имеет тактическое значение и служит, на наш взгляд, прежде всего для формирования благоприятной и непринужденной коммуникативной атмосферы: с их помощью президент, по сути, демонстрирует свое уважение к собеседникам, не обладающим высоким политическим статусом. При этом следует заметить, что в общении с представителями высших властных структур, как отечественными, так и иностранными (губернаторами, премьер-министрами, руководителями стран и т. д.), высказываний, репрезентирующих реквестив-просьбу, в речи В. В. Путина нами не зафиксировано.

Суггестив-совет и суггестив-предложение. Функционально-коммуникативная специфика речевых актов предложения и совета основывается на суггестивном воздействии, которое базируется «не на насильственном внедрении чего-либо в сознание адресата, а на предваритель-

ной подготовке этого сознания к внедрению новых отношений к действительности» [4, с. 8]. Вопросительно-побудительные конструкции со значением суггестив-предложения подразумевают, что совершить нечто совместно с говорящим является полезным или выгодным для обоих коммуникантов (как минимум — для слушающего); вопросительно-побудительные конструкции, репрезентирующие суггестив-совет, предполагают, что осуществление казулируемого в высказывании действия выступает, по мысли говорящего, бенефактивным для слушающего. В первом случае наблюдается определенный паритет речеактовых позиций говорящего и слушающего; во втором — говорящий занимает доминантную по отношению к слушающему позицию. Оба указанных семантических типа вопросительно-побудительной конструкций представлены и в речи В. В. Путина.

- Суггестив-предложение: «Давайте не будем горячиться, ладно?» (<http://www.kremlin.ru/news/20796>) — обращение к представителю электората (пенсионеру) с призывом к более спокойному обсуждению волнующего его вопроса (прямая линия с Владимиром Путиным 17 апреля 2014 года); «Знаете, мне, к сожалению, надо двигаться дальше по своей программе. Давайте будем заканчивать, ладно?» (<http://www.kremlin.ru/transcripts/21028>) — предложение закончить разговор (встреча с представителями крымских татар 16 мая 2014 года).

- Суггестив-совет: «Ну зачем самим себе создавать новые проблемы, которые наводят на мысль о нелегитимности будущих выборов?» (<http://www.rg.ru/2014/05/23/stenogramma.html>) — не прямо адресованный совет новому руководству Украины действовать законными методами в вопросах смены власти (выступление Владимира Путина на ПМЭФ 23 мая 2014 года); «Зачем вы это делаете, в чем смысл? В обеспечении безопасности этих стран?» (<http://www.kremlin.ru/news/20796>) — совет высшим руководителям НАТО не обострять международную обстановку за счет активного расширения присутствия этого альянса в Европе (прямая линия с Владимиром Путиным 17 апреля 2014 года).

В целом, как показывает фактический материал, ни тот ни другой тип вопросительно-побудительных конструкций не имеет широкого распространения в политической речи. В случае с высказываниями, репрезентирующими суггестив-совет, основная причина этого факта, по нашему мнению, заключается в самой семантико-коммуникативной природе речевого акта совета: если говорящий берет на себя смелость что-то рекомендовать слушающему, значит, он в силу тех или иных причин ставит себя выше последнего (то есть, иными словами, считает, что в рамках определенной ситуации он умнее / мудрее / опытнее слушающего). Демонстрация же (пусть и не подразуме-

ваемая) своего превосходства, даже в случае его действительного наличия, очевидно, в большинстве случаев противоречит традиционным этикетным нормам политической коммуникации. Относительно невысокая частотность употребления конструкций со значением суггестив-предложения, по нашему мнению, обусловлена ограниченностью возможности применения косвенного речевого акта предложения в политическом дискурсе. Так, если речь идет об официальных отношениях на государственном или межгосударственном уровне — любое серьезное предложение со стороны политиков высшего звена, безусловно, должно быть выражено в нормативном порядке, прямо и недвусмысленно, то есть форма вопросительно-побудительной конструкции здесь вряд ли будет уместной (предложения вроде «А не заключить ли нам тридцатилетний контракт на поставку вам нашего газа?» в такой ситуации будут выглядеть скорее речевым курьезом). Поэтому вполне закономерно, что фактически все примеры вопросительно-побудительных высказываний со значением суггестив-предложения в речи президента зафиксированы нами в ситуациях его общения с представителями прессы и широкой общественности. Однако относительно небольшой выбор возможных совместных действий, которые президент в инициативном порядке мог бы предложить своим собеседникам с помощью косвенной формы суггестивного речевого акта, в этом случае обуславливает и относительно незначительный по объему набор соответствующих конструкций.

Прескриптив. Коммуникативно-прагматическая специфика данного семантического типа состоит в весьма категоричном директивном воздействии на адресата сообщения, которое характеризуется высокой степенью облигаторности при практически полном отсутствии соблюдения условий принципа вежливости, в той или иной мере свойственного большинству вопросительно-побудительных конструкций. На первый взгляд, в политическом дискурсе с традиционной для него «обтекаемостью» форм выражения мысли прескриптивные речевые акты, пусть и в косвенной форме, не должны иметь широкого распространения. Однако, как свидетельствует фактический материал, в речи В.В. Путина вопросительно-побудительные конструкции, репрезентирующие прескриптив, встречаются довольно часто. При этом подавляющее большинство зафиксированных нами примеров таких речевых актов можно отнести к так называемому прескриптив-побуждению, то есть достаточно категорично выраженному побуждению к чему-либо. Например: «Вы какой-то такой агрессивный журналист. Откуда Вы взяли, что война недалеко, зачем Вы нас всех пугаете?» (<http://www.kremlin.ru/transcripts/45832>) — конструкция, суть которой можно передать в виде императивного высказывания «Не пугайте

нас напрасно своими выдумками о близкой войне!» (интервью Владимира Путина радио «Европа-1» и телеканалу TF1 4 июня 2014 года); «Да, правда, что вы смеетесь? Это серьезный вопрос. Поэтому сделаем обязательно» (<http://www.kremlin.ru/news/45881>) – императивное по сути высказывание, убеждающее слушающих (студентов) не смеяться по поводу достаточно важной проблемы (встреча со студентами Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова 9 июня 2014 года). Однако встречаются в речи первого лица страны и конструкции, которые можно отнести к прескриптив-требованиям и к прескриптив-апелляциям (те, которые содержат достаточно интенсивное побуждение к чему-либо, актуализированное через форму риторического вопроса). Например: «Теперь Вы мне скажите: кто действует по-старому, а кто действует исходя из складывающихся реалий сегодняшнего дня?» (<http://www.rg.ru/2014/05/23/stenogramma.html>) – обращение к журналисту, высказавшему мнение о «ностальгических» стремлениях главы российского государства «возродить прошлое» и создать за счет Украины буферную зону между Россией, НАТО и ЕС (выступление Владимира Путина на ПМЭФ 23 мая 2014 года); «А почему нас лишают тогда права оценить те или другие действия с точки зрения нашей безопасности?» (<http://www.rg.ru/2014/05/23/stenogramma.html>) – призыв не посягать на право России защищать свою геополитическую и военно-стратегическую безопасность от реальных угроз извне (выступление Владимира Путина на ПМЭФ 23 мая 2014 года).

Таким образом, проведенный анализ показал, что вопросительно-побудительные конструкции, репрезентирующие различные семантические типы вопросительно-побудительной модальности, занимают заметное место в устной речи В. В. Путина. Их употребление вносит в указанную речь элемент неформального общения и способствует созданию у массового реципиента ощущения определенной коммуникативной общности с первым лицом государства.

Список литературы

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001.
2. Беляева Е. И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. Воронеж, 1992.
3. Ваулина С. С., Пробст Н. А. Коммуникативная функция вопросительно-побудительной модальности в газетном дискурсе // Коммуникация как предмет междисциплинарных исследований : сб. науч. тр. : в 2 ч. Калининград, 2012. Ч. 1. С. 203–209.
4. Гончаренко Н. В. Суггестивные характеристики медицинского дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007.

5. Кулькова М.А. Коммуникативно-прагматический портрет косвенных речевых актов в пословичном дискурсе // Вестник Вятского государственного гуманитарного ун-та. Сер. «Филологические науки». 2010. №2. С. 37–39.

6. Методология исследований политического дискурса. Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск, 1998. Вып. 1.

7. Патоцка-Сигловы У. Специфика политической коммуникации (на материале выступления В.В. Путина) // Коммуникация как предмет междисциплинарных исследований : сб. науч. тр. : в 2 ч. Калининград, 2013. Ч. 2. С. 224–231.

8. Шалацкий Д.Л. Прямые и косвенные тактики речевой стратегии упрека в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2014. №1 (47). С. 206–211.

9. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М., 2004.

10. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М., 2006.

Список источников

Президент России (стенограммы). URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts> (дата обращения: 29.07.2014).

ПМЭФ 2014. URL: <http://www.rg.ru/2014/05/23/stenogramma.html> (дата обращения: 02.08.2014).

Svetlana Vaulina, Nikita Probst

THE FUNCTIONING OF INTERROGATIVE HORTATIVE STRUCTURES IN THE POLITICAL DISCOURSE (based on V.V. Putin's public speeches)

Based on the verbatim records of V.V. Putin's public speeches, the authors examine syntactic structures representing different types of interrogative hortative modality in the political discourse. The functional-semantic and communicative features of these structures are identified in the oral speech of the mentioned discourse type.

Key words: *political discourse interrogative hortative modality, indirect directive speech acts, request, advice, proposition, prescriptive.*

*Анастасия Дронова
(Калининград)*

К ВОПРОСУ О МЕТАЯЗЫКОВОМ ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

На русском языковом материале рассматривается важная для современного языкознания проблема метаязыкового потенциала естественного языка и его функций в художественном тексте. Русский язык и естественный язык в целом выступают в качестве универсальной познавательной модели, способной описать различные коды, представленные в художественных текстах.

Ключевые слова: метаязык, русский язык, текст, невербальные сигналы коммуникации, концепт, лексика.

В настоящее время представления о языке и его функциональном потенциале быстро меняются. Широкое распространение получает когнитивный взгляд на его функции и свойства, который становится все более широким, в связи с чем появляются новые направления в языкознании: например, в когнитивной поэтике выявляются познавательные основания структурных особенностей текста. Весьма перспективным оказывается в этой связи рассмотрение глубинных функциональных свойств языка. И если его когнитивная функция анализируется в рамках новой парадигмы многоаспектно и подробно, то метаязыковая функция описана недостаточно. Исходя из этого, целью данной работы служит рассмотрение функциональности метаязыкового уровня русского языка в раскры-

тии содержания текстов классической русской литературы. Конкретным языковым материалом при этом послужили повести и рассказы И. С. Тургенева.

Метаязыковой потенциал языка в художественном тексте особенно отчетливо реализуется в метаописании невербальных сигналов (взглядов и мимических движений бровей) персонажей произведений. В особой мере это относится к эмотивной функции глаз, когда по взгляду коммуниканта можно понять его эмоциональное состояние [2, с. 387].

В творчестве И. С. Тургенева можно выделить несколько типов взгляда, однако в данной работе рассматривается один из них, который является наиболее частотным. Он связан с концептом ЛУКАВСТВО. Согласно МАС, «лукавство – 1. Хитрость, коварство. 2. Веселый задор, игривость». Ср.: «Наружность самого г. Зверкова мало располагала в его пользу: из широкого, почти четверугольного лица, лукаво выглядывали мышинные глазки, торчал нос, большой и острый, с открытыми ноздрями» [8, т. 4, с. 29].

В данном примере автор описывает литературного героя, взгляд которого представлен наречием *лукаво* и выражает хитрость и коварство. Писатель называет глаза персонажа «мышинными глазками». Очевидно, такое описание свидетельствует не только об их сером цвете, но и маленьким размере: *мышинный* – 1. Такой как у мыши. 2. Серый, цвета мыши (МАС). Глаза Зверкова по сравнению с его четверугольным лицом настолько малы и незаметны, что окружающим кажется, будто они не смотрят, а выглядывают наружу: *выглянуть* – 1. Посмотреть, взглянуть, высунувшись, показавшись наружу (МАС). Таким образом, метаописание взгляда героя помогает автору представить не только эмоции персонажа, но и его характер, а также описать его портрет. При этом важную роль в характеристике взгляда играют словосочетания, выражающие мимические движения. Так, по мнению Г. В. Бороздиной, прищуренные (суженные) глаза могут свидетельствовать о хитрости и коварстве [1, с. 53]. Ср.: «– Вы ничего не заметили? – спросил он меня вдруг, лукаво прищурив глазки» [8, т. 11, с. 193].

Вместе с тем одним из значений *лукавого взгляда* является веселый задор и игривость. Ср.: «Я никогда не видывал более пронизательных и умных глаз, как его крошечные, лукавые гляделки. Орловцы называют глаза гляделками, так же как рот едалом» [8, т. 4, с. 235]; «Василиса лукаво посмотрела на него и опять засмеялась» [8, т. 5, с. 140]; «Лидия часто ввертывала свое словечко и лукаво на меня посматривала» [8, т. 4, с. 234]; «Он немного потемнел в эти девять лет; но глаза глядят

так же задумчиво, лукаво и нежно, губы так же легкомысленно и грустно смеются, и полуоципанная роза так же тихо валится из тонких пальцев» [8, т. 7, с. 9].

В приведенных примерах взгляды, описанные с помощью наречия *лукаво*, выражают веселье, легкомысленность и желание пошутить. В последнем примере И. С. Тургенев вводит дополнительные характеристики взгляда посредством наречий *задумчиво* и *нежно*, которые свидетельствуют о погруженности персонажа в собственные мысли и чувство любви: *задумчивый* — Погруженный в думы размышления // Выражающий раздумье, размышление; *нежный* — 1. Проявляющий любовь, ласку, по отношению к кому-л., в обращении с кем-л. (МАС).

Кроме того, об игривости *лукавого взгляда* персонажа свидетельствуют словосочетания *подмигнуть глазом*, *прищурить левый глаз*, выражающие такие общие мимические движения, как «прищуривание одного глаза» или «подмигивание». Ср.: «А уж я так не умру, выкурю трубочку, — прибавил он, лукаво подмигнув глазом» (IV, 223); «— Ррррака-лион, братец, — проговорил Хлопаков, лукаво прищурив левый глаз» [8, т. 4, с. 134]; «...но надо было видеть, как плутовски он прищурил левый глаз на слове: кишке!» [8, т. 7, с. 35].

По словам Г. В. Бороздиной, подмигивание служит для установления тайного взаимопонимания [1, с. 54]. Г. Е. Крейдлин, вслед за З. Фрейдом, отмечает, что подмигивание является также важным компонентом тайной любовной игры или флирта [3, с. 401]. Посредством таких мимических движений адресант намеренно передают адресату информацию о своих мыслях и чувствах, но иногда они составляют и реакцию на реплику собеседника [2, с. 175].

Синонимом наречия *лукаво* выступает наречие *плутовски*. Согласно словарям, «*плутовской* — 1. Свойственный плуту 2. Выражающий плутовство, лукавство, хитрость». Ср.: «Кистер плутовски посмотрел на нее» [8, т. 5, с. 22]. В данном примере взгляд Кистера, главного героя повести «Бретер», говорит о хитрости и игривости по отношению к молодой девушке, к которой он испытывает глубокое чувство привязанности и нежности.

Также представление о лукавом / плутовском взгляде выражается в текстах И. С. Тургенева словосочетанием *прищурить глаза*, соотносимым с мимической позицией «прищуренные глаза». Ср.: «— А он вас очень занимает... — сказал Федор Федорович, плутовски прищурив свои голубые и добрые глаза» [8, т. 5, с. 47].

Одним из значений *прищуренного взгляда*, по мнению Л. П. Паршуковой, является пристальное внимание адресанта к адресату и наблю-

дение за ним [4, с. 80]. Федору Федоровичу, герою повести «Бретер», хочется узнать, как относится собеседник к их общему знакомому. Кроме того, взгляд персонажа выражает отзывчивость и расположенность к собеседнику, о чем свидетельствуют дополнительные характеристики, которые вводит И. С. Тургенев с помощью прилагательного *добрый*: *Добрый* – 1. Расположенный к людям, отзывчивый, исполненный доброты к ним, готовности помочь (МАС).

В дополнение к сказанному выше следует отметить, что наречия *лукаво* и *плутовски* являются синонимами, однако имеют ряд характерных отличий: прилагательное *лукавый* «характеризует человека, не только прибегающего к хитростям, уловкам, но и отличающегося неискренностью и лицемерием», в то время как *плутовской* «в этом значении не употребляется» [6, т. 2, с. 651].

Концептуальным эквивалентом наречий *лукаво* и *плутовски* выступает прилагательное *лисий*. Согласно словарям, «*лисий* – 2. перен. хитрый и лстивый» (МАС). Ср.: «Господин Флич возвел кверху свои маленькие, лисьи глазки и вздохнул» [8, т. 6, с. 146]; «...и не шевелился на своем стуле, а только, тихонько пофыркивая и тихонько потирая кончики пальцев, поочередно направлял свои лисьи глаза на меня, на отца, на Юшку» [8, т. 11, с. 232]; «Из себя он был пухлый да круглый; а лицо как у лисицы, нос шилом; глаза карие, светлые, тоже как у лисицы. И все он ими двигал, этими глазами, направо да налево, и носом тоже водил – словно воздух нюхал» [8, т. 11, с. 221]; «Она перед тем просидела дня три в уголку, скорчившись и прижавшись к стенке, как раненая лисица, – и хоть бы слово кому промолвила, все только глазами поводила, да задумывалась, да подрыгивала бровями, да слегка зубы скалила, да руками перебирала, словно куталась» [8, т. 4, с. 316].

В приведенных примерах взгляды литературных героев описываются с помощью прилагательного *лисий* и выражают хитрость, угодливость и желание польстить собеседнику. Отмеченное обстоятельство связано и с тем, что, по словам Д. Тресиддера, в европейской традиции лиса является символом хитрости, часто дополняемым позорными качествами – злобой, лицемерием и пороком [7, с. 197].

В данных условиях особый интерес вызывает не только сам взгляд персонажа, но и его направление. Так, обладатели *лисских* взглядов никогда не смотрят прямо в глаза собеседнику. По мнению Г. Уэйнрайт, недостаточный зрительный контакт может расцениваться как свидетельство невнимания, нежелания проявлять уважение, как неискренность собеседника и наличие у него нечистых помыслов [9, с. 21].

И. С. Тургенев описывает лисьи взгляды с помощью глагола *поводить* и наречий *направо, налево*. «Водить – 2. Обозначает действие, повторяющееся, совершающееся в разных направлениях». Г. В. Бороздина называет такой взгляд *блуждающим*. По ее словам, одним из его значений служит трезвое взвешивание, оценка ситуации, принятие решения или обида [1, с. 58].

Таким образом, тип взглядов, связанных с концептом «лукавство», репрезентируется в текстах И. С. Тургенева наречиями *лукаво* и *плутовски*, которые означают качества по значению соответствующих прилагательных, и собственно прилагательным *лисией*. Их семантическое различие заключается в дополнительных лексико-семантических вариантах. Взгляды, описанные с помощью наречия *лукаво*, выражают в произведениях И. С. Тургенева несколько значений: «хитрость», «коварство и веселый вздор», «игривость». При этом писатель вводит дополнительные характеристики лукавого взгляда: «погруженность в собственные мысли», «любовь и нежность». Кроме того, *лукавые взгляды* представлены в его текстах словосочетаниями, выражающими мимические движения *подмигивание, прищуривание одного глаза и прищуривание обоих глаз*, которые свидетельствует об установлении тайного взаимопонимания между собеседниками. Одним из дополнительных значений мимического движения прищуривание обоих глаз является «коварство и хитрость». Взгляды, описанные с помощью наречия *плутовски*, свидетельствуют о плутовстве, лукавстве и хитрости, однако не выражают коварства и желания обмануть. Мимическое движение *прищурить оба глаза* свидетельствует о пристальном внимании к адресату со стороны адресанта. Взгляды, представленные прилагательным *лисией*, выражают не только хитрость, но и желание польстить собеседнику. Примечательно, что персонажи с *лисими взглядами* никогда не смотрят прямо в глаза собеседнику.

В целом новые принципы исследования художественных текстов, согласно которым учитывается функциональность не только собственно дискурсивного уровня, но и уровня метаописания невербальных сигналов, позволяют глубоко вскрыть характер героев и их психологическое состояние в произведении.

Список литературы

1. Бороздина Г. В. Психология делового общения. М., 2003.
2. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М., 2002.

3. Крейдлин Г.Е. Семантические типы жестов // Лики языка: к 45-летию научной деятельности Е. А. Земской. М., 1998. С. 174–184.
4. Паршукова Л. П. Физиогномика: читай по лицу. Ростов н/Д, 2005.
5. Словарь русского языка : в 4 т. М., 1981.
6. Словарь синонимов русского языка : в 2 т. Л., 1970.
7. Тресиддер Дж. Словарь символов. М., 1999.
8. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 28 т. М. ; Л., 1963.
9. Уэйнрайт Г. Язык тела. М., 2002.

Anastasiya Dronova

**ON THE METALINGUISTIC FUNCTIONS
OF A NATURAL LANGUAGE IN LITERARY TEXTS**

This article considers the relevant linguistic problem of metalinguistic potential of a natural language and its functions in a literary text in the case of the Russian language. The Russian language and natural languages in general act as a universal cognitive model capable of describing different codes presented in literary texts.

Key words: *metalanguage, Russian language, text, nonverbal communication signals, concept, lexis.*

*Вардан Арутюнян
(Калининград)*

**«ЖИВОЕ» СЛОВО В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ
КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(К юбилею Александры Александровны Залевской)**

Рассматриваются основные положения, связанные с природой и структурой слова, функционирующего в психике человека. Разграничиваются понятия слова как достояния индивида («живого» слова) и слова, представленного в словаре («искусственного» слова). Делается вывод о принципиальной разности ментального лексикона и словаря как лексикографической единицы.

Ключевые слова: язык, нейролингвистика, слово, ментальный лексикон, нейронная сеть, мозг, долговременная память.

Психолингвистические исследования слова как достояния индивида, то есть «живого» слова, функционирующего в психико-когнитивном пространстве человека, впервые в отечественной науке были начаты Александрой Александровной Залевской, основателем Тверской психолингвистической школы. С 60-х годов XX века ею, а затем и ее учениками (а сейчас — и учениками ее учеников) разрабатываются концепции организации ментального лексикона в связи с центральной ролью слова во всех языковых процессах. Так, к настоящему времени сформированы теории организации ментального лексикона [3; 7; 9], идентификации слова¹ [6; 15], функциониро-

---

© Арутюнян В., 2014

¹ Важно отметить, что представители Тверской психолингвистической школы различают понятия «идентификация слова» и «лексический доступ» (последнее используется в англоязычной научной литературе).

вания иноязычного слова в сознании индивида [4; 16], специфики ядра ментального лексикона [10–13]; рассмотрены вопросы проекции текста [2; 14] и пр.

Проблема исследования ментального лексикона в настоящее время в связи с развитием когнитивной науки стала одной из самых актуальных в психо- и нейролингвистике. Связано это прежде всего с тем, что стала очевидной несостоятельность изучения языка и речи методами только лишь традиционной лингвистики: необходим широкий междисциплинарный охват. Исследователи справедливо отмечают, что поскольку «речевая организация — явление *психофизиологическое*, а результаты переработки и упорядочения речевого опыта хранятся в *памяти* человека и используются в его *речемыслительной деятельности*, мы неизбежно приходим к выводу, что относительная полнота описания специфики лексикона может быть обеспечена только при условии оперирования данными из области физиологии и психологии памяти, мышления и речи... Таким образом, становится очевидным, что исследование лексикона человека должно быть *междисциплинарным*, требующим объединения усилий представителей широкого круга наук» [8, с. 36–37].

Исследования, выполненные в рамках Тверской психолингвистической школы, позволили взглянуть на природу и сущность *слова* и, собственно, ментального лексикона с определенных позиций. Прежде всего была подчеркнута мысль о том, что «живое» слово, функционирующее в психике человека, не тождественно лексеме, данной в словаре: «...необходимо различать научное описание слова и реальное функционирование последнего; иначе говоря, живое слово отличается от продукта логико-рационального “засушивания” слова, тем самым лишенного “запахов”, “вкуса”, “красок” и т.д.» [5, с. 54]». Иными словами, когда мы рассматриваем слово как единицу словаря, мы имеем дело с искусственным конструктом, вырванным из общего психико-когнитивного пространства человека. В связи с этим необходимо представить несколько наиболее значимых положений, развиваемых представителями Тверской психолингвистической школы: они играют роль своеобразных аксиом в современной психолингвистике:

- все психические феномены являются продуктом функционирования головного мозга;
- все психические функции (язык, память, внимание и пр.) онтологически не существуют как обособленные феномены, а представляют собой единый сложный когнитивный континуум;

- все психические функции опираются на специфику организации нейронной сети, то есть устроены таким же образом, что и мозг (иными словами, ментальное пространство человека выстраивается как сложная сеть).

Исследования, ведущиеся в рамках Тверской психолингвистической школы, соотносятся с современными концепциями развития когнитивной науки, а именно с коннекционистскими и сетевыми подходами к организации психико-когнитивного пространства человека. В последние годы в когнитивной науке появилась тенденция описывать ментальное поле как «когнитом», строящийся на специфической структуре «коннектома».

Коннектом — это полное описание элементов и связей между ними в нервной системы организма. Исследователи подчеркивают, что «для того чтобы понять функционирование сети, необходимо знать ее элементы и их взаимосвязи друг с другом... Мы предлагаем называть этот набор данных “коннектомом” и считаем, что он имеет фундаментальную важность в когнитивной нейронауке и нейропсихологии» [17, р. 0245]. Известно, что с 2009 года в США стартовал *Human Connectome Project*, конечной целью которого является описание коннектома человека. Когнитом же можно трактовать как «полную систему субъективного опыта, сформированную у организма в процессе эволюции, развития и познании» [1, с. 26]. Более того, когнитом имеет «зернистую» структуру, состоит из «когнитивных частиц, когов» [1, с. 27].

Психолингвистическая теория слова, разрабатываемая А. А. Залевской и представителями Тверской психолингвистической школы, способна внести значительный вклад в теорию когнитома. Исходя из того, что «живое» слово — часть общей организации мозга, человеческого интеллекта, его памяти, ученые, работающие в рамках Тверской психолингвистической школы, фактически снимают методологический барьер искусственного членения психики на составные компоненты (язык, память, внимание и пр.) и переходят к целостному описанию ментального пространства человека.

Таким образом, Тверская психолингвистическая школа, основанная Александрой Александровной Залевской, работает в русле современных тенденций когнитивной науки, внося неопределимый вклад в общие когнитивные исследования.

Александра Александровна Залевская 26 сентября 2014 года отметила свой 85-летний юбилей. В этом же году вышли две ее книги по психолингвистическим проблемам функционирования слова в ментальном лексиконе:

«Что там – за словом?» (Москва) и «*Interfacial Theory of Word Meaning*» (London). Мы желаем уважаемой Александре Александровне крепкого здоровья и дальнейших научных достижений и разработок, которые оказали огромное влияние на становление моих научных взглядов и позиций. С юбилеем и огромное Вам спасибо!

Список литературы

1. Анохин К. В. Когнитом: в поисках общей теории когнитивной науки // Шестая международная конференция по когнитивной науке : тез. докл. Калининград, 2014. С. 26 – 28.
2. Арутюнян В. Г. Мозг и язык: междисциплинарный подход к ментальному лексикону : монография. Калининград, 2014.
3. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М., 1999.
4. Залевская А. А. Вопросы теории двуязычия. Тверь, 2009.
5. Залевская А. А. «Живое слово» и интерфейсная теория значения // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Филология». 2013. № 24, вып. 5. С. 54 – 61.
6. Залевская А. А. Идентификация слова: процесс и продукт // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Филология». 2011. № 28, вып. 4. С. 190 – 203.
7. Залевская А. А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования. Тверь, 1992.
8. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст. Избранные труды. М., 2005.
9. Залевская А. А. Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование. Воронеж, 1990.
10. Золотова Н. О. Единицы ядра лексикона как опоры при обучении иностранному языку // Процесс обучения и воспитания: содержание и методы реализации : материалы научно-методической конференции. Тверь, 2002. Ч. 2. С. 372 – 381.
11. Золотова Н. О. Роль единиц лексикона индивида в понимании текста // Языковое сознание и образ мира : тезисы докладов XII Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1997. С. 69.
12. Золотова Н. О. Роль единиц ядра ментального лексикона в процессах овладения иноязычной лексикой // Лингводидактические проблемы обучения иностранным языкам в школе и вузе : материалы межрегиональной конференции. Белгород, 2003. Вып. 3. С. 243 – 246.
13. Золотова Н. О. Специфика и функции единиц ядра ментального лексикона ребенка // Психолингвистические проблемы детской речи : материалы конференции. Череповец, 2000. С. 27 – 28.
14. Рафикова Н. В. Психолингвистическое исследование процессов понимания текста : монография. Тверь, 1999.

15. Сазонова Т.Ю. Моделирование процессов идентификации слова человеком: психолингвистический подход : монография. Тверь, 2000.

16. Саркисова Э.В. Модели ментального лексикона билингва // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Филология». 2012. №10, вып. 2. С. 200–207.

17. Sporns O., Tononi G., Kötter R. The Human Connectome: A Structural Description of the Human Brain // PLoS Computational Biology. 2005. Vol. 1, iss. 4. P. 0245–0251.

Vardan Arutynyan

**THE “LIVING” WORD IN THE LIGHT OF MODERN COGNITIVE STUDIES
(Dedicated to the anniversary of Alexandra Zalevskaya)**

This article considers the key provisions relating to the nature and structure of the word in human mental space. The author distinguishes between the word as an asset of an individual (the “living” word) and the word as found in a dictionary. It is concluded that there is a dramatic difference between the mental lexicon and a dictionary as a lexicographic unit.

Key words: *language, neurolinguistics, word, mental lexicon, neural network, brain, long-term memory.*

*Ольга Голубенко
(Калининград)*

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ В РУССКОМ И ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКАХ

Исследуется семантика русских и литовских фразеологизмов-зоонимов, проводится их семантическая и структурная систематизация. Выявляются лингвокультурологические особенности устойчивых сочетаний, содержащих компонент-зооним, в языковой картине мира носителей исследуемых языков.

Ключевые слова: зоонимный компонент, семантическое содержание, фразеология, русский язык, литовский язык, картина мира, идеографическое описание.

В настоящее время большой интерес исследователей вызывает сопоставительное изучение языковой картины мира носителей того или иного языка. «Знание различий между языками, — отмечает В.Г. Гак, — позволяет преодолевать языковую интерференцию: влияние одного (родного) языка при пользовании другим языком. Кроме того, оно дает лингвистическое обоснование закономерностям перевода. К тому же сопоставление имеет немаловажное значение не только для их практического изучения (оно заставляет вникать в самые тонкие оттенки родного языка), но и для развития

теории этих языков, способствует более глубокому анализу лингвистических явлений сопоставляемых языков» [1, с. 6]. В области фразеологии проявляется наиболее тесная связь языка и культуры. Фразеологизмы представляют собой национально-специфические единицы языка, «аккумулирующие и передающие из поколения в поколение культурный потенциал народа. В них проявляются особенности всякого национального языка... неповторимым образом выражаются дух и своеобразие нации» [3, с. 157].

Генетическое родство славянских и балтийских языков определяет значительное сходство между данными языковыми системами. Русский и литовский языки на протяжении веков сосуществовали в непосредственной близости, в том числе и вследствие этого в их структурах на всех уровнях наблюдается немало общего.

Сравнительный анализ лексических систем вышеуказанных языков в целом не является новой задачей для русского и литовского языковедения (см., например, работы И. А. Стернина, Д. Эйгирдене, Й. Русецкой, В. С. Дротвинаса), однако не все стороны процесса формирования и функционирования русских и литовских фразеологизмов исследованы в достаточной мере.

Весьма интересной в этом отношении выступает лексико-грамматическая группа, которую составляют фразеологизмы с компонентом-зоонимом, поскольку они составляют важный пласт лексики русского и литовского языков, отражающий национально-специфические и общечеловеческие категории культуры. По нашим подсчетам, около 70 зоонимов с различной степенью активности участвуют в образовании фразеологизмов в русском языке и около 90 — в литовском языке.

Фразеологизмы-зоонимы в русской и литовской языковых картинах мира отличаются особой природой ассоциаций, базирующихся на глубинной связи оценочной семантики с биологическими признаками животных. Это обусловлено характеристикой человека как живого существа (здоровье, физические возможности и состояния, внешний облик, фазы человеческой жизни, потребности, движения); как разумного существа (черты характера, эмоции и чувства); как общественного существа (отношения в обществе, деятельность, игры). А. Гудавичюс, сопоставляя русский и литовский языки, затрагивает непосредственно проблему антропоцентрического переноса и рассматривает в качестве собственно языковых культурно-значимых элементов те, которые общеприняты, закреплены в языке (зафиксированы в лексикографических источниках) и отчетливо осознаются членами данного языкового коллектива [2]. Исследователь выделяет следующие группы соот-

ветствий: 1) переносные значения эквивалентных зоонимов полностью совпадают — лит. *asilas* = рус. *осел* — «глупый, тупой, упрямый человек»; 2) переносные значения совпадают частично — лит. *avinelis* = рус. *ягненок* (общее значение «тихий, кроткий человек» + «глуповатый»); 3) переносные значения не совпадают: лит. *paŗšas* «незрелый, мало смыслящий человек» ≠ рус. *поросенок* «ребенок-неряха, замарашка».

Отметим, что активность использования того или иного зоонима в русских и литовских фразеологизмах не всегда одинакова. При формировании значений устойчивых сочетаний с компонентом-зоонимом основополагающую роль играют поведение, повадки, привычки животных. В составе фразеологизмов и в русском, и в литовском языке преимущественно используются наименования домашних животных. При этом наиболее часто в обоих языках формировались в качестве основных компонентов фразеологизмов названия таких домашних животных, как *коза* (*oŗka*), *кошка* (*katė*), *собака* (*ŗuo*), *курица* (*viŗta*), *петух* (*gaidys*), *лошадь* (*arklys*), *заяц*, *кролик* (*kiŗkis*), *волк* (*vilkas*), что объясняется их тесным контактом с человеком.

В ходе сравнительного анализа устойчивых выражений русского и литовского языков можно выделить четыре основные группы фразеологизмов по лексико-семантическому составу:

1. Фразеологизмы, одинаковые по значениям и компонентам-зоонимам, входящим в состав фразеологической единицы.

2. Фразеологизмы, одинаковые по значениям, но различные по компонентам-зоонимам.

3. Фразеологизмы, разные по значениям, но одинаковые по компонентам-зоонимам.

4. Фразеологизмы, различные и по значениям, и по упоминаемым в их составе компонентам-зоонимам.

Первая группа фразеологизмов — это эквивалентные сочетания, тождественные по лексическому составу и смысловому наполнению. К ним можно отнести следующие фразеологизмы:

— рус. *как собаке пятая нога* — лит. *kaip ŗuniui penkta koja* «несколько, совершенно не нужен (не подходит и т. д.): «И на кой мне черт вас в роту прислали? Нужны вы мне как собаке пятая нога» (Курпун. Поединок); «*Tas ŗvarkas jam tiko kaip ŗuniui penkta koja*» (Gavelis. Sun-Tzu gyvenimas ŗventame Vilniaus mieste);

— рус. *псу под хвост* — лит. *ŗuniui ant uodegos* «впустую, напрасно»: «Два года работы... Два года вдохновенья *псу под хвост*» (Николаева. Талант); «*ŗmona su vaiku, darbas, namai, draugai, sveikata, gyvenimas — viskas ŗuniui ant uodegos*» (Parulskis. Murmanti siena);

– рус. *козел отпущения (искупления)* – лит. *atpirkimo (atlaidy) ožys* «человек, на которого постоянно сваливают чужую вину, несущий ответственность за чужие поступки, чужие обязанности»: «Да-с, вам легко говорить, – возразил раздраженно товарищ прокурора, – а не угодно ли вам в нашу кожу влезть... когда в настоящую пору судебное ведомство служит *козлом отпущения* за все безобразия русской жизни...» (Маркевич. Бездна); «Girdėjau, kad jis skirtas būti savotišku tėvu *atpirkimo ožiui*»; «O anie du dar sėdės. Jų taip lengvai nepaimsi. Kažkas čia turi būti *atpirkimo ožys*, o tada ateis jis, Kazimieras» (Radzevičius. Priešaušrio vieškeliai). И значения, и компоненты в данных фразеологизмах русского и литовского языков абсолютно совпадают.

К этой же группе относятся фразеологизмы *как курица лапой* – *kaip višta su koja*, *как кошка с собакой* – *kaip šuo su kate*, *бить как собаку* – *mušti kaip šuo*, *вот где собака зарыта* – *štai kur šuo pakastas*, *волк в овечьей шкуре* – *vilkas avies kailyje*, *собака на сене* – *šuo ant šieno*, *морской волк* – *jūrinis vilkas*, *как от козла молока* – *kaip iš ožio pieno*, *вешать собак* – *šunis karti*, *лить крокодиловы слезы* – *krokodilo asaras lieti*, *медвежья услуга* – *meškos paslauga* и другие.

Вторую группу составляют фразеологизмы, одинаковые по значению, но различные по компонентам-зоонимам в составе, либо имеющие эквивалент, но без зоонима в составе. Примерами такого рода могут служить фразеологизмы рус. *мартовский кот* «бабник» и лит. *šunų agronomas* «агроном собак»¹. Происхождение литовского фразеологизма связывают с советским периодом, когда в образе агронома видели небогатого человека, работа которого была сезонной; так появился «сезонный возлюбленный», который, как и агроном, обладает всесторонними знаниями в своей области [5, с. 16]. Ср.: «*Šunų agronomas višioms aiškino taip tvarkąs didžiausią Lietuvos demografinę bėdą – mažą gimstamumą*» («Kalvotoji»); «Влюбился... и бегал я за своей красавицей, как *мартовский кот*» (Засодимский. Перед потухшим камельком).

Следует отметить, что если в русском языке наименование животного в составе фразеологизма указывает на субъект (мужчину) – *кот*, то в литовском языке в составе фразеологизма находится объект воздействия – *собака*. Что важно, здесь сохраняется противопоставление мужского и женского начал.

Такой же характер соответствия мы наблюдаем во фразеологизмах рус. *собаку съел* и лит. *ant arklio ir po arkliu buvęs* (букв. «на коне и под конем побывавший») – «много всего видевший человек, с большим

¹ Здесь и далее перевод с литовского языка наш. – О. Г.

опытом». Ср.: «Дядя Ипатыч уважал “Карлу”, потому что по всякому фабричному делу «он собаку съел», особенно по доменному производству» (Мамин-Сибиряк. Под домной; «Jau ir ant arklio ir po arkliu buvoai, dabar ne kiekvienas mane pagašdins» (Aputis. Vieškelių džipai).

Ко второй группе также относятся сочетания рус. *кот заплакал* – лит. *gaidžio ašara* (букв. «слеза петуха»), рус. *драть как сидорову козу* – лит. *tušti kaip šuo* («бить как собаку»), рус. *рабочая лошадь* – лит. *darbo kurtis* (букв. «рабочий крот»); рус. *как корова жевала* – лит. *šuns gerklėje buvoš* (букв. «бывший у собаки в горле»), рус. *черная кошка пробежала* – лит. *zuikis perbėgo kelią* (букв. «заяц перебежал дорогу»), рус. *как с цепи сорвался* – лит. *kaip grandininis šuo* («как цепной пес»); рус. *ни стыда, ни совести* – лит. *šuns akis turėti* (букв. «иметь собачьи глаза»); рус. *драть козла* – лит. *ožio balsu* («козлиный голос»), рус. *всякая жаба* – лит. *gipūžų maišas* (букв. «мешок жаб»); рус. *ослиный разум* – лит. *asilo galva* («ослиная голова»); рус. *шипучая змея* – лит. *kaip gyvatės įgeltas* («как ужаленный змеей») и другие.

В состав *третьей группы* входят фразеологизмы, разные по значениям, но одинаковые по компонентам-зоонимам. Интересной здесь представляется корреляция рус. *собачий хвост* и лит. *šuns uodega* («собачий хвост»). Сочетание *собачий хвост* в русском языке является названием «гребенника обыкновенного» – красивого злака, распространенного в Европе, западной Азии, северной Африке, на Канарских островах, похожего на хвост собаки. В литовском языке фразеологизм *šuns uodega* имеет значение «угодливый, льстивый человек, старающийся добиться расположения вышестоящего» (LKFŽ). Поведение заискивающего человека метафорически ассоциируется с поведением хвоста: движение хвоста собаки сигнализирует о ее настроении, это происходит под действием сигналов, посылаемых мозгом, а не по ее собственному желанию. В русском языке по отношению к льстивому человеку употребляется сочетание *ходить за кем-то «хвостиком»*.

Приведем еще несколько подобных примеров. Лит. *šuns pūga* (букв. «собачья метель») – «очень скверная погода» (LKFŽ): «O tai šunies pūga užkilo, netikėta atmaina!» (Šerelytė. Vardas tamsoje). В русском языке ему близок по значению фразеологизм *собачий холод* («очень сильный, доставляющий неудобства» (ФСРЯ)): «Утешайся тем, что все предугадать нельзя. Здесь *собачий холод*. Весна упрямо не приходит» (Вертинская. Синяя птица любви). Но между русским и литовским фразеологизмами существует весомое отличие: фразеологизм *šuns pūga* употребляется при наличии любой ненастной погоды (это не всегда мороз или хо-

лод). Употребление в составе устойчивых сочетаний именно номинации *собака* можно объяснить соответствующим поведением животного: во время дождя, мороза она сворачиваются клубком и не покидает жилища.

Рус. *быть на коне* — лит. *kaip ant žirgo pasodintas* (букв. «как на коня посаженный»). Литовский фразеологизм характеризует положительное эмоциональное состояние, «хорошее настроение» (LKFŽ); это значение имеет также фразеологизм *kaip žirgą gavęs* (букв. «будто коня получил»), а русский — «отличное положение человека, его дел» (ФСРЛЯ). В литовском языке это значение передает фразеологизм *kaip ant arklio joja* (букв. «как на коне скачет») — так говорят, когда дела идут хорошо: *Malonė ant keršo žirgo joja* (*Kunčinas. Užėjau pas draugą*).

К данной группе фразеологизмов можно отнести сочетания и с другими, реже встречающимися названиями животных. Отметим фразеологизм, в состав которого входит компонент «птица»: в русском языке *синяя птица* — «символ высшего счастья» (ФСРЯ). В литовском же языке фразеологизм *žydroji paukštė* (*синяя птица*) обозначает вдохновение (LKFŽ). Фразеологизм *как оса лезет в глаза* в русском языке имеет значение «назойливый человек» (ССРЯ), литовский фразеологизм *kaip vapsva į akis lenda* («как оса лезет в глаза») характеризует агрессивную женщину (FŽ). Русское сочетание *рыбья кровь* означает равнодушного к людям, спокойного, хладнокровного человека (ФСРЯ). В литовском языке оборот *živies kraujo* («рыбья кровь») имеет значение «тихий человек со спокойным нравом» (FŽ).

Четвертую группу составляют фразеологизмы, наиболее ярко передающие языковую и культурную специфику конкретного народа. К уникальным фразеологизмам русского языка, не встречающимся в литовском языке, можно отнести следующие: *петлять как заяц* (буквальный перевод *kreivuliuoti zuikiui*) — «об очень изворотливом человеке, стремящемся обмануть кого-либо, скрыть свои истинные замыслы»; *вильнуть умом, как нес хвостом* (*vikstelėti protu, kaip šuo uodega*) — «об изворачивающемся, прибегающем к изощренным уловкам человеке»; *как нес смрадный* (*kaip dvokiantis šuo*) — «о мерзком, гнусном и подлом человеке»; *как собака на заборе* (*kaip šuo ant tvoros*) — «о том, кто неуклюже, неумело сидит в седле» (ССРЯ); *собачья радость* (*šuns džiaugsmas*) — 1) «колбаса самого низкого качества, сорта», 2) «вареная требуха, сычуг, печенька, легкие, сердце» (ФСРЯ); *ободрать как волк овцу* (*nulupti kaip vilkas avį*) — «о безжалостном ограблении или жестокой эксплуатации»; *слаб как вареный петух* (*silpnas kaip virtas gaidys*) — «об очень слабым, вялом человеке»; *стоять как петух на насесте* (*stovėti kaip gaidys ant laktos*) — «о неподвижно и долго стоящем человеке» (ССРЯ).

В литовском языке это фразеологизмы, в состав которых входят диалектные слова, имена и фамилии, связанные с народной мифологией, сказками, легендами, обычаями: *kudlas raižyti šuniui* («резать собакам *пальцы*») «шуметь»; *šunų veseilia* («собачья *свадьба*») — «громкий шум» (FŽ); *šuns litaniją giedoti* («собачью *молитву* петь») «зевнуть»; *šuns zakristija* («собачья *ризница*») шутол. «стол» (LFŽ); *Perkūno oželis* («козленок Перкунаса» — бога-громовержца) «бекас», небольшая птица с очень длинным, прямым и острым клювом (LKFŽ); *kaip Samuolio bitės* («как Самуилова пчела») «о рассеянном человеке» (LFŽ). Это также фразеологизмы *šuns duona, pyragas* («собачий хлеб, пирог») «нищета» (FŽ); *šuns maltuvė* («собачья мельница») «тюрьма»; *kaip iš kalės uodegos* («как из сучьего хвоста») «проворный, ловкий человек» (LKFŽ); *šuns dantys* («собачьи зубы») «сплетник» (FŽ), *kaip ožys į varlę* («как козел на лягушку») «уставиться, пристально смотреть, не отводя взгляда» (LKFŽ) и т. д.

Среди литовских фразеологизмов достаточно много единиц, характеризующих родственные, семейные отношения и не имеющих в русском языке буквального соответствия. Например, в литовском языке распространены фразеологизмы о соблазненных девушках: *ožys suėdė rūtas* («козел съел руту»). Рута — вечнозеленая душистая трава с ярко-желтыми цветками, которую едят козлы: метафоричность фразеологизма сводится к тому, что мужчина соблазняет, губит молодую, цветущую девушку. *Numesti kaip vištą nuo laktos* («сбросить курицу с *наеста*») — «о девушке, оставленной после помолвки» при характеристике неожиданности данного положения (LKFŽ).

Ožius gainioti papėkliais («гонять козлов у болота») — «быть старой *девой*» (LKFŽ), а фразеологизм *ožiu smirdėti* («вонять козлом») употребляется «по отношению к мужчине, который является вечным, старым холостяком» (FŽ). Данный факт можно объяснить тем, что у козлов специфический запах говорит о возрасте, плохом здоровье и о готовности к случке (в брачный период козлы употребляют мочу, а избыток токсинов выводится через потовые железы, что, естественно, придает животному еще более неприятный запах) [4].

Фразеологизм *ir nors už ožio* («хотя бы за козла») — «лишь бы выйти замуж» (FŽ): употребляется по отношению к девушке, которая долгое время не может выйти замуж. Примечательно, что для характеристики отношений мужчины и женщины используются чаще всего такие животные, как *коза* (*ožka*) и *козел* (*ožys*), то есть соотношение *самец / самка* во фразеологизмах такого рода существует.

В литовском языке является весьма частотным и другой фразеологизм, не имеющий аналога в русском языке, — *vilkas užšiko gerklę* («волк обгадил горло») — «очень испугавшись, не выговорить ни слова» (LFŽ).

Уникальным в литовской фразеологической системе выступает сочетание *še tau šunie Devintinēs* (букв. «ах ты собака на Девятины») «выражение удивления, разочарования» (FŽ): происходит из обычая во время поминальной трапезы на девятый день после смерти давать просящим животным части со стола, чтобы они «поучаствовали» в прощании [6, с. 16]: «*Še tau šunie devintinēs... Pinigus sukišusi, plika brukasi man ant senatvės*» (*Granauskas. Novelės*).

Семантика компонента-зоонима, безусловно, влияет на общее значение устойчивого сочетания. Проведенный сопоставительный анализ русских и литовских фразеологизмов с компонентом-зоонимом позволяет сделать вывод о том, что не все наименования животных имеют одинаковую семантику в русском и литовском языках. При этом содержательная область названий животных и частотность их употребления во фразеологии непосредственно связаны со значимостью того или иного животного в национальной культурной традиции.

Кроме того, активность тех или иных названий животных может быть обусловлена как внеязыковыми факторами, так и лексико-семантическими свойствами соответствующих зоонимов. Одни и те же наименования животных могут реализовываться в составе устойчивых выражений по-разному: их семантика может совпадать или одни и те же явления культурной жизни этноса могут ассоциироваться с самыми разными объектами животного мира. Таким образом, мотив выбора образов для сравнений определен как опытным восприятием животных, так и магическими, религиозными функциями, которыми они наделяются в разных культурах.

Список литературы

1. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М., 1976.
2. Гудавичюс А. Сопоставительная семасиология литовского и русского языков. Вильнюс, 1985.
3. Зайнуллина Л. М. Композиционная семантика производного слова (на материале английского, немецкого, русского, башкирского и французского языков). Уфа, 2005.
4. Лазовский А. А. Приусадебное разведение овец и коз. Минск, 1992.
5. Lyberis A. Kur šuo pakastas. Vilnius, 1968. № 5.
6. Sasnauskas V. Vaikučių kalendorius. Pavasaris. Kaunas, 2008.

Список сокращений

- ССРЯ – *Словарь сравнений русского языка*. СПб., 2003.
ФСРЯ – *Фразеологический словарь русского языка*. М., 1978.
ФСРЛЯ – *Фразеологический словарь русского языка* / под ред. А.И. Молоткова. М., 1997.
FŽ – *Paulauskas J. Frazeologijos žodynas*. Vilnius, 2001.
LFŽ – *Lietuvių kalbos žodynas XIX*. Vilnius, 1999.
LRKŽ – *Lyberis A. Lietuvių-rusų kalbų žodinas*. Vilnius, 2001.

Olga Golubenko

THE FUNCTIONING OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH ZOONYM COMPONENTS IN THE RUSSIAN AND LITHUANIAN LANGUAGES

This article considers the semantics of Russian and Lithuanian zoonym phraseological units and performs their semantic and structural systematisation. The author identifies the cultural linguistic features of fixed expressions containing a zoonym component in the worldview of native speakers.

Key words: *zoonym, semantic content, phraseology, Russian language, Lithuanian language, worldview, ideographic description.*

Любинко Раденкович
(Белград, Сербия)

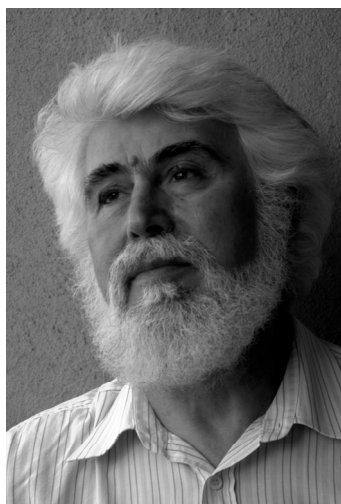
ЧУДОТВОРНЫЕ РАСТЕНИЯ: НЕКОТОРЫЕ СЛАВЯНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ¹

Статья имеет этнолингвистическую направленность. В сравнительном аспекте показаны магические свойства некоторых трав, как они представляются в культурных традициях южных, восточных и западных славян. Также рассматриваются близкие по своим свойствам, но разные травы. Проводится мысль о том, что магические свойства этих трав обусловлены их связью в народном сознании с хтоническим царством или потусторонним миром.

Ключевые слова: этнолингвистика, южные славяне, восточные славяне, поверья, былички, магические травы, хтоническое царство.

С о многими растениями связаны поверья и рассказы об их чудотворной силе. С помощью таких растений, по народным поверьям, можно понимать язык растений и животных, открыть любой замок, найти клад, приворожить юношу или девушку и т.д. Обычно чудотворные растения трудно достать, так как об их местонахождении знают только некоторые животные (черепаха, еж, змея, некоторые птицы), или раньше человека их собирают *вилы* и *вештицы*, или же при попытке человека их выкопать они сами «убегают» от него. Самой известной из таких трав у южных славян является *расковник* (*Siler trilobum*, *Laserpitium siler*), у восточных – *разрыв-трава*.

© Раденкович Л., 2014

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Народная культура сербов между Востоком и Западом» (№ 177022), финансируемом Министерством просвещения и науки Республики Сербия.

Расковник

Разрыв-трава (Бальзамин)

Расковник — волшебное растение, о котором существует поверье, что с его помощью можно открыть все, что закрыто или заперто (двери, сундук, ограду, кандалы). В народной медицине расковник употребляется для лечения женского бесплодия, вызванного порчей (чтобы нейтрализовать магию и уничтожить порчу, наведенную на молодых во время свадьбы) [39, с. 283]. В некоторых рассказах *расковник* освобождает души, которые охраняют клад [32, с. 154].

Название *расковник* распространено у сербов (Сербия, Герцеговина), черногорцев (племя кучи) и болгар. В окрестностях Лесковца (южная Сербия) это растение называется *расков* [7, с. 581–582], у болгар — *разковниче* (Белоградчишко, Кутловско, Оряховско, Бургаско) [19, с. 110–111], в Македонии — *еж-трава* [29, с. 33], в окрестностях Бара в Черногории — *демир-бозан* (с тур. букв. *разбивающий-железо* [35, с. 101]), в Славонии — *шпиргаста трава* [37, с. 116–117], *земальски ключ* [33, с. 5–6; 32, с. 156], в окрестностях Лесковца в южной Сербии — *земли ключеви* [7, с. 582], в Госпиче (Хорватия) — *ключ земальски* и *трава од букагия* [32, с. 154], в Полице (Далмация) — *трава од отвора* [34, с. 225], на острове Црес (Хорватия) — *се-отпира* (чтобы это растение открыло двери, тут говорят: «жберликете», а чтобы закрыло — «жберлокете») [31, с. 266]. В Полице (Далмация в Хорватии) способность открывать все замки приписывалась и растению *детелина од четири листа* (клеве-

ру с четырьмя листочками) [34, с. 226]. У словенцев Савиньской долины рассказывали, что *мавричин корен* открывает все замки. По их поверью, его можно было найти в том месте, где радуга (*маврица*) касается земли, и им питаются некоторые птицы [36, с. 257]. В другом источнике *маврица* описывается как полностью черное растение с красной головкой [30, с. 181–182].

У русских и украинцев растение, которое соответствует *расковнику*, известно под названием *разрыв-трава* [4, с. 712–713; 20, с. 117–118]; *ключ-трава*, *замочная трава* или (в XVII веке) под описательными названиями — *трава, что замки отмыкаются*, *трава, что отмыкают вислые замки и конская железы* [12, с. 212]. В одном русском лечебнике XVIII века чудесное растение, которое отмыкает все засовы, называется *прыгун* [2, с. 34].

По данным русской устной традиции XIX–XX веков для разрыв-травы засвидетельствованы и другие названия, такие как *лом*, *лом-трава*, *гремучая трава*, *железняк*, *замок*, *отмычная трава* [12, с. 213]; у прикарпатских украинцев — *клин-трава*, у поляков (Серадский регион) — *rozryw* [4, с. 326, 712–713].

В Восточной Сербии, где *расковник* употреблялся в магической медицине, под ним подразумевается конкретное растение (*Laserpitium siler*) с длинным корнем веретенообразной формы, обросшее в надземной части жесткими волосками. В облике *расковника* узнаются антропоморфные элементы — голова, шея, ноги, половые органы (по которым различают, является ли растение «мужским» или «женским»), по расположению «ног» судят, «спокойно» ли растение или «в движении» [28, с. 47, 50] и даже «одинок» ли оно или «с детьми» [7, с. 581–582].

Большая часть рассказов, связанных с *расковником*, говорит о том, как человек хитростью может получить это растение, потому что его могут распознать только определенные животные.

У балканских славян добывание *расковника* чаще всего связано с черепахой и ежом (Сербия, Черногория, Болгария, Македония), за исключением змеи в Далмации. Черепаха и еж как добытчики соответствующей волшебной травы появляются и в Западной Украине; еж — в Полесье [26, с. 257], а змея — на Русском Севере [4, с. 258, 394]. У западных славян, хорватов, словенцев и части восточных славян соответствующую волшебную траву приносит птица, чаще всего дятел («желна»), а иногда ласточка, сова, сорока, удод.

Эту идеологию *расковника* иллюстрируют и два основных сюжета в рассказах о способе добывания волшебной травы. В первом случае надо найти в поле черепашьё гнездо с яйцами или «черепашатами», огородить его камнями или плотно вбить вокруг него колышки. Так как черепаха не может попасть в гнездо, она идет искать в поле траву,

приносит *расковник* (*разрыв-траву*) и им касается ограда, которая в тот же миг открывается или падает. Человек должен сразу схватить эту траву, поскольку черепаха, как правило, ее проглатывает [39, с. 269–270; 5, с. 43; 34, с. 225; 19, с. 110–111; 27, с. 77; 6, с. 340; 9, с. 204; 28, с. 67; 18, с. 54]. В варианте этого предания из Боснии и Герцеговины (Мостар) нужно запереть в ящике ежат и ждать, пока придет ежиха, неся во рту *расковник*, от прикосновения которого ящик откроется. Ежиха тоже пытается сразу по достижении цели съесть *расковник* [9, с. 295]. В Дебре (Македония) верили, что волшебная трава спрятана у ежа под языком и что ее можно достать, только если человек неожиданно убьет ежа, когда тот поднимет голову [9, с. 295]. По поверью Русского Севера (Кемский уезд), волшебную траву, которая отмыкает все замки, – *лом* – держит во рту змея [4, с. 326] (ср. связь этимологических значений названий для змей и ежа в старославянском языке). В Далмации (Полицие) верили, что *траву од отбора* может найти тот, кто бросит свой пояс на клубок змей и сумеет спастись от них, убегая по направлению к солнцу, а *расковник* найдет на месте, где лежали змеи [34, с. 225].

В другом типе рассказов, известном и в Западной Европе, человек может добыть чудесное растение от дятла (черной желны) или другой птицы, если закроет клином дупло, где находятся его яйца или птенцы, а под душлом расстелет красный платок или сукно красного цвета. Тогда дятел найдет и принесет волшебную траву, от которой клин вылетит из дупла, а затем, желая ее уничтожить, бросит на ткань, думая, что это огонь [33, с. 5–6; 36, с. 257; 4, с. 94, 574, 601, 712–713]. В польском рассказе дятел бросает на красную ткань несколько растений. Чтобы узнать, какая из них открывает замки, надо их все отнести и бросить в текущую воду: считается, что настоящая трава та, которая поплывет против течения. После этого человек делает разрез на ладони и кладет кусочек этой травы в рану, чтобы она в нее вросла (Катовицкое воеводство) [4, с. 713]. Схожее поверье отмечено у прикарпатских украинцев – там воры зашивали под кожу правой руки *клин-траву*, добытую от желны. Достаточно, как считалось, только коснуться замка этой рукой, и он откроется сам [4, с. 712–713]. И по поверью из окрестностей Иваницы (Сербия), *расковник* вкладывали в разрез на большом пальце, чтобы он в него врос [18, с. 55]. По другому польскому рассказу, волшебную траву можно было добыть и от ласточки. Надо взять одно яйца из ее гнезда и сварить его, а затем незаметно вернуть в гнездо. Тогда ласточка принесет волшебную траву, которая обладает силой оживления (Жешовское воеводство) [4, с. 631]. Наверно, поэтому в Полесье разрыв-траву называют *живая трава*. По этому признаку сложился засвидетельствованный в Полесье рассказ о том, как

человек живой травой оживил свою умершую жену. Он всю ночь провел в церкви над ней и плакал. В час ночи из царских ворот появилась гадука. Он схватил что-то из церкви и отрубил ее хвост; змея уползла, а хвост остался. Потом она снова появилась, неся траву во рту, сама себе приложила эту траву, и хвост прирос. Человек забрал у змеи траву, легко провел ей по жене, и она ожила [26, с. 257]. У болгар (Орханско) существует поверье, что еж, состарившись, пасется на траве, которая молодит его [19, с. 142–143].

В поверьях и преданиях упоминаются и другие способы добычи *расковника* или других соответствующих растений. Вук Караджич в своем Словаре (1852) записал рассказ из Земуна, как некий купец, желая найти такую траву, заковал какую-то женщину в кандалы и отпустил ее ночью в поле, веря, что на том месте, где кандалы раскуются, должен найтись и расковник [13, XI/2, с. 873]. В Восточной Сербии верили, что коню перед выгоном на пастбище надо надеть железные путы — там, где они сами лопнут, находится *расковник*. У прикарпатских украинцев существовало поверье, что, если человек, косящий траву, наткнется на *клин-траву*, из косы выпадут все гвозди [4, с. 712–713]. В окрестностях Иваницы (Западная Сербия) если у человека сломается коса, надо собрать скошенную последним замахом траву и коснуться ею запертого замка — когда очередь дойдет до *расковника*, замок откроется [18, с. 55]. По поверью из Хорватии (Лика, Госпич), человек может получить чудотворную траву *ключи земальски* от вилы, если она к нему благосклонна или если вилы унесут его в вихре и через год вернут уже как *виленьяка*, то есть колдуна [32, с. 154].

О некоторых чудесных травах, например *земли ключеви* (Сербия — Лесковацкое Поморавье) или *модра съекавица* (Герцеговина — Поповци) [21, с. 250], которые схожи с *расковником*, существует поверье, что они «убегают» во время выкапывания. Поэтому надо, вытаскивая из земли *модру съекавицу* (это, вероятно, то же растение, о котором Вук говорит, что оно называется *бадаль*, в Хорватии *съекавац* и *паци триц*) [13, XI/1, с. 45], под ее корень подложить медный луженый противень. Собирая траву *земли ключеви*, нужно было хранить молчание.

В рассказе из Восточной Сербии (окрестности Сврлига) зарытый клад показывается людям в виде черного человека в цепях, который требует, чтобы ему принесли *брата расковника*. Когда ему принесли растение *расковник*, цепи распались и черный человек ушел под землю, а на его месте появился полный котел золотых монет [24, с. 7–8]. Похожий рассказ зафиксирован в Хорватии (Лика, Госпич) во второй половине XIX века. Согласно этому рассказу, люди нашли в пещере бочку, полную денег. Когда они хотели забрать деньги, кто-то крик-

нул: «Оставь деньги, не выйдешь наружу! Принесите *земальске ключе*, и деньги ваши; я выкуплен, потому что я дух, который проклят, и должен охранять эти деньги» [32, с. 156].

И у других европейских народов, от Античности до наших дней, известны похожие предания, которые связаны с растениями, имеющими разные имена. Наиболее известное среди них волшебное растение *мандрагора* [38, с. 260]. Сюжет о дятле, который, если замуровать его гнездо, приносит «траву, враждебную камню» и с ее помощью открывает путь к своему гнезду, был известен уже в I веке нашей эры по трактатам Плиния и Элиана и из письменной традиции попал в славянские средневековые лечебники или трактаты о природе [2, с. 34].

Ясенец (Неопалимая купина)

горит как свеча и, если человеку удастся сорвать его, приобретает способность стать невидимым, а также понимать язык животных, получать большое богатство. Как правило, этот цветок охраняет нечистая сила, которая всю ночь пугает человека и не дает ему овладеть им.

Некоторые травы могут приобретать чудотворные свойства *только в определенное время* благодаря соприкосновению с мифологическими существами, обладающими повышенной активностью только в этот период. Тмаков, например, *ясе-нец* (болг. *росен*, *русалска трева*, *самодивско цвете*; серб. *ясенак*) (*Dictamnus albus*)², который получает особое значение накануне Вознесения, так как в это время вилы (*самодиви*) приходят собирать его верхушки. Поэтому накануне Вознесения больных оставляли переночевать на месте, где растет эта трава [13, XI/1, с. 356–357].

У славян распространено и поверье о *папоротнике*, расцветающем на мгновение в полночь на Ивана Купалу. Считается, что его чудесный цветок

² Еще одно название этой травы в русской культурной традиции — *Неопалимая купина*.

О папоротнике широко известны два фольклорных сюжета: добывание чудесного цветка и его случайная находка. Согласно первому сюжету в купальскую ночь человек отправляется в лес, чтобы добыть папоротник. Найдя растение, он всю ночь его караулит; около него собирается нечистая сила, которая пытается напугать его. Ровно в полночь расцветает необыкновенный цветок (он сразу созревает и бросает семя); человек хватается за цветок или семя, разрезает ладонь и кладет его в рану. На обратном пути нечистая сила пытается отобрать цветок у человека.

Согласно второму сюжету человек в купальскую ночь случайно попадает в лес (чаще всего он ищет пропавших волов или лошадей). Бродя по лесу, он натывается на расцветший папоротник, цветок которого попадает ему в обувь. В этот момент человек узнает, где находятся пропавшие животные, начинает понимать язык животных и растений. По пути цветок выпадает из обуви человека (или его обманом отбирают черти), и он теряет приобретенные знания [1, с. 544–545].

Ряд современных рассказов о добывании папоротника находится в собрании быличек и поверий из Нижнего Поволжья (составители К. Е. Корепова, Н. Б. Храмова, Ю. М. Шеваренкова [22, с. 288–294]). В качестве примера из этого иллюстрации приведем следующий: «Вот решил я проверить, как это папоротник-то цветет. Ведь говорят же, что, мол, кто нарвет цветку-то его, так вроде и счастливым всю жизнь будет. Дождался ночи. Мне сказали, что надо в 12 ночи попятиться задом от деревни по дороге в лес, но только ни за что не уйти с дороги и не обернуться назад — ну, глядеть, значит, что впереди-то по дороге делается. Я и пошел. Все, в общем, правильно сделал, допятился до того места. Подхожу, гляжу. А уж когда дотуда-то дошел, уж можно во все стороны ворочиться. Так вот я глажу. И что вижу: у папоротника на нижней-то стороне листа беленькие как шарики такие. Я было их взять, а они и лопаются — дак как светлячки какие загораются и снова гаснут, а в руки не даются» [22, с. 290].

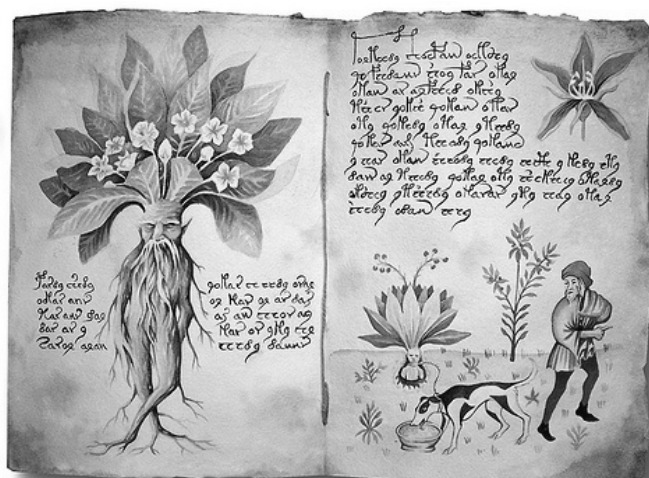
И в Полесье широко бытует легенда о цветке папоротника. Чтобы получить его, нужно выдержать в ночь Ивана Купалы множество испытаний [11, с. 211].

В Западной Боснии (Босанска краина), в Видов день (Вита, пророка Амоса) — 28 июня, колдун отправляется в горы и, найдя растение *кочедыжник* (серб. *буядлика*), обводит его ножом, под него подставляет платок и все время размахивает ножом, пока на платке не упадут три зернышка семени этого растения. За это время перед ним показываются разные призраки, которые пугают его. Если с этим ножом и семенем пройти около здания, то можно в него войти незамеченным, и если семя поднести к любому замку, то он сам откроется [15, с. 84–85].

Кочедыжник

В России (Ярославская губерния) зафиксировано поверье, что человек может увидеть демонов, если при себе имеет траву *адамова голова*. Она растет кустами возле озер и рек, высотой до пояса человека. Эту траву надо сорвать ранним утром под Ивана Купалу, просунуть через золотую или серебряную цепочку, из стеблей сделать отвар и пить, а корень освятить водою и положить в церкви на престол на сорок дней, а потом взять и носить с собой [23, с. 177].

Адамова голова (Мандрагора)

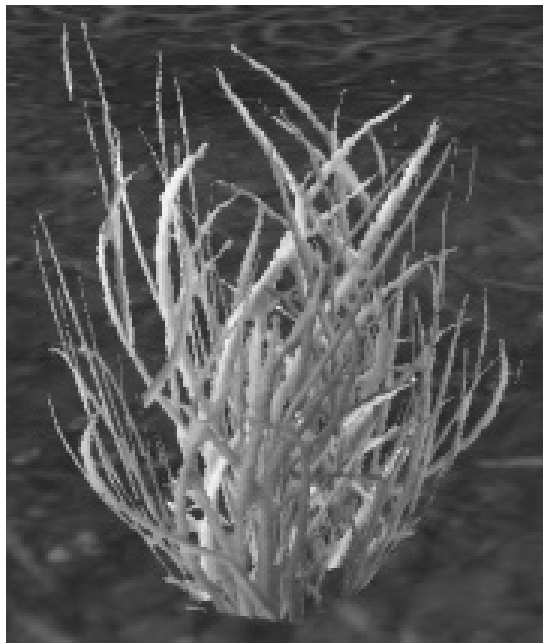

В рассказах славянских народов упоминаются и другие чудотворные растения. В русском фольклоре известна *плакун-трава*, о которой существует предание, что она выросла из слез Богородицы. Она упоминается в русских письменных памятниках XV века и в Голубиной книге (XVII–XVIII веков), где говорится «Плакун трава всем травам матери». В травниках она является одним из самых популярных растений, считается оберегом от нечистой силы, «злой смерти, черной немощи» [12, с. 196–197], в Казанской губернии отвар этой травы пили «от тоски». Название относится к более десяти видам растений [14, с. 102–103].

Плакун-трава (Дербенник)

В Калужской губернии в России существовало поверье о траве *солнечник*, которая делала людей бесстрашными [3, с. 487]; в Герцеговине такое поверье связано с *юнак-травой* (у которой, как считалось, девять сердец, а не одно) [40, с. 129]. В Белозерье бытует поверье о *ходун-траве*, сочетающей признаки растения и животного. Она способна передвигаться и появляется во время сенокоса на вечерней или утренней заре. Встретив ее, надо положить поред ней или бросить сверху кусок ткани, загадать желание, а потом хронить у себя дома или оставить ее на том месте, где она встретила [12, с. 242].

Солнечник

По народному поверью из Черногории, любую девушку можно приворожить, если коснуться ее клевером с четырьмя листиками, который срезан серебряной монетой и выдержан в меду сорок дней [35, с. 102].

В окрестностях Беловара (Хорватия) от так называемой *мрачной болезни* заговаривали *мрачной травой* (*Solanum nigrum*, *Abutilon avicennae*), *травой од девяти мраков*, *ветреной травой* (*Heliotropium europaeum*), *котрижной травой* (*Sideritis*), *шустной травой* (*Gerinthe minor*). В Поморавье (Сербия) для заговаривания употребляли *алские травы* (которые растут на том месте, где плуг разворачивается во время пахоты). В Славонии, когда человек шел на суд, для благоприятного исхода дела он нес с собой *седмак траву* (*Medicago sativa*), зашитую в тряпочку и повешенную на шею [37, с. 194].

Разрыв-трава, *расковник* и другие травы со схожими функциями входят в круг волшебных средств, связанных с потусторонним миром. Поэтому их могут распознать только животные, обладающие хтонической природой (черепаха, еж, змея, дятел, сова, сорока, удод), которые стараются уничтожить их после использования, чтобы не нарушить запрет на коммуникацию между тем светом и этим. По поверьям из Восточной Сербии, по ночам *расковник* светится [16, с. 37–38; 10, с. 267], также светится и трава, которая может вылечить любую болезнь [8, с. 16]. Светится и папоротник и некоторые другие чудо-

творные растения, что также является хтоническим признаком — светится и зарытый клад, а души покойников могут ночью показаться в виде блуждающих огоньков или горящей свечи [25, с. 355 — 357].

Список литературы

1. *Агапкина Т.А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.
2. *Белова О.В.* Легенда о дятле и разрыв-траве в книжной и устной традициях // Живая старина. М., 1997. № 1 (13). С. 34.
3. *Власова М.* Русские суеверия : энциклопедический словарь. СПб., 1998.
4. *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
5. *Давидовић Љ.М.* Животиње и биљке у народном предању. Расковник // „Караџић“. Алексинач, 1901. Т. 3. С. 63.
6. *Дучић С.* Живот и обичаји племена Куча // СЕЗб. Београд, 1931. Т. XLVIII.
7. *Ђорђевић Д.М.* Живот и обичаји народни у Лесковачкој Морави // СЕЗб. Београд, 1958. Т. LXX.
8. *Ђорђевић Т.Р.* Локман хећим у нашем народном предању // „Miscellanea“. Београд, 1940. Т. 3.
9. *Ђорђевић Т.Р.* Природа у веровању и предању нашега народа // СЕЗб. Београд, 1958. Т. LXXII/1 — 2.
10. *Зечевић С.* Нека веровања из традиције становништва приобалних насеља Доњег Дунава // ГЕМ. Београд, 1993. Т. 57. С. 257 — 273.
11. *Игнатенко И.В.* Лекарственные растения в народной медицине украинцев Полесья (по полевым этнографическим материалам) // Acta linguistica Petropolitana : тр. Института лингвистических исследований. СПб., 2010. Т. 6, ч. 1. С. 200 — 213.
12. *Ипполитова А.Б.* Русские рукописные травники XVII—XVIII веков: Исследование фольклора и этноботаники. М., 2008.
13. *Караџић В.С.* Српски рјечник (1852) / Сабрана дела Вука Караџића. Београд, 1986. Кн. XI/1 — 2.
14. *Колосова В.Б.* Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М., 2009.
15. *Кошутић В.Р.* Бајалице из Босанске крајине // „Расковник“. Београд, 1970. Т. 3, бр. 8. С. 83 — 85.
16. *Кошутић В.Р.* Ајдучки и лирски оставци. Записи из сокобањског и сврљишког краја // „Расковник“. Београд, 1982. Т. 9, бр. 31. С. 3 — 40.
17. *Криничная Н.А.* Всем травам мати... // Живая старина. Москва, 1997. № 1 (13). С. 32 — 33.
18. *Луковић С.* Три приче о расковнику // “Расковник”. 2, бр.4, Горњи Милановац, 1969. С. 54 — 55.
19. *Маринов Д.* Народна вяра и религиозни народни обичаи. София, 1994.
20. *Маркевич Н.А.* Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян // Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. Київ, 1991. С. 52 — 169.
21. *Мићовић Љ.* Живот и обичаји Поповаца // СЕЗб. Београд, 1952. Т. LXV.

22. *Мифологические* расказы и поверья Нижегородского Поволжья. СПб., 2007.
23. *Новичкова Т. А.* Русский демонологический словарь. СПб., 1995.
24. *Петковић Д.* „Дајте ми брата расковника“ // „Расковник“. Београд, 1980. Т. VII, бр. 26. С. 6–8.
25. *Раденковић Љ.* Лутајуће душе // Етнолингвистичка проучавања српског и других словенских језика. У част академика Светлане Толстој. Београд, 2008. С. 349–362.
26. *Смирнов Ю. И.* Эпика Полесья (по записям 1975 г.) // Славянский и балканский фольклор: обряд, текст. М., 1981. С. 224–269.
27. *Станојевић М.* Свадбени обичаји у Тимоку // Летопис Тимочке епархије. Зајечар, 1925. Т. 3. С. 47–93.
28. *Туцаков Ј.* Психосугестивни елементи у народној медицини Сврљишког Тимока. Београд, 1965. Књ. CCCLXXX.
29. *Цепенков М. К.* Македонски народни умотворби. Скопје, 1980. Т. 9.
30. *Barlè J.* Prinosi slovenskim nazivima bilja // ZNŽO. Zagreb, 1936. Т. XXX/2. С. 181–228, 1937. Т. XXXI. С. 169–292
31. *Bartulin A.* Cres. Vjerovanja // ZNŽO. Zagreb, 1898. Т. 3. С. 265–275.
32. *Biljan M.* Snaga nekih trava // ZNŽO. Zagreb, 1907. Т. 12. С. 154–156.
33. *Hirc D.* Šta priča naš narod o nekim životinjama // ZNŽO. Zagreb, 1896. Т. 1. С. 1–26.
34. *Ivanišević F.* Poljica. Narodni život i običaji // ZNŽO. Zagreb, 1905. Т. 10.
35. *Jovović M. M.* Crnogorski prilozii. Iz Bara i barske okolice u Primorskoj nahiji // ZNŽO. Zagreb, 1896. Т. 1. С. 88–106.
36. *Kelemina J.* Bajke in pripovedke slovenskega ljudstva. Bilje, 1997.
37. *Lovretić J.* Otok. Narodni život i običaji // ZNŽO. Zagreb, 1902. Т. 7. С. 57–206.
38. *Medić M.* Folklorističke dopune. Mandragora // ZNŽO. Zagreb, 1928. Т. XXVI/2. С. 257–275.
39. *Petrović V. K.* Zaplanje ili Leskovačko u Srbiji. Narodni život i običaji // ZNŽO. Zagreb, 1900. Т. 5. С. 84–119.
40. *Zovko I.* Vjerovanja iz Herceg-Bosne // ZNŽO. Zagreb, 1901. Т. 6. С. 115–160, 292–311.

Ljubinko Radnekovic

MIRACLE-WORKING PLANTS: SLAVIC PARALLELS

This article presents an ethnolinguistic study. The magic properties of certain herbs – as seen in the cultural traditions of South, East, and West Slavs – are described in a comparative aspect. The author also examines different herbs that exhibit similar features. It is concluded that the magic properties of herbs are determined by their connection to the chthonic kingdom and the other world in folk consciousness.

Key words: *ethnolinguistics, South Slavs, East Slavs, West Slavs, traditional beliefs, supernatural fairy tales (bylichkas), magic herbs, chthonic kingdom.*

**АСПЕКТЫ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ТЕКСТА**

Для главного героя пушкинской поэмы (в противоположность «Корсару» Байрона) природа существует не только в горизонтальном измерении, но и в вертикальном; при этом именно второе измерение — в сознании пленника главное...

М. Шумакова

Подчеркнем, что первое слово «Абыр» произнесено «в 12 часов 12 минут дня» 31 декабря [2, т. 2, с. 200] — такое нагнетание «пороговых» знаков делает его культурно отмеченным. Едва обретя способность говорить, болгарский персонаж «воззвал к Отцу»: слово abir в иврите означает «Бог»...

Е. Яблоков

*Милана Шумакова
(Калининград)*

ФИЛОСОФИЯ ПРИРОДНЫХ ОБРАЗОВ В «ВОСТОЧНЫХ» ПОЭМАХ ДЖ. Г. БАЙРОНА И «ЮЖНЫХ» ПОЭМАХ А. С. ПУШКИНА

Природные образы в поэмах двух национальных гениев рассматриваются через оппозицию горизонтали / вертикали, обладающей философско-метафорической семантикой. Оба поэта показывают, что при отсутствии духовного начала обретение настоящей внутренней свободы, к которой стремятся главные герои произведений, невозможно.

Ключевые слова: Байрон, Пушкин, природные образы, «восточные» поэмы, «южные» поэмы, романтизм, литературная компаративистика, философия.

Среди важнейших тем российского литературоведения вопрос о влиянии Байрона на творчество Пушкина долгое время оставался одним из центральных — об этом свидетельствует прежде всего обширный труд В. М. Жирмунского, с мельчайшими подробностями проследившего в частности сходство сюжетных микроэлементов в произведениях обоих поэтов [4]. Один из сюжетных ходов, составляющий основу байроновского «Корсара» и воспроизведенный Пушкиным в «Кавказском пленнике», — «освобождение пленника, европейца, влюбленной в него туземной женщиной» [4, с. 46] — дает основания говорить об особенной близости этих двух поэм, подкрепленной важнейшим для романтического сознания мотивом бегства из цивилизованного мира в пространство дикой природы.

В философии романтизма природа, как известно, занимает одно из ключевых мест, являясь «не мертвой величиной, а одухотворенной “изнутри” субстанцией» [1, с. 100]. Особую роль природы в романтическом сознании с наибольшей точностью выразил Фридрих Шеллинг: «Характер природы есть нерасчлененное единство бесконечного и конечного: конечное преобладает, но в нем, как в общей оболочке, заложено зерно абсолюта, полного единства конечного с бесконечным» [8, с. 129]. Природные образы как предмет изображения того и другого поэта и станут объектом анализа в данной статье.

Поэма «Корсар» Дж. Г. Байрона открывается фрагментом, который в сознании читателя воспринимается как пиратская песня. Главным мотивом здесь стала вольная жизнь на просторе, где морские разбойники чувствуют себя полноправными хозяевами: «Средь ликованья темно-синих вод // Безбрежна мысль, свободен душ полет // Над пенной, бесконечною волной — // Вот царство наше, вот наш дом родной!» [2, с. 310]. Пространство обитания морских разбойников предстает как царство, которому нет границ; оно разворачивается в необъятное темно-синее море, где герои не только полностью свободны, но и обладают такой же безграничной властью. Топос моря при изображении пиратов не случайно является главным: бунтарский образ жизни байроновских героев подобен беспокойной морской стихии, которую характеризуют возмущение и мятежность, где постоянно вздымаются волны и дуют ветры.

Главным пространственным параметром, характеризующим корсаров в поэме Байрона, выступает горизонтальность. Но, несмотря на всю кажущуюся беспредельность морского пространства, остается ощущение его замкнутости. Ничем не скованный в горизонтальной плоскости простор оказывается ограниченным сверху, поскольку взгляд пиратов направлен только вперед: таким образом, ракурс изображения остается неизменным и никогда не захватывает небо. Даже упоминание о солнце возникает исключительно в бытовом контексте: чистое белье моряки вешают сушить на солнце. Небо для байроновских героев — своеобразный табуированный топос, и единственное движение по вертикали, которое оказывается для них допустимым, состоит в погружении вниз, под воду: пираты видят море своей будущей могилой, тем местом, куда они отправятся после смерти.

В мифологическом сознании небо «повсеместно связывалось со сверхъестественными силами» и было символом «превосходства, властных полномочий, духовного просвещения и вознесения» [7, с. 235]. Таким образом, небо в представлении людей с древних времен было

обителью высших сил, которые во многом определяли человеческую судьбу, а в монотеистических религиях ассоциировались с нравственным законом и посмертным судом.

Ограничивая пространство пиратов локусом моря при полном отсутствии связанного с их сознанием изображения неба, Байрон дает возможность читателю распознать их нравственные ориентиры. Являясь по своей сути разбойниками и убийцами, корсары, однако, не думают о будущем наказании за совершенные преступления, и лишь у их предводителя Конрада, главного героя поэмы, возникают смутные мысли о грехе (так, он не может одобрить хладнокровное убийство, которое совершает ради него Гюльнара).

Однако на пиратском острове существует место, которое противопоставлено мятежной и свободной разбойничьей стихии, — обитель Медоры, возлюбленной Корсара. Это небольшое пространство находится на возвышении возле дозорной башни и обращает на себя внимание своей обособленностью от остальной части острова: сюда трудно попасть, и пиратам приходится для этого карабкаться по скалистой тропе. Природный мир здесь также противоположен морской стихии. В то время как море изменчиво и непостоянно, вершина скалистого острова описана в виде небольшого оазиса, где царят спокойствие и безмятежность, а земля плодородна и созидательна: «Кусты минуя, яркий цветы, // Родник, чьи воды свежи и чисты, — // Сосуд, струящий водяную нить, // Искрясь, зовущий жажду утолить» [2, с. 313].

Пространство Медоры ограничено островом. Она может только наблюдать за морем, ожидая корабль возлюбленного, но не выходит за пределы своего «уголка», следя за тем, чтобы огонь дозорной башни не погас. Но обозревая мир с этой самой высокой точки острова, героиня в трудные моменты обращается к небу в надежде на духовную поддержку: «"Ушел!" Смирив ладонью сердца стук, // Она небесный оглядела круг» [2, с. 322].

Дом Медоры и окружающая его природа, таким образом, имеют вертикальные координаты: путь к нему — это путь вверх, который ведет через извилистую скалистую дорогу, и башня маяка, являясь самой высокой точкой этого пространства, не завершает его. Выше башни расположено небо, к которому героиня — единственная! — поднимает глаза. Слово *Heaven* в английском языке означает не только небо в своем прямом смысле; оно также переводится как «Бог» (*Heaven, Heavens* — возвыш. провидение, Бог, боги [5, с. 208]).

Метафизическая семантика неба как обители Творца не случайно связана именно с Медорой, в образе которой доминирующим является

ангельское начало, составляющее полную противоположность всем остальным персонажам поэмы. Жизнь Конрада, как и Медоры, главных героев поэмы, протекает в естественном природном пространстве, но буйная и мятежная морская стихия корсара противоположна природному локусу его возлюбленной, главными характеристиками которого являются тишина и покой. Конрад и его пираты устремлены только вперед, они находятся в постоянном «беге», иногда прерываясь на короткий отдых. Медора ожидает возлюбленного, создавая для него дом, где царствуют спокойствие, тишина и уют. Природные топосы Конрада и Медоры, таким образом, составляют антитезу, при этом мир Конрада существует преимущественно в горизонтальной плоскости, в то время как мир Медоры — в вертикальной.

В поэме Пушкина «Кавказский пленник» природный мир представит в совершенно ином виде: прежде всего здесь отсутствует море, а стихийное начало воплощает в себе горный пейзаж. Стремясь к свободе, которая представляется ему возможной только в отдалении от цивилизации, герой поэмы попадает на Кавказ, где волей случая теряет свою свободу, став пленником горцев. «Рабство, настагающее его здесь, парадоксальным образом открывает перед ним неожиданные возможности для обретения истинной свободы» [3, с. 27]: начинается настоящее оживление его души, связанное в первую очередь с восприятием природы: «В час ранней, утренней прохлады, // Вперял он любопытный взор // На отдаленные громады // Седых, румяных, синих гор» [6, с. 88].

Для главного героя пушкинской поэмы (в противоположность «Корсару» Байрона) природа существует не только в горизонтальном измерении, но и в вертикальном; при этом именно второе измерение — в сознании пленника главное: «Очам казались их вершины // Недвижной цепью облаков, // И в их кругу колосс двуглавый, // В венце блистая ледяном, // Эльбрус огромный, величавый, // Белел на небе голубом» [6, с. 89]. Взгляд героя постоянно обращается вверх, к небу, что дает возможность А. С. Пушкину имплицитно показать те изменения, которые происходят в картине мира его героя.

Для пушкинского пленника, как и для байроновского Конрада, доминантой личности стало стремление к полной и абсолютной свободе — именно это заставило его покинуть родину. Но, как показывают оба поэта, обретение настоящей внутренней свободы невозможно без существования в душе человека вертикальной оси координат, в метафорическом плане являющейся выражением духовного начала.

Список литературы

1. Азадовский К. М. Пейзаж в творчестве К. Д. Фридриха // Проблемы романтизма. М., 1971. Вып. 2.
2. Байрон Дж. Г. Корсар // Байрон Дж. Г. Избранное. М., 1982.
3. Жилина Н. П. Творчество А. С. Пушкина в контексте христианской аксиологии: онтологический и антропологический аспекты. Калининград, 2009.
4. Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Л., 1978.
5. Новый большой англо-русский словарь : в 3 т. М., 1993. Т. 2.
6. Пушкин А. С. Кавказский пленник // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. М., 1977–1979. Т. 4.
7. Тресиддер Д. Словарь символов. М., 1999.
8. Шелинг Ф. В. Й. Философия искусства. М., 1966.

Milana Shumakova

PHILOSOPHY OF IMAGES OF NATURE IN THE “EASTERN” POEMS OF G. G. BYRON AND “SOUTHERN” POEMS OF A. S. PUSHKIN

The images of nature in the poems of the two national geniuses are considered within the opposition of the horizontal/vertical, which is laden with philosophical and metaphorical semantics. Both poets show that, in the absence of spirituality, the true internal freedom sought by the main characters cannot be attained.

Key words: *Byron, Pushkin, images of nature, “eastern” poems, “southern” poems, Romanticism, literary comparative studies, philosophy,*

Евгений Яблоков
(Москва)

АНАГРАММЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. А. БУЛГАКОВА

Рассмотрены встречающиеся в булгаковских текстах типы анаграммирования, которые использованы писателем при создании поэтонимов – имен персонажей. Материалом для анализа служат примеры из романов «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита», повестей «Дьяволиада», «Роковые яйца» и «Собачье сердце», драмы «Бег», фельетонов и очерков Булгакова.

Ключевые слова: Булгаков, образ персонажа, поэтоним, анаграмма, прототипы.

Важное значение в поэтике Булгакова имеют различные формы языковой игры. Одним из средств ее реализации выступает анаграммирование (наряду с близкими в «техническом» отношении приемами, которые не всегда возможно охарактеризовать однозначно). Ниже мы прокомментируем ряд встречающихся в булгаковских произведениях анаграмм (в основном онимов). Следует отметить, что порождаемые ими подтекстные смыслы подчас неочевидны и требуют более или менее развернутых пояснений, которые позволяют глубже понять стратегию писателя, использовавшего данный художественный прием. Такие пояснения носят не столько лингвистический, сколько литературоведческий характер.

Для начала приведем несколько примеров, в которых анаграммирование служит одним из средств создания образа персонажа с опорой

на конкретный прототип, чей антропоним (либо иной оним, воспринимаемый как «знак» реального человека) используется для конструирования поэтонима.

Наиболее простой случай — эпизод повести «Роковые яйца», где упоминаются куплеты, «сочиненные поэтами Ардо и Аргуевым» [2, т. 2, с. 94]. Эти фамилии созданы «перекрестным» анаграммированием псевдонимов двух поэтов — Арго (А. М. Гольденберга) и Адуева (Н. А. Рабиновича), которые с 1917 года работали вместе¹. «Элементарность» приема обусловлена памфлетным характером повести и стремлением Булгакова не слишком маскировать прототипы, оставив их узнаваемыми для читателя. Такой же пример находим в романе «Белая гвардия»: в фамилиях членов «поэтического ордена “Магнитный Триолет”» Слоных и Черемшина [2, т. 1, с. 171] контаминированы фамилии литературоведа-пушкиниста (впоследствии писателя) А. Л. Слонимского и художника-графика (создателя «Окон РОСТА») М. М. Черемных.

Несколько более сложное явление — фигурирующая в той же (шестой) главе «Роковых яиц» фамилия драматурга *Эрендорф*, чья пьеса «Куриный дох» [2, т. 2, с. 94] идет в одном из театров. Обратим внимание на фонетическое сходство заглавия этого «злбодневногo» произведения и фамилии его автора — «вместе» они восходят к *двум* источникам: повести-памфлету В. П. Катаева «Остров Эрендорф» (1924) и фамилии модного в начале 1920-х годов И. Г. Эренбурга. В катаевском памфлете Эренбург служит объектом пародии, причем каламбурная фамилия *Эрендорф* создана путем замены немецкого корня: *burg* «город» на *dorf* — «деревня»² (характерно, что в повести антропоним становится также топонимом, названием острова). Вот колоритное описание персонажа:

Прибывшие заняли четыре лучших номера в миллиардерском флигеле фешенебельного отеля «Хулио Хурениго», который принадлежал, как и все, впрочем, в окружности на сто километров, господину Эрендорфу, самому влиятельному, популярному и знаменитому романисту земного шара. <...>

¹ Незадолго до написания повести Арго и Адуев оказались участниками театрального скандала, связанного с несостоявшейся постановкой оперетты Ш. Лекока «Зеленый остров»; эта история, судя по всему, сыграла роль в возникновении булгаковского фельетона «Багровый остров» [20, с. 185–186].

² Такой же прием использован в «Белой гвардии», где прототипом эпизодического персонажа Б. Фридмана [2, т. 1, с. 174] считается художник Б. Р. Эрдман (брат драматурга Н. Р. Эрдмана): «конструируя» поэтоним, Булгаков заменил немецкий корень *erde* («Земля, земной шар») на *frieden* — «мир» (покой).

Мистер Эрендорф лежал в полотняном шезлонге, задрав ноги на мраморный парапет террасы. Издали казалось, что его красные башмаки лежат непосредственно в фиолетовом Средиземном море. Он ковырял в зубах иглой дикобраза и, покручивая черные усики, наскоро расправлялся с Австралией. С Африкой он расправился лет двадцать тому назад, написав роман «Гибель Африки». Северная и Южная Америки, а также Азия и полюсы были уничтожены в конце прошлого века. Что же касается Европы, то ее гибель, собственно говоря, и явилась началом благополучия этого цветущего юноши средних лет.

Надо объяснить, что Эрендорфу было от ста двадцати до ста сорока лет, но не больше. Возраст не слишком старый, если принять в расчет, что каждые двадцать лет он регулярно омолаживался в лучших американских фирмах.

Итак, Эрендорф в данный момент расправлялся с Австралией.

Он диктовал в радиотиподиктофон двенадцатую главу нового романа, которая называлась так: «Глава двенадцатая, в которой великий учитель Хара-Хири из двух больших разниц выбирает третью побольше».

Он диктовал, и одновременно шестьдесят четыре типографии в разных частях света автоматически набирали на разных языках гранки нового сенсационного романа [7, с. 169—170].

Не станем подробно пояснять, какие произведения Эренбурга (помимо упоминаемой книги «Необычайные похождения Хулио Хуренито...», 1922) пародируются в этом отрывке. Ограничимся существенным для нашей темы выводом, что в «Роковых яйцах» оним *Эрендорг* представляет собой сложную анаграмму: «перемешаны» фамилия персонажа катаевской повести и фамилия его реального прототипа.

Однако есть еще один любопытный момент. Судя по всему, автор «Роковых яиц» осознавал этимологию фамилии *Эренбург*, первая часть которой восходит к нем. *Ehre* «честь, почет». Недаром в сконструированном Булгаковым поэтониме *Эрендорг* вторая часть — анаграмма корня «горд-».

Следующий пример связан с романом «Белая гвардия» и касается персонажа, необычная фамилия которого до настоящего времени не получила удовлетворительного объяснения, исходя из художественной системы произведения, — имеется в виду полковник Феликс Феликсович *Най-Турс*.

Прежде чем обратиться к фамилии как таковой, отметим, что данный персонаж, трактуемый обычно как «светлый рыцарь» (вспомним «райский» сон Алексея Турбина³ [2, т. 1, с. 100]), имеет явного антипода — демонического (хотя не без карикатурности) «губителя» Шпо-

³ «Историческим» прототипом Най-Турса считается герой обороны Киева от войск УНР генерал от кавалерии граф Ф. А. Келлер [13, с. 142].

льянского. Вместе с тем привлекают внимание черты парадоксального *сходства* между ними. Они введены в действие непосредственно друг за другом (конец 9-й — начало 10-й глав) и наделены одинаковыми деталями: Шполянский — «черный и бритый», «получивший... Георгиевский крест» [2, т. 1, с. 170]; Най-Турс — «черный, гладко выбритый», «с вытертой георгиевской ленточкой» [2, т. 1, с. 180]. Шполянскому «дано» имя персонажа «Мертвых душ» Собакевича — Михаил Семенович [2, т. 1, с. 170], а Най-Турс похож на него внешне: Собакевич «шеей не ворочал вовсе и из-за этого редко глядел на того человека, с которым разговаривал» [4, т. 6, с. 95], у Най-Турса «после ранения... сведена шея, и в случае необходимости посмотреть вбок он поворачивался всем корпусом» [2, т. 1, с. 180]. В пандан травестийной inferнальности Шполянского в Най-Турсе есть нечто демоническое: он прихрамывает [2, т. 1, с. 180], у него, как у Вия⁴, «железное лицо» [2, т. 1, с. 316], и Николка в анатомическом театре видит погибшего Ная в «компании» прекрасной мертвой «ведьмы» [2, т. 1, с. 320].

Сходство антиподов в данном случае обусловлено литературной топикой романа: они связаны с общим прототипом — В. Б. Шкловским.

«История» образа булгаковского Шполянского общеизвестна и не требует пространных разъяснений. Фамилия являет пример если не «ложной», то, во всяком случае, «неточной» прототипизации, указывая на поэта-сатириконца А. П. Шполянского⁵, писавшего под псевдонимом Дон-Аминадо [11, с. 228]. В 1918 году, когда происходит действие булгаковского романа, Шполянский находился в Киеве и печатался, в частности, в газете «Чертова перечница» (в «Белой гвардии» фигурирует как «Чертова кукла» [2, т. 1, с. 65]), однако у него нет ничего (кроме фамилии) общего с вездесущим булгаковским Шполянским; правда, последний тоже пишет стихи, но их название «Капли Сатурна» [2, т. 1, с. 171] не ассоциируется с сатирическим жанром.

«Действительным» прототипом персонажа «Белой гвардии», как известно, послужил Шкловский [6, с. 32] — эпизод, где Шполянский устраивает диверсию, насыпая сахар в бензобаки броневиков [2, т. 1, с. 177–178], навеян вышедшей в 1923 году книгой Шкловского «Сентиментальное путешествие» [18, с. 165]. Булгаков, в декабре 1918 году

⁴ «С ужасом заметил Хома, что лицо было на нем железное» [4, т. 2, с. 217].

⁵ Ввиду участия Шполянского в поэтическом сборнике «фантомистов-футуристов» [2, т. 1, с. 174], а также тесных отношений Шкловского с «реальными» футуристами, заслуживает внимания и другая «анаграмматическая» гипотеза: высказано предположение, что имена «парных» персонажей «Белой гвардии» Михаила Семеновича Шполянского и Юлии образованы из имен двух украинских футуристов — Михайля Семенко и Юлиана Шпола [12, с. 149].

принимавший участие в обороне Киева от петлюровцев, прочитав эту книгу и обнаружив в авторе одного из виновников киевской катастрофы, создал карикатуру на него. Ясен и механизм «замещения»: фамилии Шполянский и Шкловский сходны по звучанию и словообразовательной модели (Шпола — город в Черкасской обл. Украины / Шклов — город в Могилевской обл. Беларуси).

Однако наряду с «Сентиментальным путешествием» в поле зрения Булгакова оказалась вышедшая в том же 1923 году книга Шкловского «Шахматный ход». В «Белой гвардии» шахматная топика (восходящая, в частности, к «Воине и миру») имеет существенное значение. Само заглавие романа звучит как «шахматная» метафора (хотя «белым» здесь противостоят не столько «черные», сколько «серые» [2, т. 1, с. 85]); петлюровцы охарактеризованы как «третья сила на громадной шахматной доске» [2, т. 1, с. 89]; да и ряд других деталей вызывает соответствующие ассоциации — например, мать Турбиных названа «светлой королевой» [2, т. 1, с. 33], а немецкие солдаты в шлемах «тазах» сравниваются с пешками [2, т. 1, с. 89]⁶.

Метафорическое заглавие книги Шкловского отражало зигзаги его биографии и политических пристрастий. В предисловии автор (имея в виду себя) заявляет: «Конь ходит боком» [17, с. 74], — но при этом поясняет: «...не думайте, что ход коня — ход труса. / Я не трус» [17, с. 75]. «Для наглядности» тут же изображена шахматная доска, где пунктиром показано несколько последовательных ходов данной фигуры [17, с. 74]. Диаграмма закономерно ассоциируется с известной шахматной задачей о коне, который должен обойти все клетки доски так, чтобы на каждой побывать только один раз. По-английски задача называется *Knight's move* или *Knight's tour* — именно из последнего словосочетания, фонетически «смешанного» с самохарактеристикой Шкловского «не трус», образована фамилия Най-Турс⁷: перед нами пример «классической» анаграммы⁸.

⁶ Образ «политических» шахмат еще очевиднее в романе «Мастер и Маргарита», где проигранная Бегемотом партия выглядит как инсценировка некоей исторической коллизии с намеком на сюжет «самозванства»: «Белый король... стащил с себя мантию, бросил ее на клетку и убежал с доски. Офицер брошенное королевское одеяние накинул на себя и занял место короля» [2, т. 7, с. 313]. Характерно, что в обоих романах вместо названия шахматной фигуры «слон» употребляется звучащее более «жизненно» слово «офицер».

⁷ При этом английское именование фигуры — *knight* (рыцарь, всадник) по внутренней форме вполне соответствует образу полковника-гусара [2, т. 1, с. 180], «рыцаря» белой идеи.

⁸ Среди булгаковских поэтонимов, образованных чисто анаграмматическим способом, можно отметить имя роковой соблазнительницы Низы, замани-

Обратимся теперь к драме «Бег». Вначале упомянем анаграмму, замеченную сразу после появления этого произведения. Композитор И. А. Сац присутствовал при разговоре Булгакова с А. В. Луначарским, во время которого нарком журил драматурга: «...думаете, никто не понял, что спутником Серафимы в пьесе вы изобразили себя? Я разгадал: Голубков — анаграмма фамилии Булгаков, как моя Луначарский — от Чарнолусский» [8, с. 436]. Думается, суждение справедливо — автобиографизм образа Голубкова подкреплён и другими деталями: ему 29 лет, он «сын профессора-идеалиста» [2, т. 4, с. 281]: Булгаков, сын профессора Духовной академии (разумеется, «идеалиста»), был точно такого же возраста в 1920 году, когда происходит действие драмы.

Однако куда больший интерес представляет другой пример, который в отличие от предыдущих не связан с прототипизацией, а касается непосредственно системы персонажей «Бега». «Анаграмматически» отношения здесь связаны два онима, один из которых — фамилия генерала, *Чарнота*, другой — кличка таракана: *Янычар*. Персонажи, соответственно, находятся в отношениях антидвойничества, хотя в этом смысле данная «пара» не уникальна. Энтомоморфная топика является важным элементом поэтики «Бега», поэтому все «бегущие» в той или иной степени подобны тараканам. Гротескный образ тараканьих бегов [2, т. 4, с. 338] своеобразно пародирует эмиграцию, причем энтомоморфный мотив подкреплён мифологемой «Исхода» — недаром в репликах Хлудова цитаты из Библии (Исх 15:9–10) соседствуют с детским воспоминанием о тараканах на кухне [2, т. 4, с. 329–330].

«Родовые» имена персонажа — Лукьянович и Чарнота — взаимно «контрастны»: отчество⁹ ассоциируется с лат. *lux*¹⁰ «свет»; в фамилии, напротив, реализован образ тьмы. Характерно, что Люська называет

вающей Иуду в Гефсиманский сад, где его поджидают убийцы. Ее имя выглядит как анаграмма имени Зина, которое встречается в дневниковой записи Булгакова 28 декабря 1924 года («зубная врачиха Зинушка» [2, т. 2, с. 453] и, кроме того, в очерке «Московские сцены» [2, т. 3, с. 171]: здесь образ героини — аллюзия на приятельницу Булгакова З. В. Коморскую (за которой, как утверждала первая жена писателя Т. Н. Кисельгоф, он ухаживал). Отметим, что ассоциация имени Низа со словом «низ» привносит сему моральной оценки.

⁹ Имя *Лукьян* восходит к лат. *Lucianus* < *Lucius*.

¹⁰ «Анаграммой» того же слова выглядит имя «походной жены» генерала — Люськи. Что касается главной героини, Серафимы, имя связывает ее с «огненными ангелами», актуализируя как сакральные, так и inferнальные коннотации [20, с. 125–126].

Чарноту Гри-Гри¹¹ [2, т. 4, с. 290]: «игровая» форма имени Григорий напоминает *фр. gris* 'серый'. И если в семи снах из восьми (включая визит к Корзухину в Париже) Чарнота одет в черкеску (разумеется, черную), то из Парижа он и Голубков приезжают в одинаковых серых костюмах [2, т. 4, с. 377]. Чарнота «переходит» к серому от черного, Голубков — от белого цвета.

В афише пьесы отмечено, что Чарнота — «запорожец по происхождению» [2, т. 4, с. 281]. Одна из традиционных «черт» запорожцев — конфронтация с турками (вспомним хотя бы знаменитую картину И. Е. Репина). Булгаковский «запорожец» Чарнота остается в Стамбуле в добровольном «плену», словно поступает на службу, причем именно в качестве «янычара» — созданные в XIV веке янычарские полки составлялись не из турок, а из юношей-христиан (дети, забранные из семей, воспитывались в исламской традиции и становились воинами).

Вместе с тем полное имя булгаковского персонажа тождественно имени Григория Лукьяновича Скуратова-Бельского¹², более известно как Малюта Скуратов. Примечательно, что российские историки видели в опричниках отечественный «эквивалент» янычарского войска. Так, статья «Опричнина» в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона начинается фразой: «Этим именем назывался... отряд телохранителей, наподобие турецких янычар, набранный Иоанном Грозным» [19, с. 45].

Впрочем, Чарнота обретает «янычарские» черты отнюдь не в романтически-брутальном, а в пошло «сниженном» изводе. Пародийным «предводителем янычар» в пьесе выступает «тараканий царь» Артур Артурович [2, т. 4, с. 282]: он владеет «вертушкой»¹³ с тараканьими бегами, и именно ему «сдается» в итоге «рядовой — генерал Чарнота» [2, т. 4, с. 381]. Власть над насекомыми уподобляет Артура «князю бесов» (Мф 10:25; 12:24, 27) Вельзевулу, чье имя традиционно возводится к имени ветхозаветного бога Ваал-Зебуба — «повелителя мух» [9, т. 1, с. 229]. Характерно, что Чарнота в итоге именуется Вечным Жидом [2, т. 4, с. 381], в то время как еврей Артурка представляется

¹¹ *Гри-гри* — талисманы и снадобья туземных африканских племен [1, с. 491]; такая ассоциация усиливает «интернациональность» Чарноты, навеки приверженного Стамбулу-«Вавилону».

¹² Хотя по внутренней форме оним Чарнота «контрастен» фамилии предводителя опричников.

¹³ «Вертушка» — пародия на круглый стол короля Артура; соответственно, приверженцы тараканьих бегов оказываются его «рыцарями» (кстати, Булгаков первоначально хотел назвать пьесу «Рыцари Серафимы»).

«венгерцем» [2, т. 4, с. 342]: фактически у них обоих общая («никакая») национальность. Таким образом, анаграмма *Чарнота / Янычар* обретает глубокую внутреннюю мотивировку.

По контрасту с предыдущими случаями приведем пример, так сказать, «ложной» анаграммы. Используя различные формы словесной игры, Булгаков подчас делает ее «многослойной», маскируя релевантные ассоциации и заставляя читателя двигаться неверным путем (вспомним пример со Шполянским¹⁴). Подобный случай встречаем в повести «Собачье сердце»: имеются в виду «пролаянные» бывшим псом Шариком слова «Абыр-валг», которые, согласно записи Борменталья, расшифрованы Преображенским как анаграмма вывески «Главрыба» [2, т. 2, с. 201]. Такая «версия» вполне соответствует теме нашей статьи — но, судя по всему, истинный смысл реплики героя значительно глубже.

Подчеркнем, что первое слово «Абыр» произнесено «в 12 часов 12 минут дня» 31 декабря [2, т. 2, с. 200] — такое нагнетание «пороговых» знаков делает его культурно отмеченным. Едва обретя способность говорить, булгаковский персонаж «воззвал к Отцу»: слово *abir* в иврите означает «Бог» — например, ветхозаветные выражения «*'abir ja'ăkôb*» (Быт 49:24; Пс. 131:2, 5) и «*'abir jîsrâël*» (Исх 1:24) в большинстве переводов Библии (не только на русский язык) трактуются как «сильный, мощный бог Иакова (Израиля)» [9, т. 1, с. 472]. Что касается второй части реплики — «валг» — фонетически сходный ивритский корень *-(b)vlgn-* имеет значение «неразбериха, хаос». Таким образом, первые слова будущего Шарикова — «бог-хаос»; с учетом «адского» кавардака, который этот персонаж принесет в профессорскую квартиру, можно считать их самохарактеристикой, «самопредставлением».

Впрочем, версия о «Главрыбе» сама по себе тоже стимулирует трагически-сакральные ассоциации, заставляя вспомнить о «рыбной» метафорике Иисуса Христа: образы Преображенского и Шарикова связаны с мифологемами Бога-отца и Бога-сына [3, с. 96].

¹⁴ Из того же ряда фамилия персонажа «Белой гвардии» Шервинского, которая в 1920-х годах в литературной среде воспринималась как «памфлетная», ассоциируясь с поэтом и переводчиком С. В. Шервинским и его отцом, известным московским врачом В. Д. Шервинским. Ни тот ни другой не являются прототипами булгаковского улана: поэтоним имеет литературное происхождение и восходит к роману Ю. Л. Слезкина «Ольга Орг» (1914), где соблазнителя главной героини, пародийного «демона», зовут Владеком Ширвинским; Булгаков, очевидно, ради ассоциаций с червонной («сердечной») карточной мастью заменил «и» на «е», вследствие чего возник намек на конкретных людей. Кстати, С. В. Шервинский просил автора «Белой гвардии» изменить фамилию персонажа, однако Булгаков отказался это сделать [16, с. 316].

Наконец, рассмотрим пример если не прямо анаграмматический, то, во всяком случае, имеющий отношение к нашей теме. Речь идет о центральной коллизии повести «Дьяволиада» (1923), где злключения Короткова начались с того, что фамилию нового начальника — Кальсонер — он принял за нарицательное «кальсоны» [2, т. 2, с. 13, 16]; в дальнейшем выясняется, что у Кальсонера имеется еще брат-близнец — в итоге неразбериха приводит Короткова к гибели.

Судя по всему, эти фабульные мотивы представляют собой «реализацию» графически-анаграмматических игр. Суффикс *-er* омофоничен старому названию буквы «ъ». Соответственно, фамилия Кальсонер может каламбурно читаться как Кальсонъ¹⁵. Коротков принимает заключительные буквы (или букву?) подписи Кальсонера за сходную — «ы», которая в старом алфавите именовалась «еры»¹⁶; с учетом этого слово «кальсоны» эквивалентно «Кальсонеры»: отсюда и «возникают» братья-близнецы, которые «в совокупности» суть не что иное, как «персонификация» *кальсон*¹⁷.

Для нашей темы немаловажно, что эта фамилия возникла путем анаграмматической «обработки» имен прототипов (в данном случае нескольких). Общеизвестно, что в «Дьяволиаде» отразились впечатления Булгакова от недолгой (октябрь-ноябрь 1921 года) службы в качестве секретаря Лито Главполитпросвета при Наркомпросе. До конца мая 1921 года должность начальника административного управления Наркомпроса занимал Б. А. Плюснин-Кронин, а его заместителем являлся М. С. Невельсон¹⁸. С 31 мая Невельсон стал начальником этого

¹⁵ В русский язык слово *кальсоны* перешло, видимо, в середине XIX века из польского, а туда — из французского *caleçon* [15, с. 371].

¹⁶ Это название отражено, например, в Толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова [14, с. 337].

¹⁷ Игра подкрепляется либертиажными деталями: у встреченного Коротковым «первого» Кальсонера голова представляет собой «точную гигантскую модель яйца», при этом он крайне маленького роста — «достигал высокому Короткову только до талии» [2, т. 2, с. 11]. У «второго» Кальсонера яйцеобразная голова украшена «длинной ассирийско-гофрированной бородой» [2, т. 2, с. 20] — закономерны ассоциации с Черномором из «Руслана и Людмилы» (соответственно, с эротическими мотивами пушкинской поэмы [5]). Характерно, что парные «кальсонные» персонажи, как явствует из подзаголовка «Дьяволиады», «погубили делопроизводителя» [2, т. 2, с. 5]. Спустя примерно год после «Дьяволиады» сходные мотивы будут реализованы в повести «Роковые яйца».

¹⁸ Кстати, Невельсон был зятем Л. Д. Троцкого, мужем его дочери Нины. Учитывая внимание (скорее недоброжелательное), с каким Булгаков относился к Троцкому, логично предположить, что и личность его родственника вызывала у писателя определенный интерес (в судьбе самого Невельсона родство с Троцким впоследствии сыграет роковую роль).

управления — Плюснин-Кронин перешел на другую должность, а 11 октября был назначен заместителем начальника организационного управления [10, с. 1]. Два этих человека руководили административной деятельностью Наркомпроса и вместе с замнаркома Е. А. Литкенсом подписывали приказы и распоряжения, часть которых «спускалась» секретарю Лито Булгакову по должности. Неудивительно, если фамилии начальников отложились в памяти писателя и из их «синтеза» возникла фамилия персонажа «Дьяволиады»¹⁹.

Приведенные примеры убеждают в том, что анаграммы в произведениях Булгакова довольно многочисленны и неоднородны в структурном отношении. В своем обзоре мы не стремились отразить это явление с максимальной полнотой; важнее было показать разнообразие булгаковских анаграмм. Думается, что исследователь, пожелавший продолжить тему, обнаружит для себя еще немало интересного материала.

Список литературы

1. *Амфитеатров А. В.* Собр. соч. : в 10 т. М., 2000. Т. 1.
2. *Булгаков М. А.* Собр. соч. : в 8 т. М., 2007 — 2011.
3. *Гаспаров Б. М.* Литературные лейтмотивы. М., 1994.
4. *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. : в 14 т. М. ; Л., 1937 — 1952.
5. *Жаккар Ж.-Ф.* Между «до» и «после»: Эротический элемент в поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» // «А се грехи злые, смертные...»: Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X — первая половина XIX в.). М., 1999. С. 712 — 736.
6. *Каверин В. А.* Эпилог. М., 1997.
7. *Катаев В. П.* Собр. соч. : в 10 т. М., 1983. Т. 2.
8. *Лакишин В. Я.* Открытая дверь: Воспоминания и портреты. М., 1989.
9. *Мифы народов мира* : в 2 т. М., 1991 — 1992.
10. *Наркомпрос*: Бюллетень официальных распоряжений и сообщений. 1921. №47. 23 октября.
11. *Петровский М. С.* Мастер и Город. Киев, 2001.
12. *Сулима М.* Два этюды // Collegium. Киев, 1995. №1 — 2. С. 148 — 150.
13. *Тинченко Я.* Белая гвардия Михаила Булгакова. Киев ; Львов, 1997.
14. Толковый словарь русского языка : в 3 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2001. Т. 1.

---

¹⁹ Отметим также фамилию *Собельсон*, которую носил коминтерновский деятель и партийный публицист, более известный как Карл Радек. В 1923 году, когда создавалась «Дьяволиада», о нем нередко писали в газетах в связи с событиями в Германии (где Радек пытался организовать революцию); он упоминается в дневнике Булгакова 18 сентября 1923 г. [2, т. 2, с. 416]. Сочетание *Кароль Собельсон* «анаграмматически» созвучно фамилии близнецов из «Дьяволиады».

15. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка : в 2 т. 3-е изд. М., 1999. Т. 1.
16. Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988.
17. Шкловский В. Б. Гамбургский счет. М., 1990.
18. Шкловский В. Б. «Еще ничего не кончилось...» М., 2002.
19. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона : в 86 т. СПб., 1897. Т. 22.
20. Яблоков Е. А. Хор солистов: Проблемы и герои русской литературы первой половины XX века. СПб., 2014.

Evgeny Yablokov

ANAGRAMS IN M. A. BULGAKOV'S WORKS

This article considers the types of anagrams used by Bulgakov in creating the names of characters. The analysis is based on the novels The White Guard, The Master and Margarita, The Fatal Eggs, Diaboliada, and Heart of a Dog, the play Flight, and various satirical articles and essays.

Key words: *Bulgakov, image of character, name of character, anagram, prototype.*

**В ИНЫХ
СЕМИОТИЧЕСКИХ
МИРАХ**

Возможность анаграмматических построений в «текстах», представленных на основе разных семиотических кодов, была осознана давно, причем построения такого рода формально рассматривались в функциональном плане как одно из средств тайнописи.

Г. Берестнев

Романтический радикализм, с которым в 1920-е годы Вертов отстаивал ведущую роль кинохроники (с ее отказом от слова, сюжета, игры) в становлении советской кинематографии, провозглашая монополию кинохроники в изображении революционного быта, свидетельствовал о нем как о неизменном борце за киноязык и киноправду.

Ж. Учин

*Геннадий Берестнев
(Калининград)*

АНАГРАММАТИЧЕСКИЕ ПОСТРОЕНИЯ В АСПЕКТЕ СЕМИОТИКИ

Рассматриваются некоторые функциональные свойства и глубинные познавательные основания анаграмматических построений в вербальных текстах. Принятая точка зрения на этот феномен определяется как общезнаковая: анаграмматические построения рассматриваются в музыке, математике. Делаются выводы о том, что анаграммы суть особые когнитивные универсалии, они возможны в семиотических кодах, имеющих линейную организацию, одна из важных функций анаграмм – когнитивная: линейно организованные тексты начинают восприниматься в их целостности.

Ключевые слова: анаграммы, имя собственное, коды семиотические, математика, музыка, семиотика, текст, типология, язык.

Обращение к проблеме анаграмм ставит перед исследователями ряд принципиально важных задач, от решения которых во многом зависят и результаты исследования, и само отношение к данной проблеме. Прежде всего это исходная «техническая» задача надежного и доказательного их выявления в тексте, исключающего фантазии, неосознанные установки или личные «игры» исследователя со звуковой фактурой текста. Нерешенность этой задачи предполагает появление значительного числа реконструкций псевдоанаграмм или анаграмм, которые, отвечая принципу «приблизительности», теряют и свою функциональную определенность. Все это в целом ведет к пониманию проблемы анаграмм как сугубо формальной, ее «инфляции» в исследовательском сознании и утрате научного интереса к ней [7, с. 193]. В этих условиях важно иметь в виду

внешние (не фонетические) принципы выявления анаграмм в тексте и критерии их верификации. Как отмечал В.Н. Топоров, «искать анаграмму просто так, сугубо эмпирически, вне определенного принципа, опираясь исключительно на факт наибольшего звукового подобия криптограммы и неких фрагментов подлежащего текста, бессмысленно» [7, с. 194]. К числу таких принципов относятся, в частности, смысловая направленность и насыщенность исходного текста, его жанровая отнесенность (одни жанры предполагают наличие анаграмм, другие их исключают), «сфокусированность» анаграмм на его ключевых содержаниях [7, с. 194–195, 196].

Решение этой первой задачи ставит исследователей далее перед необходимостью поиска ответов на широкий круг вопросов уже существенного свойства. И прежде всего важно понять, какова природа и функции анаграмм. С этих позиций возможно далее обоснованное комментирование вопроса об осознанности или неосознанности создания анаграмм автором [6, с. 637]. Возможно и объяснение границ в употреблении анаграмм — функционируют ли они в пределах отдельного языка или же могут быть более широкими и допускают межъязыковые взаимодействия [7, с. 196]. Наконец, выявление природы и функции анаграмм позволяет ответить на вопрос, в какой мере анаграмматические построения зависят от личности автора — его образованности, уровня культуры, — и в какой мере они доступны читателю. Иными словами, таким путем определяется потенциал коммуникативного взаимодействия между автором-творцом анаграмм и читателем, который сталкивается с текстами, содержащими анаграммы.

Новые перспективы в рассмотрении природы и функции анаграмм открывает современная лингвистическая теория, лежащая в рамках когнитивной парадигмы. Обеспечивая глубинный взгляд на языковые явления, при котором учитываются познавательные установки и скрытые интенции носителя языка, и имея значительную объяснительную силу, эта теория способна вскрыть также существенные и функциональные особенности анаграмм в отношении к их создателю¹. Непосредственное же введение проблемы анаграмм в когнитивно-языковое теоретическое поле обеспечивается сопоставительным методом. Полученные на его основе типологические данные (особую роль при этом играют универсалии) демонстрируют уже не только

¹ В этом плане отчетливо проявляются две особенности когнитивной лингвистики: ее *экспланаторность* — нацеленность на объяснение языковых явлений путем обращения к их глубинным познавательным основаниям, и *антропоцентризм* — рассмотрение языковых фактов как функциональных проявлений познавательной деятельности человека [3, с. 208–216].

фундаментальные характеристики языка в том или ином его системном аспекте (в фонетике, грамматике, семантике), но и в плане познавательных возможностей его носителей, стратегических установок, которых они придерживались при познании мира и, соответственно, при использовании языка². Таким образом, рассмотрение анаграмм в сопоставительном аспекте позволяет увидеть глубинные причины их создания и особенности функционирования в тексте.

Как представляется, типологическое рассмотрение анаграмм возможно с трех позиций: а) *общезнаковой*, при которой сопоставлению подвергаются анаграммы, принадлежащие разным семиотическим кодам; б) *межуровневой внутриязыковой*, в рамках которой анаграмматический принцип выявляется других системных уровнях языка; в) *функциональной*, при которой сопоставление осуществляется в отношении анаграмм, функционально разных (причем эти различия надежно установлены).

Возможность анаграмматических построений в «текстах», представленных на основе разных семиотических кодов, была осознана давно, причем построения такого рода формально рассматривались в функциональном плане как одно из средств тайнописи. Эта функция анаграмматических структур, по всей видимости, связывалась с чрезвычайно древним представлением о противоположности двух видов знаний — всеобщих экзотерических и открытых лишь немногим экзотерических. Данная концепция, в свою очередь, проистекала из распространенной религиозно-философской идеи двойного бытия мироздания³. Согласно этой идее, вся вселенная и составляющие ее объекты или природные процессы имеют внешнее выражение и скрытый смысл [9]. Диалектическая связь этих внешних и внутренних аспектов бытия проявляется в том, что первые одухотворяют, «оплодотворяют» собой вторые, в то время как вторые придают первым «плоть» для бы-

² Именно поэтому типологические языковые данные и собственно языковые универсалии составляют особый интерес для психологов и когнитивистов. Дж. Гринберг, Ч. Остуд и Дж. Дженкинс писали о языковых универсалиях: «Все явления, встречающиеся в разных языках с частотой, выходящей за пределы случайности, могут представлять интерес для психологии» [1, с. 35]. По сути, сопоставительный метод позволяет исследователям выйти за рамки языка и обратиться уже непосредственно к познавательным моделям и механизмам.

³ Любопытно, что эта концепция, как будто бы хранящаяся глубоко в генетической памяти или в недрах поэтического сознания Ф.И. Тютчева, выплеснулась у него в стихотворные строки, раскрывающие его философское или мистическое прозрение: *О вещь душа моя! / О, сердце, полное тревоги, / О, как ты бьешься на пороге / Как бы двойного бытия!* (1855 г.). И тут же Ф.И. Тютчев говорит еще более определенно о сущности человеческой души: *Так, ты – жилища двух миров.*

тия. И представляется, что отнюдь не под воздействием древних поэтических моделей (они имели частный характер), а в связи с этой идеологией и складывался отмеченный Леви-Стросом древний принцип анаграммирования, общий для разных знаковых систем [2, с. 637].

Чрезвычайно богатый и надежно засвидетельствованный фактический материал показывает, что помимо языка знаковую систему, открывающую наиболее широкие возможности для анаграмматических преобразований, составляет *музыка*. К числу классических примеров такого рода относится, в частности, фамилия ВАСН, представленная в виде нотной последовательности В (*си-бемоль*) – А (*ля*) – С (*до*) – Н (*си*). Вписанная в музыкальную ткань по правилам контрапункта, эта последовательность анаграмматически преобразуется и становится ее организующим основанием. Эти преобразования исходной темы предопределяются самой сутью правил контрапункта. Они таковы: нота против ноты; две ноты против одной; четыре ноты против одной; ноты имеют смещение относительно друг друга; сочетание предыдущих четырех правил⁴. Можно заметить, что все эти правила (кроме первого) задают следующую общую формулу: ABCD = A... В... С... D..., где ABCD – исходная музыкальная тема, а расстояние между звуками в имитирующей теме может быть в принципе сколь угодно далеким (с условием ее узнавания)⁵. Иными словами, исходная тема при имитации оказывается закодированной во всей ткани музыкального произведения. Цель такого кодирования можно связать с общими философско-религиозными представлениями того времени, а также личным отношением к миру самого И. С. Баха. Будучи глубоко религиозным человеком, он всецело посвящал Богу и самого себя, и свое музыкальное творчество. При этом ассоциирование собственной личности с написанными музыкальными произведениями выразилось у него в зашифрованности в произведениях его имени, а таким образом и в сущностном слиянии того и другого. Создавая произведение как

⁴ Эти правила были сформулированы в получившем всеобщее признание в теоретическом труде знаменитого австрийского композитора и музыкального теоретика Йоганна Йозефа Фукса «Gradus ad Parnassum» («Ступень к Парнасу»), вышедшем еще в 1725 году, но сохранявшем свою актуальность в композиторской практике вплоть до начала XX века.

⁵ Один из «крайних» примеров далекого отстояния звуков музыкальной анаграммы составляет цикл из двадцати девяти мотетов Дж. Палестрины (XVI век). Музыкальные «буквы» имени библейской героини «Песни Песней» Суламифь рассредоточиваются по всему циклу и проявляются в заключении одного или нескольких мотетов. Так, мотеты № 1 – 18 заканчиваются в *Соль*, мотет № 19 – в *Ля*, композиция № 20 – 24 – в *Ми*, мотеты № 25 – 29 – в *Фа-мажоре*. Так в финальных точках ряда пьес тонально разомкнутого цикла возникает анаграмма «Суламифь» [9].

жертву Господу, Бах приносил в жертву Ему и себя самого. Религиозно-философская же точка зрения на эту ситуацию открывает несколько иную картину. Посредством таких анаграмм Бах своим именем — самим собой — одухотворял собственные музыкальные произведения. Более того, он был для них как бы «отцом» и «матерью». «Отцом» — в аспекте «оплодотворяющего» присутствия в виде анаграммы имени, растворенного в ткани произведения, а «матерью» — в аспекте записывающего музыку «земного» человека.

К аналогичным техникам анаграммирования в структуре музыкального произведения обращались и композиторы более позднего времени. При этом в одних случаях музыкальные анаграммы связывались с отмеченной выше религиозно-философской идеологией «одухотворения» музыкальной фактуры, в других — имели сугубо игровой характер. Чаще всего анаграмматическому кодированию подвергались имена собственные — сначала это была продолжающая баховскую традицию «прямая» анаграмма В-А-С-Н⁶, а затем и ее преобразования или другие наименования, переведенные в нотную запись. В одних случаях подобного рода данный технический прием композиции открыто заявлялся в программном названии произведения — таковы, например, «Вальс на имя *Sabela*», «Сюита на тему *Саши*» А. Глазунова, «Фантазия на имя *g-a-la*» Г. Белова. Известный датский композитор XIX века Нильс Гаде написал «Три пьесы для фортепиано на имена G-A-D-E и В-А-С-Н» (Скерцо, Интермеццо, Марш — ор. 2). В других случаях музыкальное анаграмматическое кодирование имело скрытый характер и в качестве исходного материала могло содержать фамилию композитора (такова, например, «Северная песня» из «Альбома для юношества» Р. Шумана, тематической основой которой выступила переведенная в нотную запись фамилия Нильса Гаде), инициалы (AS-C-H — А. Шнитке), фамилия (eS-H-C-H-E-D — Щедрин).

Однако и в этих случаях композиторы не делали тайны из своего композиционного приема. Они нередко раскрывали его в личных письмах, дневниках, беседах (Р. Шуман, Д. Шостакович, Б. Тищенко и др.). Намек на него мог содержаться и в названии сочинения (таковы, например, органнй портрет «Я сам» Б. Тищенко, «Автопортрет» Р. Щедрина), в предваряющих комментариях и программах.

---

⁶ В книге Я. М. Гиршмана «В-А-С-Н. Очерк музыкальных посвящений И. С. Баху с его символической звуковой монограммой», вышедшей в 1993 году в Казани уже после смерти автора, приводится список из тридцати восьми композиторов и перечень произведений, созданных на эту тему, среди которых значительное место занимает творческое наследие романтиков — Ф. Шуберта, Р. Шумана, Ф. Листа и др. В настоящее же время известно более четырехсот произведений, в которых обыгрывается анаграмма В-А-С-Н [9].

В XX веке важную особенность музыкальных анаграмм составил смешанный принцип конструирования. В частности, анаграммы могли строиться как сочетания названий нот или их буквенных обозначений. Например, тема Эльмиры в Десятой симфонии Д. Шостаковича имеет вид *E(му)-La-Mi-Re-A*; Андрей Петров анаграмматически представил себя в нотной записи как *A(нд) – RE(й) – Pe(тров)*, где первая *A* имеет традиционное буквенное обозначение ноты «ля», вторая *RE* графически представлена посредством латиницы, третья *Pe* – посредством кириллицы, но «прочитывается» как написанное латиницей.

Между тем в XX веке у музыкальных анаграмм усложнилась сама структура. Их звуковые элементы и комплексы элементов могли многократно повторяться, расширяя исходный анаграмматический материал и как бы заставляя его «прорасти» в ткани произведения. Так, первый раздел пьесы «Гнев Шаддая» из цикла Д. Смирнова «Семь ангелов Уильяма Блейка» выстраивается посредством постепенного проявления закодированного в звуках имени *Shaddai*: S-S-S-H-H-H-S-H-H-A-SHA-A-A-SHA-A-AD-SHAD-AD-D-AD-D-D-ADD-AD-D-D-ADDA-AD-D-D-A-DA-DDA-DA-A-A-A-A-A-DAI-SHA-DAI-DAISHA-DAI-I-AI-I-I-I-I. Эта звуковая последовательность складывается в пьесе постепенно, лишь в итоге проявляя «ядерный» звуковой комплекс *SHA-DAI* [9].

Для понимания сущности и функции данной анаграммы важны соответствующие культурные контексты. *Shaddai* – одно из имен еврейского Божества, переводимое как «Бог Всемогущий» и встречающееся в Книгах «Бытия», «Исхода», «Чисел», «Руфи» и «Иова» (Его греческим эквивалентом считается Куриос Пантократор – «Вседержитель») [8]. Всесилие и всемогущество, абсолютность этого Божества предполагают и Его вездесущность в проявленном мире, а растянутость этого имени по всему пространству музыкального произведения иконически передает эту идею. Одновременно «раздробленность» имени Божества связана с характерным для иудаизма запретом на его произнесение, и представленность имени *Shaddai* «по частям» позволяет преодолеть этот запрет⁷. Наконец, как полагает О.А. Юферова, многократные повторы «букв» Его имени «приобретают в пьесе яркое выразительное значение, представая своеобразным заклинанием магического имени» [9].

⁷ Собственно произносимое имя ветхозаветного Божества – *YHWH* «Я есмь сущий», по одной версии связанное с глаголом *HYH* (*HWH*) «быть» и «жить», которое Господь открыл Моисею на горе Хорив в знак особого доверия. По другой – имя *Yhwe* связано с *ehwe* «я есмь». Под менее священным именем же *Эль-Шаддай* «Всемогущий» Господь открылся Аврааму, Исааку и Иакову [4]. Однако и это имя предполагает особую бережность и «экономность» в обращении.

Во всех случаях такого рода в большей или меньшей степени проявляется «текстообразующая» функция музыкальных анаграмм — они использовались (и используются) композиторами прежде всего как тематическая основа для дальнейшего развития музыкальной фактуры. Это, однако, не исключает наличия у музыкальных анаграмм и другой функции — игровой. Анаграмматически организованная музыкальная тема может использоваться с целью шутки или розыгрыша, которые изящно проявляют себя в высокой сфере искусства. Так, яркое свидетельство о сосуществовании «игровых» и «текстообразующих» анаграмм оставил С. Прокофьев. В своей «Автобиографии» он писал: «Среди девушек консерватории у меня совсем не было знакомых... У одной из них была довольно странная фамилия Эше. Помня, что на темы, составленные из фамилий, писалась музыка (например, вариация на тему *Vach* или, как кто-то у нас в классе предлагал, fuga на тему «берегись Лядова» — *beregis Ladofa*⁸), я попробовал сочинить тему на *E-s-h-e* и, поскольку она показалась мне удачной, ввел ее, да еще с имитацией, в качестве побочной партии в третью сонату» [5, с. 385]. Анаграмматический опыт С. Прокофьева был по преимуществу опытом музыкального текстообразования, а опыт Н. Мясковского — по преимуществу шуточным, игровым.

Можно заключить, таким образом, что анаграммы в музыке выполняют ряд функций. Прежде всего они позволяют выстроить музыкальную фактуру, зачастую играя в этом плане ключевую роль. Именно анаграммы могут порождать музыкальную тему, которая получает в произведении дальнейшее оформление и развитие. Вместе с тем они могут использоваться с целью игры. Представляя собой, по сути, результат двойного кодирования (ср.: «имя → его буквенно-нотная запись → соответствующая музыкальная фактура»), они узнаются с трудом и опять-таки через буквенно-нотную запись. Эта затрудненность узнавания, связанная с двойственностью положения — открытостью и одновременно неузнанностью, — обеспечивает музыкальным анаграммам их высокий игровой потенциал.

Однако у анаграмм в музыке есть еще две важные функции. Они способны самой своей организацией иконически представлять важные философские идеи⁹ или (опять-таки используя принцип двойного ко-

⁸ Речь идет о соученике Прокофьева Н. Мясковском, который эту тему использовал в качестве побочной партии первой части Третьего струнного квартета, составляющего одно из его дипломных сочинений.

⁹ Представляемые музыкальными анаграммами идеи в принципе могут быть и вполне обыденными. Так, в 1953 году Р. Шуман (совместно с И. Брамсом и А. Дитрихом) сочинил Третью сонату для скрипки и фортепиано на тему *F-A-E* «*Frei, aber einsam*» — «Свободен, но одинок» [9].

дирования) опосредованно именовать сущности, на прямое наименование которых наложен запрет или которое должно скрываться в силу некоторых причин.

Наконец, музыкальные анаграммы, обыгрывающие имя лица, служат особым средством его сущностного объединения через имя с тканью музыкального произведения. Такое произведение становится манифестацией лица, его особым воплощением, возвышающимся над смертью и имеющим более высокий статус бытия. Временное в музыкальной анаграмме преобразуется в вечное.

Еще одна область, в которой анаграмматические построения играют принципиально важную роль, — *математика*. Математическое моделирование анаграмм проявляется уже при описании их возможных вариантов в музыке. Так, анаграмма из трех звуков допускает 5 преобразований, анаграмма из четырех звуков — 23. Каждый из этих вариантов может быть реализован в том или ином музыкальном произведении. Так, в «Страстях по Луке» К. Пендерецкого исторически исходная анаграмма В-А-С-Н обретает две разновидности — А-С-Н-В и С-А-В-Н (в числовом кодировании 1–3–4–2 и 3–2–1–4). В четвертой фуге в цикле «Шесть фуг на имя ВАСН» Р. Шуман использовал две темы: первая представляет собой собственно анаграмму В-А-С-Н, а вторая — ее обратный вариант Н-С-А-В (в числовом кодировании 1–2–3–4 и 4–3–2–1).

Математическое моделирование музыкальных анаграмм проявляется также в обращении теории музыки к категориям «симметрия», «ось симметрии» и в описании музыкальной фактуры на их основе. Так, отмечено, что мелодическая структура Седьмого вальса Шопена может быть представлена числовым рядом 1, 2, 3, 4, 5, 6–6, 5, 4, 3, 2, 1. Аналогична по структуре кода первой части Второго струнного квартета ор. 51 И. Брамса: дважды проведенная имитация главной темы образует числовую последовательность 1, 2, 3, 4–4, 3, 2, 1.

Однако анаграмматические построения составляют объект и собственно теоретической математики. К числу таковых относится так называемый «латинский квадрат» Л. Эйлера. *Латинским квадратом* n -го порядка является таблица размером $n \times n$, заполненная n элементами множества M таким образом, что в каждой строке и в каждом столбце таблицы каждый элемент из M встречается в точности один раз. Например:

A	B	C	1	2	3
C	A	B	3	1	2
B	C	A	2	3	1

Если согласиться с установкой, согласно которой отдельный элемент в квадрате знаменует элемент в анаграмме, то окажется, что латинский квадрат показывает совокупность возможных фигур данной анаграммы в системном плане — не только в линейном отношении, но и в отношении к собственным вариантам.

Другой яркий пример анаграмм в математике — *судоку*¹⁰. Это математические задачи, построенные по принципу латинских квадратов 9-го порядка ($n = 9$). Поле судоку включает 81 клетку, но делится дополнительно на 9 меньших квадратов со сторонами в 3 клетки ($n = 3$). Особенность таких задач составляет то, что часть ячеек в таблице представляются незаполненными, а часть задается заранее, и, исходя из них, нужно восстановить всю таблицу. При этом действует ограничивающее правило: в каждой строке, в каждом столбце и в каждом квадрате $n = 3$, одно и то же число должно приводиться только один раз. Исходная открытость некоторых позиций в таблице предполагает единичность решения поставленной задачи, то есть единственность анаграмматических комбинаций в каждом конкретном случае.

Исходя из всего этого, можно сделать несколько выводов общего порядка, касающихся возможностей создания анаграмм и их устройства. Прежде всего анаграмматические построения составляют некую когнитивную универсалию — характерны для разных знаковых систем. Но возможны они лишь в отношении знаковых систем, имеющих линейную организацию. Таковыми, в частности, и являются естественный язык, музыка, числовые математические ряды. Присущие анаграммированию перестановки в многомерных семиотических системах (мерность которых ≥ 2) невозможны. Однако реализация таких перестановок в линейных системах ведет к когнитивному выходу за пределы линейности: общая анаграмматическая модель вида (ABC , либо CAB , либо BCA , либо CBA), построенная по принципу альтернативности, преобразуется в модель ($ABC = CAB = BCA = CBA$), представляющую эквивалентность вариантов. Там, где появляются анаграммы, резко возрастает действие принципа симультанности. Семиотические тексты, распределяющиеся во времени, начинают восприниматься как целые, для которых линейность времени несущественна.

¹⁰ Название *судоку* пришло из японского языка, однако эти задачи имеют европейское происхождение. Восходят они к «Латинским квадратам» М. Эйлера. На их основе были придуманы и впервые изданы в США в журнале «Dell Puzzle Magazine» в 1979 году числовые кроссворды, называемые «Number Place». Однако особую популярность эти задачи приобрели после 1986 года, когда стали регулярно публиковаться сначала в японском журнале «Nikoli», а затем и в изданиях многих других стран.

Список литературы

1. Гринберг Дж., Осгуд Ч., Дженкинс. Меморандум о языковых универсалиях // Новое в лингвистике. М., 1970. Вып. 5. С. 31–44.
2. Иванов Вяч. Вс. Об анаграммах Ф. де Соссюра // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 635–638.
3. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистически идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. М., 1995. С. 144–238.
4. Мейлах М. Б. Яхве // Мифы народов мира. М., 1992. Т. 2. С. 687–688.
5. Прокофьев С. С. Автобиография. М., 1982.
6. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
7. Топоров В. Н. К исследованию анаграмматических структур (анализы) // Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 193–238.
8. Шаддай Эл. URL: http://ask-agni.ru/index.php/%D0%A8%D0%90%D0%94%D0%94%D0%90%D0%99_%D0%AD%D0%BB (дата обращения: 20.10.2014).
9. Юферова О. Н. Монограмма в музыкальном искусстве XII–XX веков : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Новосибирск, 2006.

Gennady Berestnev

ANAGRAMMATIC STRUCTURES IN THE SEMIOTIC ASPECT

This article considers the functional features and deep cognitive foundations of anagrammatic structures in verbal texts. The traditional perspective on the phenomenon is defined as a general sign-based one: anagrammatic structures are examined in music and mathematics. It is concluded that anagrams are special cognitive universals; anagrammatic structures are possible in semiotic codes with a linear organisation; one of the key functions of anagrams is cognitive – linear texts are perceived as a whole.

Key words: *anagrams, proper noun, semiotic codes, mathematics, music, text, typology, language.*

Корнелия Ичин
(Белград, Сербия)

ФОРМАЛИЗМ В КИНО: ОПЫТ ДЗИГИ ВЕРТОВА (КИНОПРАВДА)

На широких документальных данных показываются теоретические и методические принципы формирования неигрового кино в послереволюционной России, принципы организации кинотекста, соотношение его визуального ряда и дополняющих надписей. Показана роль в этом процессе Дзиги Вертова. Обосновано положение о том, что Вертов во многом предугадал формирование и организацию современных новостных программ.

Ключевые слова: семиотика, кино, Вертов, документалистика, монтаж, киноязык, хроникальное кино.

В статье «Поэзия и проза в кинематографии», опубликованной в сборнике «Поэтика кино» 1927 года Виктор Шкловский, ссылаясь на впечатления кинематографистов о том, что фильм ближе к стихам, чем к прозе, писал о «геометричности» формальных приемов (ритм, повторы, параллелизмы, композиция), объединяющих поэзию и кино. Пример поэтического кино для Шкловского — «Шестая часть мира» Дзиги Вертова, прозаического — «Парижанка» Чаплина. В поэтическом кино Шкловский наблюдает преобладание «технически формальных моментов» над «смысловыми», причем «формальные моменты заменяют смысловые»; в заключение он добавляет: «Бессюжетное кино есть стихотворное кино» [40, с. 92].

Ко времени написания статьи Шкловского Дзига Вертов уже рекомендовал себя как поэт неигрового кино, изобретший новые кинематографические приемы для запечатления «жизни врасплох», то есть факта жизни в новой реальности. Романтический радикализм, с которым в 1920-е годы Вертов отстаивал ведущую роль кинохроники (с ее отказом от слова, сюжета, игры) в становлении советской кинематографии, провозглашая монополию кинохроники в изображении революционного быта¹, свидетельствовал о нем как о неизменном борце за киноязык и киноправду².

В поисках чистого киноязыка Дзига Вертов выступал за изгнание всего некинематографического (литературы, театра, живописи) из кино, то есть против любого посредничества между киноаппаратом и жизнью. Он пытался создать абсолютное кино, опираясь на теорию факта, с одной стороны, и на конструктивистскую теорию вещи — с другой. Поэтому не случайно один манифест *киноков* — «Мы» — был напечатан в конструктивистском журнале «Кино-фот» [4, с. 11–12], вышедшем под редакцией Алексея Гана, а другой — в статье Вертова «Киноки. Переворот», напечатанной в «Лефе» [5, с. 142–145]. Правда, после публикации манифеста в «Лефе» отношение недавних соратников к Вертову меняется, и они все его новые ленты фактически встречают нападками³. Причиной были предпосылки из манифеста

---

¹ На это свойство Вертова обращает внимание и Ганс Рихтер, признавая за ним «право первородства», заключающееся в том, что он «дал толчок новому русскому киноискусству и кинотехнике в Советском Союзе, а именно — искусству монтажа, тому методу, который, развиваясь дальше и достигнув совершенства, неминуемо привел к «Броненосцу “Потемкину”». Оценка «Человека с киноаппаратом» передавалась следующими словами: «Он представлял собой серию хроникальных кадров, выразивших кредо Вертова, а именно: документальную ценность имеют только кадры, снятые во время соответствующего события и оставшиеся неретушированными. Любой мало-мальски игровой кадр он отвергал. Говорить должны были только факты» [30, с. 199].

² Уже в середине 1918 года он начинает монтировать кинохронику для *Кинонедели* из материалов, снятых кинооператорами «на фронтах гражданской войны и в тылу Советской республики» [24, с. 43].

³ В. Шкловский, например, пишет в 1927 году о недостатках *киноков*, о слабом сюжете и фальшивой надписи в фильмах «Шагай, Совет!» и «Шестая часть мира» [41, с. 70–73]. В этом же году в журнале «Кино-фронт» И. Соколов пишет рецензию на фильм «Шестая часть мира», в которой называет его «не искусством и не фактами», «эклетикой», «деформацией фактов»; автор упрекает Вертова в том, что он отступил от метода киноглаза, что «приемы монтажа взяты из художественной кинематографии», что «съемка была случайная, без точного плана и монтажного расчета» [33, с. 9, 10].

1923 года, провозглашающего главным «киноощущение мира», то есть «использование киноаппарата как киноглаза», который «живет и движется во времени и пространстве, воспринимает и фиксирует впечатления совсем не как человеческий, а по-другому» [5, с. 53]. Так создается «киноческая» хроника — «стремительный обзор расшифровываемых киноаппаратом зрительных событий, кусков действительной энергии», отличная и от газетной хроники «Пате» и «Гомон», и от политической хроники «Киноправды» [5, с. 58]. Восприятие Вертовым в 1922 году кино как «динамической геометрии», в которой должны быть запечатлены «пробеги точек, линий, плоскостей, объемов» [4, с. 12], как идеальное киновыражение, по-видимому, обязано мироощущению Малевича, который в поисках абсолютной живописи выводил ее за пределы предметного мира (в виде плоскостей и объемных архитектоников) в область энергии и возбуждения⁴. По сути, отрицанием всего литературного, театрального, изобразительного в кино (сценария, жанра, актера) Вертов отменял и саму терминологию Шкловского о сюжетном и бессюжетном кино, которая перекочевала из литературы в кино.

Он утверждает «подлинным, стопроцентным кино такое кино, которое строится на организации зафиксированного киноаппаратом документального материала»; метод документального фильма является «основным методом пролетарской кинематографии» [10, с. 122, 123]⁵.

---

⁴ Не случайно Малевич в 1929 году напишет текст для журнала «Кино и культура», в котором рассуждает о фильмах «Одиннадцатый» и «Человек с киноаппаратом». Малевич отмечает, что в «Одиннадцатом» заметил «прибавочные» элементы, которые «свидетельствуют о том, что где-то в глубине творческого центра Дзиги Вертова появились новые восприятия, которые требуют нового оформления», что в фильме имеется «значительный процент "абстрактных" моментов», что то, чего достиг Вертов, «делает его первым открывателем новых возможностей в кинетическом искусстве». О «Человеке с киноаппаратом» Малевич пишет в ключе сдвига (улиц, трамваев, вещей), он отмечает великолепную работу монтажера, который «понял идею или задачу нового монтажа, выражающего сдвиг, которого раньше не было», а также тенденцию режиссера «обеспредметить городской центр, не связывая ни один элемент в одну протекающую мысль», так как речь идет о «сплошных смещениях и неожиданностях». Свой текст Малевич заканчивает пророческими словами: «Установив кинообъектив в сторону еще неизведанной динамики металлической жизни и индустриально-социалистической, мы сможем увидеть новый мир, доселе не разработанный» [27, с. 23, 24, 26].

⁵ В защиту кинохроники Вертову придется выступить и в 1939 году, в дни празднования 20-летия советского кино. Возмущаясь по поводу умалчивания кинематографистами эпохи Гражданской войны, когда снимали хронику,

Таким образом, Дзига Вертов оказался в центре споров 1920-х годов вокруг «сущности и роли хроники» и «противопоставления неигровой – игровой» [32, с. 30]. Журналы 1920-х годов изобиловали спорами об игровом и неигровом кино. Так, например, искусствовед, теоретик ЛЕФа Борис Арватов соглашался с Вертовым, что «только чистый показ способен подать вещь как таковую», так как «фабульный аттракцион сдвигает внимание с вещи на происшествие» [1, с. 4]. Конструктивист Алексей Ган утверждал, что «для идейных и сознательных работников вне-игровой кинематографии кинохроника является костяком, вернее фундаментом кино-производства, на котором строят они все другие формы и виды культурной фильмы» [17, с. 5]. И. Урасов с упреком констатировал, что картины Вертова, «исключительные по мастерству», «по методам», «по подходу», «по результатам» не доходили до зрителей, поскольку в их основе «лежат факты и только факты», что и «пугало прокат» [37, с. 3]⁶. Однако главное совещание по поводу игрового и неигрового кино состоялось в конце 1927 года в ЛЕФе («ЛЕФ и кино»), о чем более подробно писали О. Булгакова и М. Ямпольский [3, с. 177–202; 46, с. 210–224], на котором выступил и Сергей Третьяков, занявший примирительную позицию. Он заявил:

Я никогда не считал, что ЛЕФ должен быть обязательно занят только хроникальными фильмами. Я считаю это несколько однобоким. Для меня всегда было совершенно оправдано то, что на обложке ЛЕФа находятся две фамилии – Эйзенштейна и Вертова. Эти люди, работающие с одной и той же установкой, но двумя разными методами. Эйзенштейн – перевес агитационного момента при служебном положении демонстрируемого материал. Вертов – перевес момента информационного, где важнее сам материал. Вряд ли работа Вертова есть чистая хроника. Чистая хроника – монтаж фактов только в плане их злободневности и социальной весомости. А когда факт берется как кирпич для постройки иного типа –

Вертов напоминает о том, что с 1918 года «учились кинописи», что «как игровая, так хроникальная фильма имеют право на существование», подытоживая свое выступление словами: «Между тем все мы прекрасно знаем, что история советской кинематографии начинается с опытов в области хроникальной фильмы» [9, с. 152, 153].

⁶ В заключение автор добавляет, что, «если бы на Западе увидели "Шестую часть мира", имя Вертова и *киноков* стало бы громче имен прославленных мировых режиссеров, и о картине писались бы книги» [37, с. 3]. Три года спустя В. Гейман утверждал, что авангардное игровое кино (Эйзенштейн, Пудовкин, Довженко) монтажную обработку материала проводило «по тому же принципу, что и у Вертова» [18, с. 9].

чистый хроникализм исчезает. Все дело в монтаже. Является фильма игровой или неигровой — это, по-моему, вопрос о большей или меньшей дефальсификации материала, из которого строится фильма [33, с. 188].

Именно дефальсификация материала была тем, на чем настаивал Вертов. Киноаппарат, то есть «механический глаз», «нащупывает в хаосе зрительных событий путь для собственного движения», он вторгается в жизнь, которую делает видимой; проявителями этой видимой жизни становятся киноки-монтажеры, организующие «впервые так увиденные минуты жизнестроения» [5, с. 56, 58]. Совместное действие «раскрепощенного и совершенствуемого аппарата» и «стратегического мозга человека» должно было явить свежее, интересное «представление даже о самых обыденных вещах» [5, с. 56]. С дефальсификацией материала (то есть вещи, из которой сделан фильм) и связана идея кинохроники. Метаязык использует Вертов, чтобы обратить внимание зрителя как раз на материал, пленку, когда делает надпись: «4 метра памяти кино-аппарата, попавшего под колеса поезда с мануфактурой»⁷. В конце «Киноправды» №19 1922 года Вертов специально раскрывает процесс подборки негатива для хроники, чтобы убедить зрителя в подлинности материала, вовлечь его в процесс создания кинохроники. Поэтому ключевые вертовские понятия, такие как «жизнь врасплох», «движение», «ритм», «машина», «правда», «коммунизм», должны ввести зрителя в конкретное бытие с подлинными сооружениями и орудиями производства⁸. В журнале «Зрелища» Алексей Ган выделяет 19-ю «Киноправду» как шаг вперед в построении «внехудожественной кинематографии», поскольку Вертову удалось «формально овладеть содержанием советского быта» [16, с. 9]. Как справедливо заметил Олег Аронсон, «этика, мировоззрение, теория и киноэксперимент неразрывно связаны друг с другом в его творчестве», ибо он полностью «отрицает искусство за неправду» [2, с. 87]. Своими кар-

---

⁷ Указывая на новый этап в развитии кинохроник, Алексей Ган выделяет 18-ю «Киноправду», которая демонстрировала приемы, о которых писали *киноки*: метраж 299 метров, который должен пройти перед зрителями за 14 минут и 50 секунд; четкий и безукоризненный монтаж; ровная раскадровка; введение киноаппарата в кино вещь; для Гана важно подчеркнуть и то, что в «Известиях» отметили конструктивистский метод Вертова в фиксации быта [15, с. 12].

⁸ В тексте о 19-й «Киноправде» А. Ган писал: «Место действия — для нас важно, как место географической, экономической и социально-политической территории. Людская среда и ее быт — нам нужны, как главная живая человеческая масса, исторически действующая в данном дне. И мы фиксируем людей живущих и действующих, а не играющих людей в жизнь» [16, с. 9].

тинами Дзига Вертов заставлял зрителя заново открывать факты действительности, воспринимаемые ранее по автоматизму, и активно погружаться в жизненные процессы нового быта.

Киноглаз, находящийся в «непрерывном движении», представляется Вертову единственным способным показать советскую действительность: он приближается и удаляется от предметов, подлезает под них, влезает на них, двигается «рядом с мордой бегущей лошади», врывается «на полном ходу в толпу», бежит «перед бегущими солдатами», поднимается «вместе с аэропланами», падает и взлетает «вместе с падающими и взлетающими телами» [5, с. 55]. Киноглаз должен был проникать в хаос событий и запечатлевать факты. Движущийся киноглаз в поисках «чистого факта» фиксирует преимущественно вещь, и этим он близок теории остранения Шкловского, как это уже отметила Оксана Булгакова [3, с. 195]. Исходный замысел Вертова совпадал с утверждениями Шкловского, что необходимо создание языка, рассчитанного «на видение, а не на узнавание», и что «создание новых форм искусства может вернуть человеку переживание мира, воскресить вещи и убить пессимизм» (из «Воскрешения слова») [42, с. 41, 40]. Речь шла о выводе вещи из автоматизма восприятия, об остранении⁹. Вертов, выведивший в 19-й «Киноправде» кинематографическую пленку на первый план, по сути, выводил ее из области быта в область кинофакта, из бытового материала делал ее центром динамической конструкции произведения, чем приближался формалистским рассуждениям о «литературном факте»¹⁰.

Ориентация на факт привела к тому, что и Алексей Ган в «Кинофоте» приветствовал Вертова как союзника, усмотрев в факте, создан-

⁹ В поэзии этот прием Шкловский называет речью «заторможенной, кривой», а саму поэтическую речь — «речью-построением» [43, с. 72].

¹⁰ В том же 1924 году Ю. Тынянов пишет статью «Литературный факт», в которой рассматривает динамические, эволюционные процессы в литературе, смену центра и периферии, нового и старого, что по-своему, «по-киночески» прочитывалось Вертовым. Приведем несколько цитат из Тынянова: «вся суть новой конструкции может быть в новом использовании старых приемов, в их новом, конструктивном значении»; «Тогда как "конструктивный фактор" и "материал" — понятия постоянные для определенных конструкций, конструктивный принцип — понятие, все время меняющееся, сложное, эволюционирующее»; «Взаимодействие конструктивного фактора и материала должно все время разнообразиться, колебаться, видоизменяться, чтобы быть динамичным»; «Собственно говоря, каждое уродство, каждая «ошибка», каждая неправильность нормативной поэтики есть — в потенции — новый конструктивный принцип» [35, с. 12, 16, 18].

ном совместными усилиями киноаппарата и монтажа прежде всего вещь, которая была в основе конструктивизма. Данная концепция поддерживалась и установкой Вертова на динамику и разного рода машины, будь то летательные аппараты или машины в производственном процессе; об ориентации на конструктивизм говорит и подъем киноаппарата на Эйфелеву башню по случаю смерти строителя башни в «Киноправде» №18 [47, с. 68–85]. Для Гана главное достижение советской кинематографии, бесспорно, — кинохроника, ибо «она и только она одна, сколько ей ни мешали "люди" — честно и верно зафиксировала ряд величайших моментов пролетарского октября, гражданской войны и титанических усилий трудового фронта» [14, с. 2].

В 1922–1923 гг. Вертов вместе с *киноками* снял 20 выпусков кинохроники для «Киноправды», которая осуществляла программу, основанную на методе «жизни врасплох», защищающем от фальсификации жизни. Предполагалась точная передача реального материала, фотографически достоверный факт жизни; кинохроника «врасплох», без инсценировок воспроизводила ход событий в тот момент, когда участники не догадывались, что на них направлен объектив кинокамеры. Во избежание вялой художественной выдумки Вертов вводил в кинохронику крупные планы, неожиданные ракурсы, монтаж коротких кусков, ритмическое построение сцен. Его интересовали выразительность деталей, темп движения и смены кадра, чистая динамика. Он понимал, что монтаж дает большие конструктивные возможности и начал экспериментировать с созданием условного времени и пространства; он расчленяет и склеивает абсолютно разные кадры, снимает с автомашин или самолетов, пользуется скрытой камерой, фототрюком, занимается замедленной и ускоренной съемкой, проводит эксперименты с обратной съемкой, с накладыванием экспозиций друг на друга, с мультипликацией. Таким образом «Киноправда» в формальном отношении делает шаг вперед. На самом же деле Вертов пытается заговорить на чистом киноязыке, который удастся реализовать лишь в 1929 году в «Человеке с киноаппаратом».

В интервью 1925 года Вертов открывает берлинскому журналу «Экран», что «на основании донесений киноков-наблюдателей» он разрабатывает план «наступления киноаппаратов в непрерывно меняющейся жизненной обстановке», сравнивая при этом работу киноаппаратов с детективами, «которые не знают, что их ждет впереди, но у которых есть определенное задание: из гущи жизненной путаницы выделить и выявить такой-то вопрос, такое-то дело» [12, с. 127]. Эта случайность материала, с которой сталкивался киноаппарат и с которой работал Вертов, свидетельствовала об отказе от фотографической

репродуктивности действительности за счет свободы съемки и монтажа, который строит вещь на интервале (междукадровом движении, соотношении кадров друг с другом)¹¹. Введение в «теорию киноглаза» понятия «интервал», неразрывно связанного с основной единицей, кадром, для Вертова означало заставить критиков говорить о кино на языке, отличном от литературоведческого языка.

Свои «Киноправды» Вертов создает из материалов, посылаемых в Москву первым агитпоездом. Снимки из разных частей Советского Союза, сделанные *киноками*, он перерабатывает в агитационную кинохронику, то есть пытается по принципу чистого монтажа объединить разные кинозаписи в одно агитационное целое. Так, например, в 1-м выпуске «Киноправды» кочующий киноаппарат вводит нас в жизнь станции «Мелекес», где мы видим умирающих с голоду детей, потом вместе с аэропланом поднимает на высоту 750 метров над Москвой; наконец-то камера перемещает нас в зал суда, в котором идет процесс над эсерами. В 4-м выпуске киноаппарат из зала суда перекочевывает в аэромобиль и на баржу с хлебом для голодающих губерний, потом уводит зрителя на Кавказ, в курорт Сочи, знакомит со старинной крепостью в Лазаревке, оттуда — в город Туапсе, вовлекая всех зрителей в игру в нарды. Монтаж в «Киноправде» показывает, как съемки жизни превращаются в «организацию самой жизни». О принципах работы *киноков* говорил для «Кино-фота» О. Опэн, отметивший, что *киноки* — «группа людей, разъединенных территориально и работающих различно под одними и теми же лозунгами», которые он перечислил по пунктам: 1) наблюдение, 2) эксперимент, 3) измерение, 4) киногопозе-за, кинотеория и 5) установление кинозакона» [36, с. 4]. Метод *киноков* подразумевал исследовательскую работу, которая была рассчитана на расширение зрения, уничтожение разницы между понятиями «видеть» и «смотреть» с целью фиксировать неуловимые жизненные явления и материализовать пульсирующий ритм жизни. Хороший пример для этого представляет 5-й выпуск «Киноправды», в котором Вертов, изменяя принципу построения предыдущих кинохроник, вырабатывает равновесие между статическими и динамическими элементами, овладевает образом и ритмом в рамках каждой отдельной темы и находит ритмическое объединение разнородных тем. Некто, читающий газету «Киноправда», знакомит зрителя с ее содержанием: с

---

¹¹ Междукадровый сдвиг «составляется из сумм разных соотношений, из которых главные: 1) соотношение планов (круп., мелк. и т. п.); 2) соотношение ракурсов; 3) соотношение внутрикадровых движений; 4) соотношение светотеней; 5) соотношение съемочных скоростей» [11, с. 114].

поездкой наркома в Сибирь, с курортами Кавказа, с детскими санаториями «Солнце Дар», с бегами «Красное дерби» в Москве. Вертов добился эффекта, к которому стремился: слова, превращающиеся в мозгу в образы, моментально проецировались на экране¹².

Однако Вертов в «Киноправде» не может освободиться от слова, хроника, деланная по заказу, не позволяет этого. Эти тщательно разработанные надписи вместе со снимками атакуют человеческий глаз. В отличие от «Кинонедели», где надписи представляли лишь литературную аннотацию и печатались в типографии, в «Киноправде» они встраиваются, впечатываются в кадр (например, в 15-м выпуске Латвия, Литва, Польша, Комсомольское рождество, Тимирязев, Каменев, ректор, хоккей, на страже). Новизна этого метода состоит и в том, что статичную надпись сменяют движущаяся и самопишущая надписи, выполненные в духе футуристических «книг-самописем», а также надписи-документы из речей Ленина или дневников пионеров, что также связано с вопросом фактуры¹³. Вновь это тот самый прием извлечения факта быта, его остранения. Киноглаз Вертова питался неожиданностью, совершал атаку, искал всевозможные средства (крупным планом кричащего рта, изображением гудка паровоза, горна, духового оркестра и т. п.), чтобы передать звучание жизни. Он использовал стенограммы, чтобы ввести в немую кинохронику живую речь вождей. Так, например, в 7-й и 13-й «Киноправде», которые были посвящены пятой годовщине революции, он вводит прямую речь Троцкого на Красной площади, во время военного парада¹⁴. В этих выпусках «Киноправды» надписи осмысляет конструктивист Родченко; имя ЛЕНИН он подает во весь экран, что Ган формулирует словами: «Экранное слово. Говорящий кинематограф кинематографическим язы-

---

¹² Этому выпуску «Киноправды» Вертов посвящает отдельную статью, в которой указывает, что в 5-м номере постепенно меняются «закоренелые приемы съемки, приемы монтажа в сторону чистого движения», что «большое внимание уделяется композиции надписи», что кинохроника будущего «обопрется на рабочую толпу» и «сроднит ее с железным ритмом двигающихся, ползущих, двигательных, летательных машин» [7, с. 50].

¹³ На это особое внимание обращала еще статья 1929 года за подписью Н., опубликованная в «Советском экране» [28, с. 12].

¹⁴ О том, как действовала 13-я «Киноправда» на зрителя, лучше всего говорили впечатления М. Кольцова, сформулированные словами «музыка буквально прет с экрана», которые приводит Л. Рошаль в своей статье [31, с. 192]. В. Листов по этому поводу отмечает, что «"Киноправда-Октябрьская" (осень 1922) вся построена как кинематографическая параллель к речи Л. Троцкого на IV Конгрессе Коминтерна, обобщающей пятилетний путь Советской Республики» [25, с. 128].

ком» [13, с. 6]. Надписи в 7-й «Киноправде» оживают, каждая буква обращает на себя внимание (таковы имена представителей Коминтерна; имя Колчака прикреплено к мишени). В роли надписей появляются лозунги, карты, газеты, флаги, знакомящие нас с главными событиями пятилетней власти: с формированием армии (1918), с борьбой с Колчаком (1919), с Буденным и взятием Перекопа (1920), с голодом (1921), с НЭПом (1922). Звучание передается приветствиями массы, духовым оркестром, машинами на заводе, гудками паровоза, которые мелькают перед зрителем. Вертов мечтает о звуковом кино, в котором зазвучал бы русский пролетариат; свою мечту он осуществит восемь лет спустя в фильме «Симфония Донбасса».

Вертов понимал, что «Киноправда» была переломной для развития русской кинематографии. Этого не оспаривал и Эйзенштейн¹⁵. После выпуска первой серии «Киноглаза» в 1924 году Вертов искренне поверил, что она сыграет роковую роль в жизни художественной кинематографии, которая не сможет «чересчур долго сопротивляться революционному натиску» [12, с. 198].

Однако идеология вмешалась в кинематографические споры. Резолюция ЦК ВКП (б) *О политике партии в области художественной литературы* (от 18 июня 1925 года), в основу которой были положены принципы партийности и народности литературы и искусства, наметила ход дальнейших событий в области искусства, в том числе кино¹⁶. Газета «Кино» открыла с 13 сентября 1927 года специальный отдел «Готовьтесь к партсовещанию!», которое состоялось с 15 по 21 марта 1928 года. Напомним, что левовцы собрались между этими датами в редакции, чтобы скорректировать свою теоретическую платформу. Итоги первого партийного совещания по кинематографии сводились к тому, что «в основе содержания советского фильма должна лежать идеология пролетариата», иными словами, в период первой пятилет-

---

¹⁵ Эйзенштейн называл «Киноправду» своим предшественником в статье «"Стачка". 1924. К вопросу о материалистическом подходе к форме»: «"Стачка" — Октябрь в кино. Октябрь, имеющий даже свой февраль, ибо что же иное работы Вертова, как не «свержение самодержавия» художественной кинематографии и... больше ничего. Речь здесь только о моем единственном предшественнике — "Киноправде"» [45, с. 112]. А. Лемберг в своих воспоминаниях писал, что Эйзенштейн очень часто заходил к кинокам в просмотровый зал и смотрел не только готовые номера журнала «Киноправда», но и еще несмонтированный материал хроники, подытоживая, что «влияние группы "киноков", возглавляемой Вертовым, безусловно, отразилось на картинах Эйзенштейна "Стачка" и "Броненосец Потемкин"» [24, с. 67, 68].

¹⁶ Напомним, что по инициативе ЦК ВКП (б) было создано в том же 1925 году *Общество друзей советского кино* (ОДСК).

ки (1928–1932) кино должно являться «могущественным средством коммунистического просвещения и агитации, воспитания классового сознания рабочих, политического перевоспитания всех непролетарских слоев населения и крестьянства в первую очередь» [23, с. 160–162]. По сути, это была борьба с формализмом в кино, под который подпадали хроники Вертова¹⁷.

Давление на представителей кинодокументализма усиливается и в статье «На большевистские рельсы», помещенной в «Правде» от 14 декабря 1931 года, в которой читаем: «Кинохалтура еще не ликвидирована. Затрачиваются часто огромные средства на десятки и сотни картин, идеологически чуждых социалистическому строительству»; между тем «Пролетарское кино» (№5, 1932 год) прямо призывало к окончательному разгрому кинодокументалистики, олицетворяющей формалистский подход к киноискусству¹⁸.

---

¹⁷ Попытку защитить Вертова делает К. Фельдман в 1928 году, когда пишет, что заслуга Вертова и его учеников в том, что «они научили всех без исключения наших кинорежиссеров работать над материалом», что Вертов «с помощью искусного монтажа ежеминутно показывает свое отношение к жизни, волнует пафосом и страдой, героикой и буднями советского труда», когда не соглашается с критиками, которые обвиняют Вертова в отсутствии «установки на человека» в его картинах [38, с. 5]. К. Фельдман окажет поддержку Вертову и позже, когда опубликует в журнале «Кино и культура» статью, в которой заступится за Вертова [39, с. 12–20]. Н. Кауфман отмечает в своей статье «Вертов» о том, как его обкрадывали все время, что у него научились «отбору материала, приемам монтажа, пользованию надписями», что его приемы будут «еще разжевываться годами»; он называет Вертова «изобретателем», «организатором нашего зрения». Вертов, согласно Н. Кауфману, раскрыл в кино красоту вещей эпохи, и теперь все смотрят на них его глазами; Вертов «создает новый киноязык», «на основе монтажа кинонаблюдений строит новую кинопись»; Кауфман проводит параллель: «Эйзенштейн создает героикку из материала революции. Вертов ее создает из материала будней» [19, с. 6, 7]. В заметке «Киноки» Н. Кауфман рассматривает путь Вертова и призывает: «Дорогу Вертову» [20, с. 9]. Одновременно он публикует отдельную статью о «Человеке с киноаппаратом» [21, с. 5] и о гастролях Вертова за рубежом, причем приводит мнение Кракауер о фильме, где «Вертову удается при помощи монтажа вложить смысл в цепку этих опилок действительности» [22, с. 7]. Доброжелательно пишет и К. Шутко, указывая на опыт «Киноправд», на создание Вертовым зрительного, кинематографического языка, без надписей [44, с. 4].

¹⁸ Однако помимо организованной травли авангардистов-кинодокументалистов причину дискуссий о неигровом фильме следует искать и в другом. По видимому, прав исследователь Плагтенбург, утверждавший, что «восторженность кинохроникеров никак не вязалась с равнодушием зрителей», что «народ не хотел смотреть это» и что «даже передовой отряд общественного дви-

На фоне всеобщей борьбы с формализмом Вертов создавал своего «Человека с киноаппаратом» (1926–1929 годы, на экраны вышел в апреле 1929 года), а потом и «Симфонию Донбасса» (1930–1931). Это неигровое кино, в котором воплотился его творческий метод – «коммунистическая расшифровка мира»¹⁹, – представало пред нами как «сверхкинофакт», лишенный некинематографических посредников и организованный в ритмически сплоченное целое благодаря «киноглазу», а в «Симфонии Донбасса» – «радиоглазу».

Желание установить зрительную и слуховую взаимосвязь между пролетариями во всех концах света (на платформе коммунистической расшифровки мира) двигало Вертовым, когда он пришел к мысли, что «при быстроте сношений между странами, при молниеносной пересылке заснятого материала... *Киногазета* должна стать... обзором мира через каждые несколько часов времени» [6, с. 13]. Сегодня мы понимаем, что этот его неосуществленный замысел предшествовал, по сути, появлению новостных программ онлайн на телевидении.

жения, рабочий класс, был не в восторге от них» [29, с. 226], несмотря на то что эти произведения искусства были адресованы именно рабочему классу (вспомним о посвящении Эйзенштейном «Октября» 1927 года «ленинградским рабочим»).

¹⁹ Как замечал К. Фельдман в 1928 году, его волновали «только события, находящиеся в прямой связи с жизнью и бытом советского государства» [38, с. 5]. К. Фельдман отдает должное Вертову, отмечая его вклад в развитие советской кинематографии: «Значение Вертова и его учеников в том, что они научили всех без исключения наших кинорежиссеров работать над материалом. Вертов доказал, что материал в кино звучит только тогда, когда художник показывает свою точку зрения на материал» [38, с. 5]. Согласно В. Листову, это подразумевало, что «действительность по природе своей зашифрована, а ключ к ее разгадке есть неигровое кино, вооруженное передовой социальной теорией» [26, с. 167]. Однако «коммунистическая расшифровка мира» понимается Аронсоном по-другому. Аронсон считает, что «все кинофакты для Вертова равноправны, ни у какой киновещи нет привилегии», что речь идет о движении «кинофактов, каждый из которых, будучи зафиксированным, еще не стал видимым», ибо нуждается в изменении восприятия субъекта, являющегося субъектом коммунистического общества» [2, с. 86]. Иными словами, «киновосприятие оказывается имманентно тому типу общности, которая находится в постоянной динамике становления коммунистической общности, где от речи остается не слово и не молчание (сохраняющее этику целостности, производящее мир индивидуализированных форм), а коммуникация (связь с другим из ситуации недостаточности "я")» [2, с. 87]. По его мнению, Вертова «интересует коммунизм как особая ситуация», где реализовывается «равноправие, со-существование, совместность различных правд, где не надо доказывать что-либо логически, но достаточно лишь показать» [2, с. 87].

Список литературы

1. Арватов Б. Агит-кино и кино-глаз // Кино-журнал А. Р. К. 1925. №8.
2. Аронсон О. Метакино. М., 2003.
3. Булгакова О. ЛЕФ и кино // Экранные искусства и литература. Немое кино. М., 1991.
4. Вертов Д. Мы. Вариант манифеста // Кино-фот. 1922. №1.
5. Вертов Д. Киноки. Переворот // Леф. 1923. №3.
6. Вертов Д. Киноправда // Кино-фот. 1923. №6.
7. Вертов Д. Пятый номер «Киноправды» // Вертов Д. Статьи. Дневники. Замыслы. М., 1966.
8. Вертов Д. Киноки. Переворот // Там же.
9. Вертов Д. В защиту хроники // Там же.
10. Вертов Д. Ответы на вопросы // Там же.
11. Вертов Д. От «киноглаза» к «радиоглазу» // Там же.
12. Вертов Д. Кинематографии не существует. Интервью Дзиги Вертова корреспонденту журнала «Экран», Берлин, 1925 г. (Публикация Н. Нусиной) // Киноведческие записки. 1996. №30.
13. Ган А. Р. С. Ф. С. Р. Кино-Правда // Кино-фот. 1922. №5.
14. Ган А. «Левый Фронт» и кинематография // Там же.
15. Ган А. Признание киноков // Зрелища. 1924. №77.
16. Ган А. 19-я Кино-Правда // Там же.
17. Ган А. За организацию фактов жизни // Советский экран. 1926. №15.
18. Гейман В. Страница. «Игровое» и «Неигровое» // Там же. 1929. №22.
19. Кауфман Н. Вертов // Там же. 1928. №45.
20. Кауфман Н. Киноки // Там же. 1929. №4.
21. Кауфман Н. Человек с кино-аппаратом // Там же. №5.
22. Кауфман Н. Дзига Вертов за рубежом // Там же. №37.
23. КПСС о культуре, просвещении и науке. М., 1963.
24. Лемберг А. Дзига Вертов приходит в кино // Из истории кино. М., 1968.
25. Листов В. Вертов: однажды и всегда // Киноведческие записки. 1993. №18.
26. Листов В. Россия. Революция. Кинематограф. М., 1995.
27. Малевич К. Живописные законы в проблемах кино // Кино и культура. 1929. №7–8.
28. Н. Надпись и ее развитие у киноков // Советский экран. 1929. №7.
29. Плаггенборг Ш. Революция и культура. Культурные ориентиры в период между октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000.
30. Рихтер Г. Человек с киноаппаратом // Киноведческие записки. 2002. №58.
31. Рошаль Л. Комментарий к музыкальному конспекту // Там же. 1994. №21.
32. Селезнева Т. Киномысль 1920-х годов. Ленинград, 1972.
33. Соколов И. Шестая часть мира // Кино-фронт. 1927. №2.
34. Третьяков С. Кинематографическое наследие : статьи, очерки, стенограммы выступлений, доклады. Сценарии. СПб., 2010.
35. Тынянов Ю. Архаисты и новаторы. Ленинград, 1929.

36. У киноков. Несколько ответов кинока О. Опэна на вопросы, которые ему были заданы нашим сотрудником // Кино-фот. 1922. №5.
37. Урасов А. Наша школа кино // Советский экран. 1926. №42.
38. Фельдман К. Вертов и Рутман // Там же. 1928. №18.
39. Фельдман К. В спорах о Вертове // Кино и культура. 1929. №5—6.
40. Шкловский В. Поэзия и проза в кинематографии // Поэтика кино. М. ; Ленинград, 1927 ; СПб., 2001.
41. Шкловский В. За сорок лет. Статьи о кино. М., 1965.
42. Шкловский В. Воскрешение слова // Шкловский В. Гамбургский счет. Статьи — воспоминания — эссе (1914—1933). М., 1990.
43. Шкловский В. Искусство как прием // Там же.
44. Шутко К. Путь киноков // Советский экран. 1929. №5.
45. Эйзенштейн С. Избранные произведения : в 6 т. М., 1964. Т. 1.
46. Ямпольский М. Язык — тело — случай. М., 2004.
47. Tode T. Un Soviétique escalade la Tour Eiffel: Dziga Vertov à Paris // Cinématèque. 1994. №5.

Kornelija Icin

FORMALISM IN CINEMA: THE CASE OF DZIGA VERTOV (KINOPRAVDA)

Based on ample documentary evidence, the author identifies the theoretical and methodological principles behind the development of documentary films in post-Revolutionary Russia, as well as the principles of film text and the correlation between the visual imagery and the text. The role of Dziga Vertov in this process is emphasised. The author proves that Vertov forestalled the development and organisation of modern news.

Key words: *semiotics, cinema, Vertov, documentary films, montage, film language, newsreel.*

**ЛАБИРИНТЫ
ИСТОРИИ**

...опыт Крымской войны, а по сути — страх перед европейской коалицией, станет кошмаром царской России практически до конца ее существования.

С. Терзич

*Славенко Терзич
(Белград, Сербия)*

РОССИЯ И ПЕРВАЯ БАЛКАНСКАЯ ВОЙНА

Рассматривается хроника внешнеполитических событий начала XX века, связанных с участием России в решении балканского вопроса. Среди важнейших событий, оказавшихся в центре «балканской» политики России, – возможность захвата Константинополя Болгарией и выхода Сербии к Адриатическому морю.

Ключевые слова: история, внешняя политика России, «восточный вопрос», Сербия, Болгария, Первая Балканская война.

О тношение России к Первой Балканской войне 1912–1913 годов было частью ее более широкой и долгосрочной внешнеполитической стратегии по данному региону. Как известно, уже согласно мирному договору в Кучук-Кайнарджи 1774 года Россия получила право покровительства православным христианам в Османской империи и их защиты, но потеряла его после Парижского мирного договора (1856), трагической и изнурительной для России Крымской войны, когда впервые единая европейская коалиция (практически все силы Европы) вместе с Турцией воевала против России. Опыт Крымской войны, а по сути – страх перед европейской коалицией, станет кошмаром царской России практически до конца ее существования.

Этот опыт в некотором роде сказался и во время Великого восточного кризиса 1875–1878 годов. Огромные военные потери и финансовые расходы из-за решения Берлинского конгресса (1878) не привели к

желаемому результату. Попыткам России самостоятельно решить восточный вопрос и благодаря созданию Сан-Стефанской Болгарии осуществить свое почти двухвековое желание — господствовать над проливами Босфор и Дарданеллы, быть хозяином в Константинополе, контролировать коммуникации на Нижнем Дунае и вниз по Вардарской долине — противодействовали европейские страны, прежде всего Великобритания и Австро-Венгрия. Берлинский договор аннулировал Сан-Стефанский договор. Сербия вместе с Россией необдуманно ввязались в международный кризис и, как следствие, потерпели поражение.

Но в истории российской политики на балканском направлении есть еще один существенный момент: Россия стояла и за Первым, и за Вторым балканским союзом. Считая, что эмансипация Балкан по принципу «Балканы — балканским народам» не допустит доминирование ее стратегических конкурентов на этих пространствах, Россия оказывала помощь освободительным движениям балканских народов: она была единственной силой, которая более-менее последовательно этим занималась. Чаще всего Россия выдвигала на первый план единство православного мира на Балканах, единство Вселенской церкви, но под влиянием русских славянофилов она добилась *берата* (указа султана) о болгарской экзархии (1870), что привело к схизме в рамках Вселенской церкви. Мнимая поддержка болгарского церковного движения, а на самом деле — болгарских национальных амбиций, обернулась неудачей на Берлинском конгрессе; ущерб, нанесенный идее славянского православного единства на Балканах, был огромен и в итоге непоправим.

Традиционно русская политика на Балканах исходила из идеи разграничения сфер влияния между Россией и ее конкурентами, в основном с Австрией, преобразовавшейся в Австро-Венгрию. Известен договор между Екатериной II и австрийским императором Иосифом о разделении территорий влияния по линии Тимок-Вардар. Историческим приоритетом России, ее внешнеполитическим стремлением еще со времен Петра Великого, являлось господство на Черном море, контроль над Босфором и Дарданеллами и выход в Средиземное море. Чтобы осуществить это, Россия была готова идти на компромисс с соперниками (чаще всего в ущерб интересам Сербии) по одной простой причине: сербы занимают центральную часть Балкан. Примером такого компромисса были соглашения в Рейхштадте (1876) и в Будапеште (1877). Для того чтобы добиться свободы действий в восточной части Балкан, Россия оставляла ее западную часть Австро-Венгрии, дав согласие на австро-венгерскую оккупацию Боснии и Герцеговины. Имея за плечами этот опыт, Россия согласилась и на аннексирование

Боснии и Герцеговины в 1908 году (за туманные обещания, связанные с контролем над проливом, которые Англия в ближайшем будущем опровергла).

В 1912 году Россия все еще восстанавливала свои силы после поражения в Русско-японской войне и после хаоса революции в том же году. Она десятилетиями внимательно наблюдала за событиями на Балканах, имела широкую сеть консульских учреждений — в основном в них служили весьма образованные и одаренные люди — и имела отличную разведывательную сеть с центром в Константинополе. Россия вновь поддержала идею Балканского союза и искренне благопритствовала подписанию договора о союзе между Сербией и Болгарией 13 марта 1912 года. Как известно, в «Секретном дополнении» к договору было указано, что обе державы поставят Россию в известность о возможных действиях против Турции. Также обе державы по статье 2 «Секретного дополнения» согласились на посредничество русского императора в решении территориального спора вокруг региона от Кривой Паланки до Охридского озера. Никола Пашич 22 июня 1912 года лично передал копию сербско-болгарского соглашения русскому императору вместе с письмом короля Петра. В Москве Пашич присутствовал на открытии памятника русскому императору Александру III [1, с. 820].

Накануне Балканской войны у России были очень хорошие отношения с Сербией. Пашич был столпом и гарантом такого сотрудничества. К Черногории Россия стала относиться настороженно из-за ее сближения с Австро-Венгрией. С одной стороны, Черногория получала русские военные субсидии, а черногорский король Никола — свой гражданский лист, и во время его визита в Константинополь в начале 1912 года поговаривали, что не мешало бы выделить что-то и королевичу Мирко, «потому что он не получает ничего от России» [1, с. 452]. С другой — черногорский займ в «Боден-кредитанштальт» вынудил русское правительство предупредить черногорский двор «об опасности политики, которая жертвовала бы большими и постоянными интересами ради временной и неизвестной выгоды» [1, с. 179–180]. Король Никола заверил Россию, что на закате жизни у него нет ни сил, ни воли менять традиционную политику и «бросаться в приключения».

Поддерживая идею Балканского союза, Россия одновременно была против военной интервенции. При собственной неготовности к войне и понимании того, что Турция в военном плане все еще достаточно сильна, чтобы победить балканских союзников, у России были и внутриэкономические причины к этому. Босфор и Дарданеллы были жизненно важными воротами экспорта русской пшеницы и вообще русского продовольствия в Европу и мир. Уже с началом войны между

Италией и Турцией представители торгово-промышленного капитала поставили вопрос о защите русского экспорта. Посланнику Чарикову в Константинополе была дана инструкция напомнить Порте о некоторых статьях Парижской (1856) и Лондонской (1909) деклараций, согласно которым русский экспорт пшеницы из черноморских портов под нейтральным флагом не подлежит таможенному досмотру и конфискации, поскольку он предназначен не для итальянской армии. После закрытия пролива в апреле 1912 года русские деловые круги еще более энергично оказывали давление на правительство. Сама Турция не доверяла намерениям России, а протест против закрытия Дарданелл еще больше подпитывал это недоверие. Русский военный представитель в Константинополе Хольмсен полагал, что и балканские союзники способствовали этому, надеясь, что закрытие Дарданелл может привести к конфликту России и Турции. Не было ни одного дня, — пишет он, — без сообщений о появлении русского флота перед Босфором.

Опасения Турции были безосновательны, потому что русская дипломатия в течение всего 1912 года настаивала на том, чтобы не нарушался мир на Балканах. Из Петербурга 20 сентября 1912 года было направлено письмо правительству Сербии о том, что русское правительство «принципиально рекомендует мир, потому что абсолютно не может воевать, последствиями войны были бы австрийская оккупация Сербии и победа Турции над Болгарией» [2, с. 641]. На обратной стороне этого письма Пашич написал: «От нашей воли не зависит, примет ли положение дел на Балканах тот облик, который угрожает выживанию сербов, будет ли поддерживаться агитация за “великую Албанию”», которая направлена против жизни сербского элемента в Косово» [2, с. 641]. Русский министр иностранных дел Сазонов неоднократно и через Хартвига в Белграде, и через Димитрия Поповича в Константинополе предупреждал Сербию и Пашича о том, что в случае начала войны Австро-Венгрия нападет на Сербию и захватит Белград. Он писал: «Россия снимает с себя любую ответственность за последствия войны и еще раз обращает внимание на то, что правительства балканских стран не могут рассчитывать на вмешательство России» [2, с. 640]. Данев сообщил Пашичу в поезде, ехавшем по маршруту Ниш-Марковац 22 сентября 1912 года: в Болгарии начали думать, что русские не хотят войны «из-за страха, что мы, болгары и сербы, не поставим вопрос о Константинополе и Дарданеллах» [2, с. 653–654]. Посланник министра иностранных дел Нератов повторил сербскому посланнику все вышесказанное, подчеркнув, что Россия не повторит ошибку 1877 года. В конце сентября 1912 года русский министр иностранных дел Сазонов, пытаясь предотвратить войну, выступил с иде-

ей, чтобы Турция согласно статье 23-й Берлинского договора провела реформы и улучшила ситуацию в стране. Он посетил Францию, Великобританию и Германию. Сербскому посланнику в Лондоне он сказал, что реформы распространятся на все области, что война — «настоящее безумие» и что посланник ошибается, если думает, что Сербия втянет Россию в войну. Россия не будет вмешиваться, даже если Австро-Венгрия нападет на Сербию, хотя это для России будет достаточно сложно.

Уже в начале октября 1912 года, понимая решительность балканских держав, русская дипломатия делает небольшой маневр: проводит переговоры с Австро-Венгрией о том, чтобы локализовать балканскую войну и чтобы ни одна великая держава в нее не вмешалась. Сазонов неоднократно повторял в различных случаях: все усилия нужно направить на локализацию войны. При поддержке общественного мнения, которое в основном требовало более энергичных действий со стороны России, военные круги предложили секретную помощь. Генерал Шведов в начале октября сказал сербскому представителю, что, если начнется война, русский Красный крест сразу вышлет три госпиталя с 300 койками, 9 врачами, 28 сестрами и 99 медиками. Он выразил желание прибыть лично вместе с Красным крестом [2, с. 787–788]. Военный министр обещал сербскому посланнику 14 октября 1912 года, что он будет предоставлять сведения о передвижении и дислокации турецкой армии. На следующий день Сазонов уведомил посланника, что Австро-Венгрия вполне миролюбива, но не следует входить в Новопазарский санджак, потому что и в Австро-Венгрии есть свое общественное мнение и партии войны. Начальник главного штаба также не рекомендовал идти в Новопазарский санджак, так как там немного турецких войск и не стоит давать Австро-Венгрии повод для вмешательства. Нужно наступать в направлении Приштины, Скопье и Джу-стендила. Он также добавил, что Австро-Венгрия мобилизовала 15, 16, 7 и 13-й полки и что она направляет отряды к Увце. Доктор Крамарж выступил с идеей умиротворения Австро-Венгрии путем присоединения Плевальского санджака к Боснии и Герцеговине, чем одновременно могла бы быть увеличена численность сербского населения в тех краях.

Новости об объявлении войны Турции сначала со стороны Черногории, а затем и остальных союзников не были приняты русским правительством с одобрением. Председатель правительства Коковцев и министр Сазонов были раздражены. Из-за нерешительности в балканском вопросе Сазонов был подвергнут критике со стороны русской общественности. Австро-венгерский посланник в Белграде сообщал о

возможности соглашения между Австро-Венгрией и Россией по разделу Балкан. Русское правительство опасалось поражения балканских славян.

Русское общественное мнение с большим вниманием следило за военными событиями и симпатизировало своим балканским союзникам. В Московском университете проводились студенческие собрания, осуществлялся сбор помощи, люди записывались в добровольцы. По инициативе профессора Ковалевского в Петербурге обсуждалась ситуация на Балканах, в обсуждении участвовали ученые и представители общественности. В России развернул активную деятельность профессор Кошутич из Белградского университета. Эти мероприятия осуществлялись в двух направлениях: сбор помощи и организация лекций с целью информирования о ситуации на Балканах.

Как и можно было предполагать, интересы России сосредоточились вокруг вопроса о судьбе Босфора и Дарданелл. Сазонов сообщил 2 ноября болгарскому посланнику Бопчеву, что Россия не позволит Болгарии захватить Константинополь. По русским источникам, союзники России по Антанте, Франция и Англия, не возражали против идеи болгарского наступления на Константинополь. Французская дипломатия подговаривала болгар взять османскую столицу. Англия предложила превратить Константинополь в свободный порт под международным контролем.

Русская общественность особенно чутко следила за ситуацией вокруг пролива — особенно та ее часть, которая выражала интересы торговли и промышленности. Опасность закрытия Босфора и Дарданелл и, как следствие этого, большой удар по русскому экспорту пшеницы, стали главной темой. Болгарская армия приближалась к турецкой столице (сами болгары считали это сном, ставшим явью). Существовала реальная возможность того, что зона Пролива перейдет под контроль Болгарии. Русский посланник в Константинополе Гирс информировал свое правительство о панических настроениях среди турок. Министр иностранных дел Турции попросил Гирса передать просьбу царю Николаю, чтобы он предотвратил вторжение болгар в Константинополь. По словам турецкого министра, его страна два раза прислушивалась к голосу русского царя и останавливалась в войне против Сербии и Греции. Теперь она надеется, что голос Его Величества будет иметь в виду и турецкие интересы. Гирс не исключил и пропагандистских действий: вызвать панику в Европе возможностью вторжения болгар в Константинополь, но одновременно он выразил тревогу по поводу того, что турецкие войска покинут столицу, в результате чего могли бы начаться волнения и беспорядки.

Сазонов через посланника в Софии Неклюдова предупредил Гешова о возможной реакции Европы на захват турецкой столицы — не только из-за угрозы анархии, но и для защиты английских и французских финансовых интересов в Турции. Он обратил внимание на возможность вмешательства Австро-Венгрии и Румынии в войну и на то, что если Болгария проявит благоразумие, то в перспективе она может рассчитывать на территориальные приобретения. Парижский посланник Извольский информировал Сазонова, что Пуанкаре даже подстрекает болгар взять Константинополь, что он настроен крайне воинственно и считает нынешнюю военно-политическую конъюнктуру очень благоприятной для сил Антанты.

В противовес этому русская дипломатия считала, что только единство великих держав может остановить Болгарию. Сазонов призвал Пуанкаре воспользоваться всеми средствами воздействия на Вену и Берлин, считая, что ключ к решению вопроса находится в немецкой столице. Английский посланник в Париже Берти писал министру Грею 25 октября 1912 года: русские не могут ожидать, что большинство великих держав поддержат позицию, согласно которой Константинополь должен оставаться в руках турок только для того, чтобы дожидаться благоприятного момента, когда Россия возьмет его себе. В ответ на это Россия выступила с еще более твердой позицией: если болгарская армия возьмет Константинополь, это принудит Россию выслать в турецкую столицу весь свой Черноморский флот. Сазонов призывал Пуанкаре иметь в виду, что взбудораженное общественное мнение может поставить русское правительство в крайне тяжелое положение.

В конце октября 1912 года Россия начала рассматривать возможность высадки 5000 солдат с целью защиты христианского населения в случае анархии в турецкой столице. В Одесском военном округе были приведены в состояние готовности одна пехотная бригада, стрелковый полк и две полевые батареи. Считалось, что нужно как можно скорее в качестве авангарда перебросить небольшой отряд на европейское побережье Босфора и взять Буюкдере. Назревала сенсация. Оказалось, однако, что у Черноморского флота недостаточно кораблей, чтобы перебросить сразу 5000 солдат. В силу энергичного сопротивления Франции и Великобритании от такой военно-морской операции пришлось окончательно отказаться. Однако развитие событий пошло на пользу русской дипломатии, поскольку болгары не успели овладеть турецкими укреплениями на Чаталдже.

Второй вопрос, которым занималась русская дипломатия на балканском направлении, был вопрос выхода Сербии к Адриатическому морю, австро-венгерской и итальянской поддержки автономной Албании, а также судьба *Шкодера* [5]. Российское общественное мнение

оказывало непрерывное давление на правительство, чтобы оно проявляло большую активность в этих событиях. Русский Красный Крест в самом начале войны направил для городов Ниш и Белград госпиталь с 200 койками и полевой госпиталь с 50 койками, два этапных полевых госпиталя, каждый по 50 коек. Московская и петербургская городские управы, каждая за свой счет, сформировали по одной медицинской комиссии, и в совокупности было направлено в Ниш и Белград 23 врача, 66 медсестер и 115 медиков. Помимо этого некоторые русские врачи работали добровольцами в сербских больницах. Один полевой госпиталь организовала княгиня Елена Петровна, дочь короля Петра Карагеоргиевича, и некоторые другие особы. Другой госпиталь финансировала семья Терещенко. Проявляло активность в этом плане и Санкт-Петербургское Славянское благотворительное общество: помощь посылалась в Сербию, Черногорию и Болгарию. По инициативе ветеранов войны 1876 года общество сформировало в ноябре 1912 года Черняевский комитет (Комитет по оборудованию и отправке в Сербию медицинской миссии М.Г. Черняева) с вдовой М.Г. Черняева Антониной Александровной как его почетным председателем. Супруга первого секретаря миссии в Белграде Юлия Штрандман работала медсестрой в больнице «Круг сербских сестер», а дочь русского посланника Людмила Николаевна — в Иверской больнице в Белграде [4].

Россия поддерживала сербское стремление к получению выхода к Адриатическому морю [3]. Сербское правительство считало, что молниеносной военной операцией можно поставить великие державы перед фактом победы Сербии. Пашич настаивал 6 ноября 1912 года на том, чтобы до переговоров о мире взять Салоники или Битоль, Дуррес или Леш. Он проявлял очень большую настойчивость в этих намерениях. На предупреждение, что Австро-Венгрия никогда и ни за что не согласится на то, чтобы Сербия вышла к Адриатическому морю, он ответил, что Сербия ни за какую цену не откажется от своей цели и готова ради этого на многие жертвы. Сазонов сказал посланнику Поповичу, что Австро-Венгрия боится влияния большой Сербии на соотечественников в Габсбургской монархии.

Аргументы Пашича в поддержку требования о выходе Сербии к Адриатике были следующие: помимо Косовского вилайета составной частью Старой Сербии является и Адриатическое побережье от Дурреса вплоть до Сан Джовани ди Медуа. Выход к морю — жизненный вопрос для Сербии в силу того, что без этих портов она задохнется и «сварится», как в каком-нибудь котле. В Средние века Сербия участвовала в торговле с европейскими державами через адриатические порты Дуррес, Леш и на этой основе развивалась.

Австро-Венгрия давала понять, что она могла бы поддержать прорыв Сербии на юг, к порту в Эгейском море — к Салоникам. Ходили слухи, что Австро-Венгрия готова уступить Новопазарский санджак Черногории. Сазонов потребовал 7 ноября 1912 года, чтобы амбиции Сербии умерились и чтобы она отказалась от Дурреса. Вена же говорила о том, что она проявила добрую волю по отношению к Сербии тем, что не препятствовала ее входу в Новопазарский санджак. В Вене утверждали, что в принципе они не против того, чтобы у Сербии был свой выход к морю и что они помогут Сербии получить выход к Эгейскому морю вниз по Вардарской долине. Германия и Италия, в свою очередь, не возражали против этого.

Сазонов также относился благосклонно к получению Сербией выхода к Адриатическому морю, но он замечал, что интерес Сербии был бы удовлетворен и в том случае, если бы она получила нейтральное железнодорожное сообщение с Адриатическим побережьем. У Франции и России нет желания воевать из-за сербского выхода к морю, — отмечал Сазонов; у великих держав свои интересы, если у Сербии не будет выхода к Адриатическому морю, то не стоит создавать проблему. Решение восточного вопроса Сазонов обещал предложить на общей европейской конференции. Сербскому посланнику Поповичу он сказал 13 ноября 1912 года, что сербы получают Скопье, Призрен, Печ и ближайшие к ним области. Кроме того, русский посланник в Белграде Хартвиг был уверен, что у Сербии будет выход в Леше и Сан Джовани ди Медиа. Профессор Кошутич заявил из Петербурга 25 ноября, что Сербия получит Леш. Во всяком случае, русская дипломатия поддерживала право Сербии иметь свободный выход к морю на благо своего экономического и государственного развития. Как отмечала венская пресса, сербский порт на Балканах приносил бы пользу России.

Сазонов сообщил Димитрию Поповичу 10 декабря 1912 года, что Россия на конференции в Лондоне приложит все усилия, чтобы территория Албании и колонизированных ею земель была как можно меньше. В ответ на предположение, что Дебар мог бы достаться Албании, Пашич, опираясь на мнение русского консула города Битола, Петраева, энергично отреагировал: Дебар ни в коем случае не достанется Албании, потому что там все села сербские, даже албанцы-мусульмане в тех краях говорят по-сербски. Сам Петраев, бывший русским советником на конференции в Лондоне, заверил Дмитрия Поповича 12 декабря 1912 года, что Россия будет добиваться того, чтобы Албания осталась как можно в меньших границах.

В русском правительстве не было единства относительно позиции по балканскому кризису. Премьер-министр Коковцов и министр ино-

странных дел Сазонов всеми силами старались избежать военного конфликта. Военный министр Сухомлинов предлагал мобилизацию ряда военных округов, но на заседании правительства Сазонов и Кокцов остались в меньшинстве. В день захвата Шкодера (10 апреля 1913 года), после молебна в Казанском соборе Петербурга, проводились демонстрации, впрочем, разогнанные полицией.

Выходом из весьма тяжелой ситуации, в которой оказалась Россия в 1912 году, должна была стать конференция послов шести великих держав в Лондоне, которая начала свою работу 16 декабря 1912 года под председательством британского министра Грея.

Список литературы

1. *Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903–1914*, в редакцији Михаило Војводић. Београд, 1984. Књ. 5. Св. 1.
2. *Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903–1914*. Београд, 1985. Књ. 5. Св. 1.
3. *Ђорђевић Д.* Излазак Србије на Јадранско море и конференција амбасадора у Лондону. Београд, 1956.
4. *Терзић С.* Стара Србија (XIX–XX век): драма једне цивилизације. Београд, 2012.
5. *Ђоровић В.* Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку. Београд, 1992.

Slavenko Terzic

RUSSIA AND THE FIRST BALKAN WAR

This article considers foreign policy events relating to Russia's participation in the Balkan issue in the early 20th century. One of the major considerations behind Russia's Balkan policy was the possibility of Bulgaria seizing Constantinople and Serbia gaining access to the Adriatic Sea.

Key words: *history, Russia's foreign policy, "eastern issue", Serbia, Bulgaria, First Balkan War.*

**С ЛЮБОВЬЮ
К МУДРОСТИ**

Анаграмма становится одним из знаков «скрытой теологии» барокко, выступая как «семиотический ключ», открывающий суть барочного диагноза о нарастающей «умственной и сердечной недостаточности» бытия, его усиливающейся брэнности и неспособности человека сохранить целостность космоса, названного Николаем Кузанским «изумительной машиной мира»...

В. Гильманов

Владимир Гильманов
(Калининград)

**АНАГРАММА В ДИСКУРСЕ
«СКРЫТОЙ ТЕОЛОГИИ» БАРОККО
(на примере поэтического кружка
Кёнигсберга XVII века)**

Проблема анаграммы связывается с парадигмальной тайной поэзии барокко. Показывается, что суть этой поэзии – особый вид поэтического мимезиса, отражающего сущностно-онтологический разлом бытия, который открывается прежде всего в самом лирическом «Я» поэтического субъекта. Анаграммы имен кёнигсбергских поэтов XVII века составляют иронично-барочное отражение новой «скрытой теологии» поэзии, открывающей в своем мимезисе усиливающуюся неадекватность человека своей истинной сути и вызванное этим усиление динамики поворота мира к эсхатологическим пределам.

Ключевые слова: поэзия барокко, анаграмма, теология, Кёнигсберг, магия, семиотика, философия, эсхатология.

1. Кёнигсбергский поэтический кружок

Слены Кёнигсбергского поэтического кружка, известного в истории как «Ревнителы брэнности», или «Тыквенная хижина», 9 февраля 1638 года праздновали бракосочетание Генриха Альберта и Элизабет Штарк. Именно Генриха Альберта многие исследователи считают одним из главных инициаторов процесса творческой интеграции поэтов и музыкантов в Кёнигсберге XVII века, объединившихся в дружеское сообщество, оставившего заметный след в истории европейской литературы. Будучи органистом в Кафедраль-

ном соборе и талантливым композитором, Генрих Альберт сочинил мелодии для многих стихов членов кружка, прежде всего для произведений его самого известного представителя — Симона Даха. Одно из эмблематических названий кружка — «Тыквенная хижина» — также связано с Генрихом Альбертом, а именно с его садиком на берегу Прегеля, в котором нередко собирались поэты-друзья. Среди них Роберт Робертин, каковой благодаря своей фундаментальной гуманистической учености и связям со многими видными гуманистами-просветителями Европы был основным авторитетом в этом поэтическом сообществе. Именно Роберт Робертин поручает Симону Даху написать свадебную песню в честь бракосочетания Генриха Альберта и Элизабет Штарк. До этого Симон Дах, пожалуй, самый талантливый представитель «поэзии на случай», уже создал несколько свадебных песен, среди каковых ставшая всемирно известной «Анхен из Тарау», написанная в 1636 году по случаю бракосочетания Анны Неандер и Иоганнеса Портатиуса. В отличие от «Анхен из Тарау», произведения, основанного на сложном синтезе библейской образности и барочной риторики, свадебная песня по случаю свадьбы Генриха Альберта отличается подчеркнутой интимностью и поэтической легкостью. Это — радостное свидетельство пусть краткого, но счастливого мгновения победы любви, дружбы и молодости над брэнностью мира, в котором, однако, есть нечто, что имеет отношение к парадигмальной тайне барокко, выраженной в анаграмме. Песня начинается следующими строками¹:

Damon, wo hinfort dich Preussen
Und voraus des Pregels Randt
Weg lesst in dein Vaterlandt,
Will ich nicht Chasmino heissen,
Was dich hie gefangen helt
Ist dir mehr den alle Welt.

Дамон, вот настало время
Отпустить тебя домой,
Ты любим своей страной,
Но она — сегодня бремя.
Знает твой Хасминдо — где?
Ты нашел приют себе.

Seit daß du in Philoseten
So verliebt gewesen bist,
Seit daß sie dir günstig ist,
Liegт dein Herz gleich an den Ketten,
An der Ketten liegt dein Herz,
Die auch weich macht Staal und Ertz.

С той поры, как Филосетту
Сердце выбрало твое,
Мир ее — твое жильё:
И оттуда хода нету.
Не порвать любви силков,
Крепче брачных нет оков.

¹ Отрывки из произведений Симона Даха в переводе автора цитируются по изданию [6]. Указание на том и страницу дается в тексте после цитаты и имени издателя *Ziesemer*.

Leute, die in Eisen liegen
Auß verdampfter Tyranney,
Werden offt noch loß vnd frey,
Vögel hoffen zu entfliegen:
Die in LiebesBanden stehn
Wünschen nicht eins zu entgehn.

Люди, что в оковах рабства,
Из проклятья тираний —
Голубь в небо, в щелку змий —
Всяк мечтают вырваться.
Но любовный плен — отрада:
На свободу нам не надо.

Stimm nur deine Seiten wieder,
Du bist hier vnd bleibst auch schon,
Vnd verschaffe, das dein Thon
Mag beseelen vnsre Lieder,
Die ohn dich, O Phebus Kind,
Warlich sonder Seele sind.
(Ziesemer I, S. 50)

Что ж, наладь скорее струны!
Наш теперь ты навсегда!
Дивных песен голоса
Подари нам, сын Фортуны!
В тебе Феба дар живет,
Песням душу он дает.

О поэтологическом характере свадебного послания, воздающего должное таланту «любимца Феба», свидетельствует обращение поэта к Генриху Альберта — Дамон. Согласно традиции поэтических орденов XVII века их члены нередко именовали себя пастушьими именами. Так, Генрих Альберт выбрал имя Дамона — советника Перикла, видного теоретика музыки в Афинах V века до Р.Х. Себя самого, однако, Симон Дах обозначает анаграммой «Хасминдо», которая имеет лишь отдаленное фонетическое сходство с пастушьими именами античной эпохи. В свадебной песне поэт упоминает еще двух членов кружка — Христофа Кальденбаха и Роберта Робертина. Оба — в анаграммах:

Celadon, vor welches Singen
Meine Geige sich entfärbt,
Der sein Spiel von dem ererbt,
So den Acheron kan zwingen,
Geht mit seiner Kunst voran,
Dann sing' ich so gut ich kan.

Келадон, чей дивный голос
моей скрипки не чета:
в нем — бессмертья красота,
не увянет жизни колос.
Ахерона приручив,
пой для нас свой дивный стих.

Mein Berrintho wird mir sagen,
W mir etwa Fleiß gebricht,
Und durch gutten Unerricht
Eine gute Röht' abjagen,
Mein Berrintho, der mich trieb,
Daß ich dieses Lied auch schrieb.
(Ziesemer I, S. 50)

Мой Берринто мне подскажет,
Чтоб я больше не краснел,
В чем поэт не преуспел,
И на промахи укажет.
Мой Берринто — Мусaget:
Ему следует поэт.

Анаграмма «Келадон» фонетически обыгрывает ряд романских лексем, значение которых участвует в ассоциативной игре, характеризующей Христофа Кальденбаха, который был необычайно плодовит и искусен в использовании различных форм лирической метрики: это и латинское *caldius* – «теплый», «мягкий»; и итальянское *celeste* – «небесный». Что же касается анаграмм других членов Кёнигсбергского кружка – «Берренто» Роберта Робертина, «Бархедас» Андреаса Адерсбахера и другие, то они, приближаясь по своей форме к обратным анаграммам, лишь создают фонетическое подобие романской окрашенности пастушьих имен. Не исключено, что «ревнители брэнности» использовали не одну, а несколько анаграмм, о чем свидетельствует, например, то, что у самого прославленного из них Симона Даха было, по меньшей мере, три анаграммы – «Хасминдо», «Сихамонд» и «Исхмандо».

Анаграмма является одним из распространенных стилистических приемов в поэтике Ренессанса и барокко, но имела ли анаграмма какую-то особую функцию в приемологии немецкой барочной поэзии в целом и в творчестве Кёнигсбергского поэтического кружка в частности? Почему, например, Симон Дах использует анаграмму в названии своей пьесы, написанной в честь 100-летнего юбилея Кёнигсбергского университета, – «Sorbuisa»? «Сорбуиса» – это анаграмма латинского имени Пруссии = «Bozussia». В пьесе представлено аллегорическое изображение того, как герцог Альбрехт, основавший в 1544 году Кёнигсбергский университет, приносит свет учености и веры во мрак языческого мира, в котором вожди варваров-язычников – Вустлиб, Домдейке и Вуршкайтес – держат в плену «нежную, прелестную Сорбуису» [= Боруссию]. «Пруссиархус» – «Отец Пруссии» – Альберт зовет на помощь Аполлона, который в сопровождении девяти Муз прибывает в Пруссию. И здесь на «Королевской горе Оттокара» он решает остаться навсегда, сооружая новый Геликон и отдавая предпочтение «не касталийским ключам, а благородному Прегелю».

В аллегорическом облачении в представлении принимают участие другие важные лица ранней истории Альбертины: первый ректор Георг Сабинус, епископ Земландский Георг фон Поленц, знаменитый теолог Андреас Осиандер и др. В драматичном сражении за Сорбуису решается судьба края, но сама Сорбуиса требует того, «что уж давно известно миру – / Афинам, Палестине, Риму», то есть христианской веры. Тем самым, уступая ее требованию, мрак язычества освобождает место для света новой эпохи. Всеобщее ликование венчает хор муз:

Sey, O Sorwiese, hoch erfrewt,
Die Barbarey, dein Hertzeleid,
Hat aus dem Lande sich verlohren,
Wir nehmen seine Stell hier ein,
Und wollen immer umb dich seyn,
Dich machen gleichsam new gebohren.
Dies grosse Glück und alle Rhue
Schreib deinem Prussiarchen zu,
Er bringt den Segen dir von oben,
Durch seine Gaben und Verstandt
Wirst künftig du, O Preussenland,
Biß an die Sterne seyn erhoben.
(Ziesemer II, S. 317 – 318)

О Сорбуиса, новый свет! —
священный дар на много лет!
Терзавший сердце дикий мрак
уходит в прошлое навеки,
Сюда струятся света реки,
Здесь новый строится очаг!
Великий зодчий — Пруссиарх!
Его восславим мы в стихах!
Он знает Божью благодать:
Своим священным ремеслом
он Прусский край, наш славный дом,
сумеет до небес поднять!

Уже выбор действующих лиц из ранней истории Альбертины — Осиандер, фон Поленц и других, но особенно акцент на личности Альбрехта, — все свидетельствует о том, что пьеса Симона Даха содержит множество значимых для его времени сокрытых аллюзий, связанных с духовной проблематикой религиозно-политической атмосферы Европы XVII века. В Кёнигсберге эта проблематика касалась прежде всего религиозной распри, известной под названием «синкретичный спор». Он разгорелся на теологическом факультете и имел отношение к проблеме воли, решающей не только для всего христианского вероучения, но и для вопроса об истинной онтологии бытия в целом. В какой-то степени «синкретичный спор» стал продолжением и развитием религиозной распри, вспыхнувшей в Кёнигсберге во времена герцога Альбрехта. Приняв идеи Реформации, Альбрехт и его сподвижники устремились к тому, что можно назвать попыткой сакрализации повседневности в «новой свободе» во Христе, что было воспринято со стороны протестантской ортодоксии как нарушение «Кодекса прусской доктрины» от 1567 года. Религиозная распря стала причиной глубокой личной трагедии герцога Альбрехта в конце его жизни. Примечательно то, что в тексте Симона Даха, не скрывающего своей идейной симпатии к Альбрехту, есть поэтические знаки религиозно-политической программы герцога по развитию «истинного благочестия». Поражение Альбрехта и, соответственно, его программы по развитию благочестивой субъектности в Пруссии вполне могли стать для поэта поводом выбора анаграммы для названия страны, что хотя бы косвенно маркирует идею несоответствия ее истинной внутренней сути и внешних форм жизни. Но именно эта истинная суть христиан-

ского благочестия была главной целью поэтических и политических усилий как кёнигсбергских поэтов, так и тех, кто был с ними тесно связан в примечательном сродстве душ европейского интернационала литераторов, известных под именем *respublica literaria*. Среди его представителей для Кёнигсбергского кружка особую значимость имел Мартин Опиц.

2. Мартин Опиц

Мартин Опиц (1597–1639) – выдающийся поэт, великий реформатор и миротворец. В 1619 году Опиц поступил в университет Гейдельберга. Гейдельберг был тогда одним из центров религиозно-политического протестантизма, поддержанного курфюрстом Фридрихом V, избранного королем Богемии и выступившего против католического дома Габсбургов. Опиц, для которого свобода совести до конца его жизни была основным идеалом его творчества и общественной деятельности, поддержал Фридриха. Однако после сокрушительного поражения протестантских войск от армии католической Лиги во главе с Тилли в битве при Белой горе в 1621 году Опиц был вынужден бежать из Гейдельберга в Нидерланды. Уже в это время он работает над созданием своей ставшей знаменитой поэмы «Слово утешения средь бедствий войны», в которой выражены идеалы религиозной терпимости и примирения во имя гуманности и установления мира. Опица хорошо знал и находился с ним в постоянной переписке один из лидеров Кёнигсбергского поэтического кружка Роберт Робертин. Именно благодаря ему Опиц посетил Кёнигсберг в июле 1638 года за год до своей трагической смерти в августе 1639 году во время эпидемии чумы в Данциге, где он жил в конце своей жизни, работая на посту секретаря польского короля Владислава IV.

Самым известным произведением Опица является его теоретический трактат «Книга о немецком стихотворстве»², вышедшая в 1624 году. Значительное место в книге уделено вопросам о значении поэзии и о месте поэта в обществе. Опиц ставит вопрос: «Зачем поэзия и когда она была изобретена?» Его ответ, опирающийся в том числе на доводы из арсенала ренессансных поэтик, главным образом – Скалигера и Ронсара³, таков: «Стихотворство было вначале ничем иным как *скры-*

² См.: [11, S. 331–416]. Далее страницы цитируемого текста из «Книги о немецком стихотворстве» указываются по этому изданию. Перевод с немецкого – автора.

³ См. комментарии к критическому изданию сочинений Опица: [11, S. 344 и дальше] Главные источники Опица – это сочинение Скалигера: [13] и сочинение Ронсара: [12].

той теологией (курсив наш. — В. Г.) и обучением божественным делам» (с. 344). «Скрытая», то есть оккультная, теология — учение о скрытности истины в «тайных искусствах» — в умах многих ведущих гуманистов Ренессанса после возрождения и распространения герметико-неоплатонических идей в ученой среде европейских гуманистов. Этому способствовали многие факторы: деятельность различных ренессансных гуманистических объединений, например Флорентийской академии в Италии, или влияние творчества «новых герметистов», например Агриппы фон Неттестеймского и его трактата «De occulta philosophia». Ряд работ последних десятилетий доказывает близость поэтологических представлений Опица и идей «магического герметизма», в частности Агриппы и розенкрейцеров⁴.

Опиц толкует происхождение поэзии в духе «*magia naturalis*» = «естественной магии». В этом он близок к идеям Агриппы. Агриппа, подобно флорентийскому неоплатонику Пико делла Мирандоле, считал магию древнейшей наукой, превосходящей все остальные и интегрирующей их в себе, включая и христианскую теологию. Включение теологии обусловлено тем, что «магия» призвана к тому, чтобы делать возможным восхождение к Творцу всех вещей и первопричин, приобщая восходящего к истоку божественных сил. Согласно Агриппе, древние мудрецы, стремясь скрыть от профанов тайны богов и природы, зашифровывали их в различных «тайных искусствах» и загадках. Это положение «герметической магии» Опиц переносит на поэзию: «И потому как явный, грубый мир был в своей неотесанности не способен к тому, чтобы постичь и правильно понять учения о мудрости и небесных вещах, мудрецы должны были спрятать и сокрыть в стихах и баснях, которые склонны в особенности слушать обычные люди, то, что нужно для ухода за божественными плодами добрых нравов и благих изменений» (с. 344). Опиц явно пытается интегрировать поэзию в традицию «магических арканов», придавая поэзии статус «тайного искусства», инициирующего восхождение к истине.

Первичный тезис о том, что «стихотворство вначале было не чем иным, кроме как скрытой теологией и обучением божественным делам», сменяется подчеркнутым указанием на воспитательное значение

---

⁴ То, что Опиц мог познакомиться с «движением розенкрейцеров» вскоре после появления в 1615–1616 годах первых розенкрейцеровских сочинений Иоганна Валентина Андреаса, прежде всего через посредство своего друга в Бойтене Каспара Дорнау, доказывает Хайнц Энтнер [7, S. 11–144]. См. также доклад Гарольда Янца «о литературных загадках, в особенности — в области пансофийской литературы» [10, S. 10].

поэзии. Примечательно, что в своей системе аргументации о божественном происхождении и воспитательной роли поэзии Опиц оперирует только именами из языческо-античной традиции, пренебрегая библейско-христианским дискурсом. Тем самым он фактически отказывает христианской религии в праве легитимации гуманистической поэзии, сохраняя ее ренессансный статус «божественной науки» самой по себе. На этом пути он проповедует мысль о том, что поэзия всегда пребывала вне догматических границ отдельных верований, оказываясь в состоянии воздействовать на «простых людей» совершенно особым образом. Под этим поэтическим воздействием «простые люди» начинали понимать, что «в них есть что-то божественное и поэтому следовали под влиянием прекрасной поэзии ко всякой добродетели и благому воспитанию» (с. 348 — 349).

Важным аспектом апологии поэзии у Опица является включение «дискурсивного кода» античной классической философии в ее трактовке понятия «Эрос», начиная от платоновской «калокагатии», включая неоплатонический комментарий платоновского «Пира» в трактате «De Amore» Марсилио Фичино (1433 — 1499), и вплоть до философии розенкрейцеров. Так, в своем комментарии Платона итальянский гуманист Фичино пытается «восстановить» неоплатонический «круговорот любви» в христианском контексте, соединяя христианскую веру в «конденсценденцию» = нисхождение Бога к человеку из-за любви к нему и платоновское восхождение души к божественной истине под влиянием божественного Эроса. Именно эту «метафизику Эроса», составляющую основу неоплатонической инспирации ренессансного гуманизма, Опиц ставит в сердце своей поэтики, поясняя ее на примере свадебного стихотворного поздравления своему другу Бернгарду Вильгельму Нюслеру, в котором поэзия предстает как «магический круговорот» бессмертия, основанный на любви Бога. Этот «круговорот» движим красотой и пронизывает весь космос, все элементы мира — растения, животных, человека. В отношении «круговорота» уместна ссылка на Марсилио Фичино: «Божественная красота создала во всех вещах любовь, то есть стремление к самой себе. От того, что Бог притягивает мир к себе и мир тянется к Нему, между Богом и миром существует все время делящееся притяжение, которое исходит от Бога, передается миру и в Боге приходит к завершению и тем самым, так сказать, возвращается в круговороте к своей исходной точке» (цит. по: [8, S. 39]). Магическая система Агриппы Неттесгеймского также основывается на этом неоплатоническом учении о «sym-patheia» = «синэр-

гийном влечении», уточняя при этом природу Эроса как «магического элемента», «поскольку вся сила волшебства основывается на любви. Действие магии состоит в притяжении, которое один предмет оказывает на другой на основе определенного сродства сущностей... Из этого общего сродства происходит любовь, из нее — взаимное притяжение: и это и есть истинная магия» (цит. по: [9, S. 242]). Именно в этом магическом ключе следует толковать самое известное произведение Симона Даха «Анхен из Тарау», в котором явно сказывается философско-поэтическое влияние Мартина Опица.

В своем трактате Опиц пытается защитить поэзию от упреков тех, кто считает, что «стихотворство состоит только в себе самом»: он стремится доказать, что поэтическое искусство на самом деле соединяет все другие науки, и поэтому поэт, пребывая в «магическом круговороте» божественной инспирации, облечен особым высшим достоинством, поскольку именно он отвечает за восхождение к божественному. «Он призван быть *“euphantasiotos”* глубокомысленных озарений и идей, он должен иметь великий бесстрашный дух, он должен обладать умением мыслить о высоких вещах, он должен превращать свою речь в искусство и подниматься от земли к небу» (с. 349). В этом ключе Опиц толкует знаменитый постулат Аристотеля о «мимесисе», определяя его следующим образом: «Поэтическое искусство должно описывать вещи не такими, какие они есть, но такими, какими они могли или должны бы быть» (с. 349–350).

На этом фоне защиты достоинства поэзии Опиц очерчивает ее особую интегрирующую и примиряющую значимость в условиях жесткой непримиримости враждующих конфессий, поскольку, исходя из колыбели собственной, более древней теологии, поэзия могла бы послужить для восстановления «*sympatheia*» между разрозненными религиями и странами. Именно этот потенциал поэтического искусства Опиц последовательно пытался реализовать не только в своем творчестве, но и в политических усилиях как дипломат между враждующими сторонами во время Тридцатилетней войны.

Не вызывает сомнения тот факт, что поэтика Опица оказала огромное влияние на кёнигсбергских поэтов XVII века. Однако мощная динамика новой Турбы мира сказывается в их серьезном отходе от ренессансной концепции Опица: их духовное чувство осязает онтологическое переключение бытия от Эроса к Танатосу. Они становятся «ревнителями бренности», отражая в поэзии новую «скрытую теологию», отличающуюся от Опица. Анаграмма занимает в ней важное место, отражая существенные изменения онтологии, гносеологии и ан-

тропологии барочной поэтики как «скрытой теологии» парадигмального поворота мира к эсхатологическим пределам, очерченным в «Откровении от Иоанна Богослова».

3. Тайна анаграммы

Анаграмма становится одним из знаков «скрытой теологии» барокко, выступая как «семиотический ключ», открывающий суть барочного диагноза о нарастающей «умственной и сердечной недостаточности» бытия, его усиливающейся брэнности и неспособности человека сохранить целостность космоса, названного Николаем Кузанским «изумительной машиной мира» [2, с. 150]. Главным дифференциалом этой «изумительной машины» является именно человек, однако он не способен решить основное «дифференциальное уравнение» ее сохранения, хотя знает, что главным интегралом этого уравнения выступает Христос. Человек барокко ясно осознает то, что было главной антропологической проблемой Ренессанса: в трагедии «Ромео и Джульетта» Шекспира это выражено в диагнозе брата Лоренцо: «Так надвое нам душу раскололи / Дух доброты и злого своеволья. / Однако в тех, где побеждает зло, / Зияет смерти черное душло» [5, с. 74]. Этот внутренний разлад — уже в словах апостола Павла, назидаящего, что, «если же делаю то, чего не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр, а потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех» (Рим. 7: 13–20). И если «скрытая теология» поэтического проекта Опица посвящена надежде на разрешение этого внутреннего неравенства, то барочная поэзия отражает его нарастание. В анаграмме распознается горько-ироническое выражение барочной экзистенции, в каковой переживается это внутреннее неравенство, это антропологическое несовпадение, то есть острое чувство неадекватности моего «Я — здесь» моему «истинному Я». Одновременно, однако, в анаграмме имплицитно выражена задача возвыситься над «Я — здесь», подняться к «Я во Христе», что находится в согласии с апостолом Павлом: «...если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2 Кор. 4: 16). Для «ревнителей брэнности» в Кёнигсберге этот евангелический акцент был особенно важен, как, например, в «Предсмертной песенке» Симона Даха:

Du, Jesu, bist mein Leben,
Du wollest mich entheben
Der grossen Angst vnd Noht,
Komm, hilff mir sieghaft ringen
Vnd in den Himmel dringen
Durch einen sanfftten Tod.

Ich flieh in deine Wunden,
Hie wil ich seyn befunden
In meines Todes Streit,
Wer dieß Heil kan erwerben
Vnd müst er zehnmahl sterben,
Er lebt in Ewigheit.
(Zieseмер IV, S. 168)

Господь Христос, Свет жизни!
Ты заберешь меня
без гнева, укоризны
из адского огня.
Прости мне душу грешну!
Я каюсь безутешно.

Ищу спасенье в ранах
Твоих безмерных мук!
С рожденья я – подранок
изгнаний и разлук.
В конце крестовой муки
придет конец разлуки.

Спасение во Христе есть главная антропологическая задача для «ревнителей бренности», что составляет телеологическую основу «скрытой теологии» их поэтического праксиса. Его цель в необходимости выхода лирического «Я» за пределы «здесь-бытия» в христоцентрическую иноструктурность, что одновременно по закону мимезиса знаменует выход прекрасной души мира в метрику «нового неба» и «новой земли» (Откр. 21:1).

В анаграмме отражено, однако, еще нечто, что соответствует общей направленности барочной приемологии, суть которой в отражении «тавтологического раздвоения понятия на сущность и репрезентирующий ее знак» [4, с. 54]. Эта приемология касается всего идейно-эстетического комплекса барокко, в анаграмме же он представлен в максимальной открытости его антропологической сути, а именно: сущностно-онтологический разлом бытия происходит в его основном дифференциале — человеке. В этой связи сам человек переживает себя как знак, как загадку, как «вещь в себе», как живое знание о собственном незнании.

В пастушьих анаграммах явлена барочная семиотика внутренней экзистенции этого знания о собственном незнании. В теологическом смысле это ближе всего к антропологии Лютера, согласно которой оправдание верой не дает человеку окончательного ответа о степени его удаленности от Бога и посмертной участи. Но будучи знаком-загадкой, человек осознает зависимость этой участи от Христа. В этом смысле важно отметить отличие лютеранско-барочной специфики «знающего незнания» кёнигсбергских «ревнителей бренности» от «знающего незнания» Николая Кузанского, который пишет в гностическом

ключе о возможности человека «подняться до соединения с максимумом» [2, с. 151] своей истинной богоравности: «Сделай же так, — говорит наше знающее незнание, — чтобы найти себя в Нем [Боге], и, поскольку все в Нем есть Он Сам, ты ни в чем уже не сможешь нуждаться» [2, с. 142]. Идеи Николая Кузанского развиты у многих его последователей, в том числе среди немецких гностических мистиков — Майстер Экхарт, Ангелиус Силезиус, Агриппа Неттестеймский, Яков Бёме. Зная о срединном положении человека как «высшей ступени низших и низшей ступени высших порядков» и о том, что природа человека «свернуто включает в себе все природы» [2, с. 150], они развивали мистико-герметический проект достижения «максимума» человека. Этот проект и в «скрытой теологии» поэтики Опица.

В отличие от этого кёнигсбергские поэты склонялись к убеждению о недостижимости этого «максимума» по причине того, что человек становится обратно пропорционален своей истинной сути. Сохраняя *imago Dei* = образ Божий и зачатки свободы, человек все больше становится неподобием Того, подобием Кого он призван быть в своем «максимуме». При этом это рассогласование «ревнители бренности» открывают в самих себе: раскол единства мира — в самом поэте, и анаграмма, отражая несоответствие «внутреннего» и «внешнего» человека, указывает на этот раскол.

Герои Шекспира уже остро осознают свою раскальваемость. Так, в трагедии «Гамлет» в сцене 1 акта 1 ответ Горация на вопрос Бернарда о том, здесь ли Гораций или нет, отвечает: «*A pease of him*», что вызвало заметные трудности при переводе. Пастернак переводит: «Да, в некотором роде». В переводе А. Кронеберга: «Отчасти». В переводах великого князя К. К. Романова и А. Радловой с небольшой разницей акцентируется «виттенбергское» видение героем самого себя: «*Только часть его*». В ответе Горацию, недавно вернувшегося из Виттенберга, легко узнается ирония, каковая свойственна и поэтической теологии «ревнителей бренности», именовавших свой кружок еще одним именем — «Тыквенная хижина». В этом названии обыгрывалась известная эмблема «тыквы» как символа бренности и краткости бытия. Самих себя жители «тыквенной хижины» сравнивали с тыквами, что проявлялось в их известном тыквенном состязании в садике Генриха Альберта. Их пастушьи анаграммы — иронично-барочны: мир и самих себя они переживают и поэтически означивают в модусе нарастающей динамики парадоксального раздвоения, в их усиливающейся неадекватности своей истинной сути. Поэтому они не просто смиряются с бренностью, но и ревнуют о смерти, проявляя известное в барокко убеждение о «смерти как лекарстве». Оно выражено, например, в знаменитой

«Анатомии мира» Джона Донна, где безвременная смерть юной прекрасной девушки олицетворяет выбор души мира в пользу лечащего не-бытия, поскольку мирское «здесь-бытие» есть «биотанатос», «диктатура смерти»: «Мирского дабы избежать коварства, / Она вкусила смерти, как лекарства; / Нет, рук не наложила на себя, — / Лишь приняла восторг небытия» [1, с. 76]. Ренессансное тождество души и жизни развито в барокко до апокалиптического уравнения «Плоть — склеп души моей» [3, с. 220]. Мир стал «телом смерти» (Рим. 7: 25), но с открытой раной, через которую из него вырывается душа. В петраркианской поэзии эту рану для лирического героя «пробивают» возлюбленные, оставляя для него на земле тоску по небу, как, например, у Камюэнса: «Душа моей души, ты на крылах / Отторглась преждевременно от тела! / Покойся там, куда ты отлетела, / А мой удел — грустить о небесах». Душа мира, персонифицированная в возлюбленной деве, покидая мир, оставляет для любящего путь, как, например, в Петрарки: «Но стынет кровь, как только вы уйдете, / Когда, покинут вашими лучами, / Улыбки роковой не вижу я. / И, грудь открыв любовными ключами, / Душа освобождается от плоти, / Чтоб следовать за вами, жизнь моя».

Барочная поэзия — пост-петраркианская — доводит лирико-философский подтекст «раны» до последней границы жизни и смерти в сущностной глубине самого лирического «Я». Это парадоксальное раздвоение в одновременности присутствия в себе и отсутствия себя истинного, как, у Пауля Флеминга: «И смерть моя, и жизнь со смертью наравне, / Смысл и бессмыслица содержатся во мне!» [3, с. 220]. Так и у Симона Даха: «Я — нищий и слепой на паперти жизни — / Обязан здесь стоять, мечтая лишь о тризне: / Жить не хотеть и умереть не сметь» (Ziesemer I, S. 204).

Тайна барочной анаграммы в этой одновременности Меня и Не-меня во Мне, однако в подчеркнутой надежде, что в Мое истинное Я уже снизошел в благодати Христос: «Итак, мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни» (Рим. 6: 4–5).

Список литературы

1. Донн Д. *Анатомия мира* // Европейская поэзия XVII века. М., 1977.
2. Кузанский Н. *Соч.* : в 2 т. М., 1979. Т. 1.
3. Флеминг П. *Озарение* // Европейская поэзия XVII века. М., 1977.
4. Шаулов С.М. *Поэтика барокко в немецкой лирике XVII–XX вв.* : материалы исследования. Уфа, 2002.
5. Шекспир У. *Собр. соч.* : в 8 т. М., 1997. Т. 1.

6. *Dach S.* Gedichte. Hrsg. von W. Ziesemer. 4 Bde. Halle, 1936–1938 (Schriften der Königsberger Gelehrten Gesellschaft, Sonderreihe, 1–4).
7. *Entner H.* Der Weg zum „Buch von der Deutschen Poeterey“. Humanistische Tradition und poetologische Voraussetzungen deutscher Dichtung im 17. Jahrhundert // Studien zur deutschen Literatur im 17. Jahrhundert. Berlin, 1984.
8. *Ficino M.* Über die Liebe oder Platons Gastmahl. Lat.- Dt. Übers. von K. P. Hasse. Hrsg. u. eingel. von P. R. Blum. Hamburg, 1984.
9. *Henricus Cornelius Agrippa ab Nettesheim.* De occulta philosophia. Faks. Nachdr. d. Ausg. v. 1531. Hrsg. von K. A. Nowotny. Graz, 1967. Dt. Übersetzung: Die magischen Werke. Wiesbaden, 1982.
10. *Jantz H.* Die Erforschung des Barock. Beobachtungen und Erfahrungen // Erstes Jahrestreffen in der Herzog August Bibliothek Wolfenbüttel 27–31. August 1973. Vorträge und Berichte. Wolfenbüttel, 1973.
11. *Opitz M.* Gesammelte Werke. Kritische Ausgabe. Hrsg. von G. Schulz-Behrend. Bd. II. Die Werke von 1621 bis 1626. Teil. 1. Stuttgart, 1978.
12. *Ronsard P. de:* Abrege de l'art poetique franqois. Paris, 1565.
13. *Scaliger J. C.* Poetices libri septem. Faks. Nachdr. d. Ausg. Lyon, 1561 mit einer Einl. von A. Buck. Stuttgart/Bad Cannstatt, 1964.

Vladimir Gilmanov

**ANAGRAMS IN THE DISCOURSE OF BAROQUE ‘TACIT THEOLOGY’:
THE CASE OF THE KONGISBERG POETIC CIRCLE
OF THE 17TH CENTURY**

The problem of anagrams is linked to the paradigm secret of baroque poetry. It is shown that the essence of this poetry is a special type of poetic mimesis reflecting the existential and ontological fracture of being, which manifests itself in the lyrical persona of the poetic subject. Anagrams of the names of 17th century Königsberg poets – Simon Dach, Robert Roberthin, and Andreas Adersbach – comprise an ironical baroque reflection of the new “tacit theology” of poetry, whose mimesis reveals the growing inadequacy of a human being to their true essence and the transition of the word to reaching its eschatological limits set in the Book of Revelation.

Key words: *baroque poetry, anagram, theology, Königsberg, magic, semiotics, philosophy, eschatology.*

**НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ,
РЕЦЕНЗИИ**

Я считаю, что наука и культура — это самые глубокие, самые качественные связи между народами и государствами; правда, политики не всегда соглашаются с этим, но времена политической конъюнктуры когда-то уйдут, а то, что создается в области науки, культуры, духовности, остается на долгие годы.

С. Терзич

...стоящие перед участниками задачи: четко очертить предмет исследования, отделив для этого анаграммы от смежных явлений, рассмотреть функционирование анаграмм в различных видах текстов, дать содержательную интерпретацию обращения создателей текстов к анаграммам, рассмотреть семантическое варьирование и роль анаграмм в процессе текстопорождении.

М. Дмитриовская

...конференция обнажила и болевые точки в истории культуры и в современном ее состоянии. В ее ходе были выявлены разного рода «искажения», кризисные явления, имевшие место в разные эпохи и отражавшиеся в произведениях искусства и литературы. Но целью всех докладов, лекций, семинаров, круглых столов оставался поиск духовных доминант, которые сохраняют свою значимость по сей день и по-прежнему обладают большой жизнестроительной силой.

А. Дорофеева

...Славистическое общество Сербии — посредством реализации представленных долгосрочных международных проектов/программ: «Русский язык в сопоставительной перспективе» и «Русская диаспора: славянский контекст», так же как и на страницах своей периодики («Славистика» и «Русский язык как инославянский») — уже не первый год оказывает поддержку российско-сербскому сотрудничеству в гуманитарных исследованиях...

П. Буняк

НАУКА И КУЛЬТУРА СОЗДАЮТ САМЫЕ ГЛУБОКИЕ СВЯЗИ МЕЖДУ НАРОДАМИ И ГОСУДАРСТВАМИ

Интервью с чрезвычайным и полномочным послом Республики Сербия в России Славенко Терзичем

– *Господин посол, Ваш визит в Калининград, в БФУ им. И. Канта, связан в первую очередь с участием в международном русско-сербском семинаре. В чем Вы видите перспективу проведения подобных семинаров?*

– Мне кажется, что первый русско-сербский семинар был такого качества и уровня, что он может послужить основой для проведения подобных встреч в дальнейшем. Я хотел бы выразить благодарность ректору БФУ им. И. Канта и Вам лично как организатору этого семинара, который прошел на очень высоком уровне. Несмотря на то что Калининград и Белград достаточно далеки, русско-сербские связи в прошлом, настоящем и будущем дают нам основу для развития отношений и сотрудничества в области науки и культуры. Я считаю, что наука и культура — это самые глубокие, самые качественные связи между народами и государствами; правда, политики не всегда соглашаются с этим, но времена политической конъюнктуры когда-то уйдут, а то, что создается в области науки, культуры, духовности, остается на долгие годы. Считаю, что у нас много общих тем: и политических, и духовных, и культурных, — все это дает нам возможность сотрудничества в будущем.

– *Вы выступаете в ролях ученого и дипломата. Кем Вы себя считаете по призванию? Как связаны эти две разные сферы деятельности?*

– Вы правы в том, что это две совсем разные сферы деятельности, но в традиции сербской дипломатии было очень много ученых, писателей, поэтов, которые являлись послами, например: Стоян Новакович, посол в Санкт-Петербурге, Иво Андрич, посол в Берлине. Сейчас я посол в Российской Федерации, но если посмотреть на всю мою жизнь, можно понять, что я прежде всего ученый-историк. Я уже более тридцати пяти лет занимаюсь историей: защитил диссертацию, работал в Институте истории Сербской академии наук, возглавлял его более пятнадцати лет. Почти вся моя жизнь по сей день — это наука, история, историография. Я принял предложение нашего министра иностранных дел и стал послом в Российской Федерации, потому что считаю, что могу сделать много полезного для развития русско-сербских отношений, не только в политике и экономике, но и в науке и культуре. Я ученый, который находится на посту посла и старается свой историографический опыт использовать в интересах дипломатии, в интересах государства, которое я представляю, а это Республика Сербия.

– В сферу Ваших научных интересов входят русско-сербские отношения. Каким образом именно эта проблематика оказалась в центре Вашего внимания?

– С одной стороны, это традиция. Мы жили долгие годы под османским игом, и у нас давно сформировалось такое убеждение, что главная помощь может прийти только из России. Такое историческое самосознание вошло в глубину сербского народа. С другой — это мой личный интерес к русской культуре — философии, литературе, живописи. Еще в начальной школе мы знали русский фольклор, классику, стихи Есенина и других поэтов. Начиная с детства, Россия в представлении моего поколения — это братская страна, которую символизирует русская тройка, музыка, зимы. Ценности русской цивилизации нам очень близки. И это естественно, потому что мы близки этнически, культурно, религиозно. Принадлежность к православной цивилизации, к греко-славянскому миру, определила дух не только русского, но и сербского народа.

– Вы занимаетесь историей славянофильства. Сейчас популярна мысль о том, что славянская идея — уже в прошлом, она малоперспективна в стремительно глобализующемся мире. Вы согласны с этим?

– Нет, не согласен. Как историк, я стараюсь мыслить шире. Я думаю, что в истории идеи так просто не умирают, как это часто бывает в нашей жизни. Идея славянской взаимности — природная, она происходит из естественной близости народов, и в этом я не вижу ничего неправильного, тем более ничего враждебного по отношению к другим народам и культурам. Я не разделяю критической настроенности некоторых русских авторов к славянофилам как к романтикам, которые не хотели видеть действительность такой, какова она есть. Надо перечитать их работы: надо перечитать Данилевского, Хомякова, Аксаковых или Киреевских. После того, что они писали о Европе и славянской культуре, уже прошло сто тридцать-сто пятьдесят лет. Наверняка их намерения превосходили возможности. Но была эпоха Александра Второго и Алексея Горчакова, когда оказывалась реальная помощь славянским народам. Московский и Санкт-Петербургский славянофильские комитеты не только организовывали лекции и встречи, на которых обсуждались проблемы славянской взаимности, но и оказывали конкретную помощь церковным общинам и культурным обществам сербов и других славянских народов. Есть очень много конкретных примеров помощи славянофилов славянским народам на Балканах. Между тем нельзя забывать роль славянофилов в ознакомлении русского народа с ценностями других славянских культур. Я считаю,

что славянская идея еще жива, мы должны знать друг друга, сотрудничать, устанавливать культурные и научные связи. Если объединяются романо-германские народы, то почему не могут объединяться друг с другом славяне? Славянская взаимность — это часть всеобщей взаимности народов и культур.

— Но известно, что славянский мир крайне сложен. Это давние противоречия между *Rex Latina* и *Rex Orthodoxa*. Нельзя забывать также об исламском факторе на Балканах. Как бы Вы прокомментировали в этой связи отношения между разными славянскими народами и странами?

— Вы совершенно правы. Это большое несчастье, что славяне воюют друг с другом. Это уничтожает саму идею славянской взаимности. Но у некоторых славян центры их деятельности находятся вне славянского мира: например, для католиков это прежде всего Рим. Между тем мусульманский мир, который, если говорить о сербах-мусульманах и болгарах-мусульманах, тоже имеет свои центры вне Сербии и Болгарии и даже вне Балканского региона. Поэтому я согласен с Вами, что межрелигиозная и культурно-цивилизационная ситуация в славянском мире очень сложна, но все же она не должна препятствовать славянскому диалогу. Если мы говорим сегодня о диалоге между Восточной и Западной Европой, о диалоге между Севером и Югом, почему нельзя говорить и о межславянском диалоге, который, я думаю, очень важен.

— Господин посол, в начале семинара Вы высказали мысль о том, что интересно было бы взглянуть на Балканы со стороны Балтийского региона. Позвольте задать Вам встречный вопрос: будучи дипломатическим представителем балканского государства, впервые посетившим Калининград, как Вы воспринимаете наш регион, город, университет?

— На Балканах, которые погружены в собственные проблемы, за исключением специалистов-филологов и историков, о Балтике мало что знают, в том числе о Калининграде. Но для меня как серба важно было узнать, что Калининград является важным духовным центром. Город имеет свой облик. Мне кажется, его духовная энергия может стать очень важной и для сербов. Возможно, я являюсь первым сербским дипломатом, посетившим этот город. Я буду содействовать сотрудничеству между калининградским университетом и университетами Сербии. Я не склонен преувеличивать значение этого визита, но, возможно, он послужит толчком для развития максимально глубоких и тесных отношений.

— Спасибо за интервью.

Беседу вел Леонид Мальцев
(Калининград)

**ПЕРВАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«АНАГРАММЫ: СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ
И ТЕКСТОПОРОЖДАЮЩИЕ ВОЗМОЖНОСТИ»
(Калининград, 15 – 16 сентября 2014 года)**

В Институте гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта 15–16 сентября 2014 года состоялась Первая конференция «Анаграммы: семантическое варьирование и текстопорождающие возможности», которая проводилась в рамках проекта РГНФ 14-04-00124 «Анаграмматические коды: когнитивные основания и текстопорождающие возможности». Открыла конференцию ее организатор, доктор филологических наук, профессор Мария Алексеевна Дмитровская. Она отметила стоящие перед участниками задачи: четко очертить предмет исследования, отделив для этого анаграммы от смежных явлений, рассмотреть функционирование анаграмм в различных видах текстов, дать содержательную интерпретацию обращения создателей текстов к анаграммам, рассмотреть семантическое варьирование и роль анаграмм в процессе текстопорождения.

В секции 1 «MoRGeNGRaueN: MaRGiNальна ли aHaГPaMMa?» первым выступил доктор филологических наук, профессор БФУ им. И. Канта *Владимир Хамитович Гильманов* с докладом «Анаграмма в дискурсе “скрытой теологии” барокко (на примере поэтического кружка Кёнигсберга XVII века)», который был посвящен попытке связать анаграмму с парадигмальной тайной поэзии барокко. По утверждению докладчика, суть анаграммы на данном этапе – особый вид поэтического мимезиса, отражающего сущностно-онтологический разлом бытия, который открывается прежде всего в самом лирическом «Я» поэтического субъекта. Поэт переживает и открывает себя как знак тавтологического раздвоения в неравенстве «внешнего» и «внутреннего» человека (2 Кор. 4: 16). В анаграммах имен кёнигсбергских поэтов XVII века – Симон Дах = «Хасминдо», «Сихамонд», «Исхмандо», Роберт Робертин = «Берринто», Андреас Адерсбах = «Бархедас» и др. – ясно распознается горько-ироничное отображение этого антропологического неравенства, объясняющего в том числе самоназвания их поэтического кружка – «Тыквенная хижина» и «Ревнители бренности». В отличие от ренессансной концепции поэзии как «скрытой теологии», восстанавливающей «магический круговорот» бытия (Мартин Опиц), «ревнителю бренности» осознают себя и свой поэтический логос как свидетельство невозможности этого восстановления по причине нарастающего раскола единства мира, дающего о себе знать в мимезисе барочного поэтического гнозиса. Анаграммы их имен – иро-

нично-барочное отражение новой «скрытой теологии» поэзии, открывающей в своем мимезисе усиливающуюся неадекватность человека своей истинной сути и вызванное этим усиление динамики поворота мира к эсхатологическим пределам, очерченным в «Откровении от Иоанна Богослова»¹.

В докладе доктора филологических наук, профессора БФУ им. И. Канта *Геннадия Ивановича Берестнева* «Либо дупеля, либо пуделя: типы анаграмм в пословицах и поговорках» было отмечено, что обращение к проблеме анаграмм ставит исследователей перед широким кругом вопросов, которые можно сгруппировать в несколько ключевых проблемных областей. Одна из них организуется вокруг вопроса: каковы границы анаграмматических построений и с точки зрения внутриязыковой, и внешней, межъязыковой? В первом случае предстоит понять, какие еще языковые явления имеют отношение к анаграммам. Во втором доказывается, что анаграммы функционируют не только в рамках отдельного языка, но могут быть более широкими и допускают межъязыковые взаимодействия. Рассмотрение этого вопроса во внутриязыковом аспекте и составило общую цель доклада. Материалом послужили пословицы и поговорки.

В.Н. Топоров настаивал на том, что при обращении к данной проблеме следует уходить от рассмотрения «приблизительных» анаграмм, доказательность которых оказывается еще более сложной. Докладчик выразил мнение, однако, что в отношении малых фольклорных жанров это положение меняет свою значимость. С одной стороны, пословицы и поговорки исключительно насыщены содержательно, а с другой — жестко ограничены в размерах. Вследствие этого в текстах подобного рода и «степень анаграмматичности», и общее устройство анаграмм отличаются от обычных.

Далее докладчик показал, что как русские, так и английские пословицы и поговорки обнаружили в своем звуковом устройстве восемь типов анаграмм.

1. Анаграммы, различающиеся тремя и более фонемами; порой приходится говорить даже не о различающихся фонемах в таких словах, а наоборот, о немногих одинаковых. Ср.: *Борода выросла, а ума не вынесла; В родню толст да не в родню прост.*

2. Анаграммы, различающиеся двумя фонемами. При этом в сильной позиции в соответствующих словах стоят обычно одни и те же единицы. Ср.: *Кого мимо, а Мину в рыло; Брови нависли — злоба на мысли.*

¹ Полное содержание доклада В.Х. Гильманова представлено в его статье в настоящем сборнике.

3. Анаграммы, различающиеся одной фонемой. Подобные различия могут иметь самые разные качества. В частности, они могут различаться с о г л а с н ы м и — *Наелся, как бык, и не знает, как быть*. Слова, связанные подобными анаграмматическими отношениями, могут различаться и г л а с н ы м и — *Кому чудо, а нам чадо*.

4. Анаграммы, в которых перестановка звуков в словах сочетается с введением в базовый комплекс дополнительных согласных: *Метил в ворону, а попал в корову* (ВРи — кРВ).

5. Анаграммы, образованные повторяющимися согласными, которые лишь имеют разный порядок. Ср.: *Хватил слепой спелой ягоды виндерюхи; Либо дупеля, либо пуделя*.

6. Случаи, когда имеющемуся сочетанию в одном слове соответствует такое же сочетание в другом, но с дополнительной согласной: *Эти рога были на нашем торгу; Достают хлеб гóрбом, достают и горлом*.

7. Анаграммы, представляющие собой сложные перестановки, реализующиеся в пределах соотносимых слов — *Заплаточки с лоскуточками беседуют* (запЛаТОЧК — ЛоскуТОЧК); *Уедно псу, да неужелно* (УЕдНО — УлЕжНО).

8. Такие случаи, при которых в анаграмматические отношения вступают не отдельные слова, а слово и словосочетание или два словосочетания: *Надобно жить как набежит* (НадоБно ЖиТЬ — НаБеЖиТ).

Завершая рассмотрение данного вопроса, докладчик выразил мысль о том, что благодаря анаграммам в тексте не только шифруются те или иные наименования, но также устанавливаются более тесные формальные и смысловые связи между словами. Кроме того, в пословицах и поговорках анаграммы выполняют как бы «обратную» функцию по сравнению с древними сакральными текстами — ориентируют их содержание на глубинные уровни человеческой ментальности, особым образом активизируя мыслительную деятельность носителей языка.

В докладе доктора филологических наук, профессора БФУ им. И. Канта *Марии Алексеевны Дмитровской* «Язык искусства как искусственный язык: основания использования мультязыкового анаграмматического кода (случай Николая Кононова)» был поставлен вопрос, неотделимый от исследования работы мультязыкового кода в произведениях Н. Кононова и связанный с выявлением содержательных обоснований использования этого кода писателем. Центральная мотивировка отсылает нас к эпизодам Священной Истории, связанным с обретением языка как единого нераздробленного целого: практике ветхозаветных пророков, говорение на незнакомых языках при схождения Святого Духа на Пятидесятницу и адамическому первоязыку, предшествовав-

шему смешению языков при Вавилонском столпотворении. На материале романа «Фланёр» и рассказа «Амнезия Анастасии» были прослежены скрытые механизмы кодирования одного из важнейших условий использования мультязыковых переходов — это охват действием всего мира. В рассказе «Амнезия Анастасии» содержатся также скрытые отсылки к искусственным языкам международного общения — эсперанто и идо. Мультязыковой код знаменует возврат к адамическому состоянию языка, в котором потенциально содержатся все языки мира. Одновременно это своеобразный искусственный язык. Они является языком искусства у Николая Кононова.

В секции 2 «Fingo verba: с-ложность с-отворения с-лова» был заслушан доклад аспирантки кафедры славяно-русской филологии БФУ им. И. Канта *Наргизы Абдумаликовны Темировой* «Анаграмматика игры в произведениях Николая Кононова». Выступление было посвящено рассмотрению игровых репрезентаций концепта «игра», в основе которых лежит прием анаграммирования как важнейший среди механизмов текстопорождения у Н. Кононова. На материале рассказа «Два часа», входящего в книгу рассказов «Саратов», были рассмотрены следующие анаграмматические переходы: 1) *игра* — *Игорь*. Описание внешности Игоря, его поведения, манер, само развитие его отношений с повествователем строится на обыгрывании различных видов игры: шахматной игры, игры на музыкальных инструментах и актерской игры в театре. 2) *Игра* — *гореть*. Тема горения проходит сквозь весь рассказ, где физическое оказывается тесно связанным с эротическим, что проявляется в употреблении лексем «огонь», «жар», «сияние», «вспышки», «искры». 3) Анаграмматический переход *игра-герой* педалирует вопрос о героях повествования, усиленный переключками с «Героем нашего времени» М. Ю. Лермонтова, о недостоверности повествования и идее двойничества, проходящей через весь рассказ.

Рассматриваемые анаграммы функционируют не изолированно, а тесно сопряжены, взаимопроникают друг в друга. Именно концепт игры в его игровом структурировании организует текст и выводит читателя на онтологические вопросы о существовании / несуществовании.

Доклад аспирантки кафедры славяно-русской филологии БФУ им. И. Канта *Инги Денисовны Шульги* «Пальма первенства: способы анаграмматического кодирования авторского присутствия в рассказах А. С. Грина “Фанданго” и “Серый автомобиль”» был посвящен описанию скрытой семантической матрицы, лежащей в основе произведений А. С. Грина, материалом для которой служит мультязыковое анаграммирование писателем собственной фамилии и псевдонима — *Гриневский, Грин*. Лексема *Грин* является межъязыковым омонимом к

англ. *green* («зеленый»), которое организует связи между словами *palma* («пальма»), *greenhouse* («парник») и его синонимом *conservatory*, а также лексемой *orangery* («оранжерея»), как местами, в которые писатель помещает своего героя (самого себя). Общность обоих рассказов выявляется на основе выделения единого для обоих произведений концепта руки (*palma*). Все имена собственные в произведениях, а также свойства субъектов и объектов (цвет автомобиля, цвет кожи Бам-Грана) через анаграммы связаны с писательским псевдонимом Гриневского и формируют образ автора, помещающего себя в игровое пространство текста. Анализ доказывает обоснованное использование Грином межъязыкового анаграмматического кода как центрального метода, с помощью которого автором формируется языковой материал, лежащий в основе развертывания сюжета и текста.

Работа секции 3 «Видимо, невидимо: к слову приказ снись» открылась докладом кандидата исторических наук, доцента БФУ им. И. Канта Ильи Олеговича Дементьева «Между Сербией и Бруссией: анаграмматический код “Хазарского словаря” Милорада Павича». Было отмечено, что анализируемый роман (1984) принадлежит к числу классических произведений постмодернистской литературы. Многие исследователи реконструируют югославский подтекст «Хазарского словаря», однако прусский подтекст остается незамеченным. Отсылки к нему носят в романе эксплицитный характер, а также могут быть обнаружены в процессе декодирования с использованием мультиязыкового анаграмматического кода. По замечанию М. А. Дмитриевской, названия «Пруссия» и «Сербия» являются анаграммами (ПРС – СРБ), и в тексте романа эту пару дополняют другие значимые топонимы и этнонимы: *Сарматия*, *Берзилия*, *сабир* (тюркское название хазар). Говоря о хазарской истории, М. Павич отсылает читателя не (с)только к сербскому (югославскому) историческому опыту, но и к опыту Пруссии и пруссов. Столица Пруссии – Кёнигсберг, в котором якобы было выпущено первое издание «Хазарского словаря» в 1691 году, имеет множество двойников в художественной топографии романа. Само слово *Кёнигсберг* (нем. «королевская гора») может быть прочитано как «гора хазарского кагана» (*König* – анаграмма слова *kagan*). Еще одна анаграмматическая игра связана с янтарной темой, сближающей Янтарный край (Пруссию) и Сербию. Сербское слово *čilibar* («янтарь») появляется в романе только один раз – в финале, где оно используется в характеристике улыбки одного из ключевых персонажей («улыбка, плененная бородой, как жучок – янтарем», здесь и далее перевод Л. А. Савельевой). Слово *чилибар* – анаграмма к топониму *Челарево* (CLBR – CLRV), которому посвящена отдельная статья словаря. Это

бывшее хазарское поселение находится на территории современной Сербии, и согласно роману в нем археологами было обнаружено средневековое кладбище хазар — «могилы пропавших, конченных людей, каковыми и были хазары на том месте, а возможно, и в то время».

Судьба Пруссии позволила Павичу проиллюстрировать судьбу маленького народа, теряющего и язык, и государственность, и имя в условиях соперничества великих держав и великих религий. Используя мультиязыковой анаграмматический код, Павич в художественной форме формулирует постмодернистскую аксиому относительности всяких смыслов в универсуме: захоронения лишенных этнической идентичности анонимов в Челарево — это «низ низов», город правителя на горе — это «верх верхов», однако между ними нет разницы: достижение целостности через письмо неизбежно ведет к смерти. Созданный в Сербии роман, в основе сюжета которого лежит печальная история Боруссии, будет умножать число интерпретаций, придавая бессмертие ушедшим, казалось бы, в небытие на фоне становления и распада великих держав народам.

В докладе кандидата филологических наук, доцента *Ирины Юрьевны Вертеловой* «Анаграмматический принцип в сонетах Серебряного века» рассматривались анаграмматические игры с функциональной точки зрения. В частности, использование анаграмм дает возможность зашифровать имя, как, например, в цикле «Золотые завесы» Вяч. Иванова и в сонете «Калиостро» из цикла «Медальоны» Валериана Бородаевского; анаграмматические комплексы используются как звукопись, например в сонете «Бесприютность» К. Бальмонта или в двух сонетах Ивана Грузинова «Бубны боли» и «Жернова заржали жаром»; благодаря анаграмматическому принципу устанавливаются тесные семантические отношения между словами, объединяющими их в ассоциативно-смысловые поля, как в сонете Иннокентия Анненского «Черный силуэт» из цикла «Кипарисовый ларец», в сонетах Федора Сологуба и Игоря Северянина. Все это усиливает художественную функцию поэтического текста. В результате анализа устанавливается, что в сонетах Серебряного века анаграмматический принцип можно рассматривать как средство построения текста, его внутренней организации; анаграммы устанавливают тесные формальные и семантические отношения между словами, объединенные одним контекстом; разгадывание анаграмм позволяет выявить имплицитные содержательные уровни текста.

Работа *секции 4* «За ложь nick вечности: ad infinitum / ад infinitum» открылась докладом учителя МАОУ СОШ №36 *Алисы Вадимовны Скрабиной* «"Кто был ничем, тот станет всем" (анаграмматическое

варьирование и смысловая иррадиация слова *ничего* в произведениях Николая Кононова)». В докладе рассматривались способы анаграммирования ключевых слов в прозе Н. Кононова. Особое внимание было уделено отрицательному местоимению *ничего*. Для Н. Кононова важно, что местоимение отличается от всех других обозначений, оформляемых языком тем, что оно не соотносится ни с понятием, ни с индивидом. Это позволяет Н. Кононову с успехом применять различные текстовые стратегии, связанные с переходами «имя — безымянность». В докладе рассматривались следующие анаграмматические переходы: *ничего — Овечин — увечен — вечен* — и предлагалась их содержательная интерпретация.

Совместный доклад учителя МАОУ СОШ №6 Калининграда *Натальи Эдмундовны Мурзич* и доктора филологических наук, профессора *Марии Алексеевны Дмитриевской* «Срамота в Сарматии: анаграмматический комплекс *СМРТ* в книге рассказов Ю. Буйды “Прусская невеста”» был посвящен рассмотрению единства брачно-похоронной семантики в книге Ю. Буйды. Это единство явлено в анаграмматическом комплексе *СМРТ*, который связан, с одной стороны, со *смертью*, а с другой — с производительным низом человека (*срам, срамота*). Включенность в анаграмматическое варьирование слова *Сарматия* как встречающегося у античных авторов обозначения земель между Вислой и Неманом (приблизительно совпадающих с территорией Восточной Пруссии) позволяет рассматривать брачно-похоронную семантику в тесной связи с аграрными культурами.

В докладе подробно были рассмотрены лексемы, включающие анаграмматический комплекс *СМРТ*, и их семантический потенциал. Так, в одноименном рассказе, открывающим книгу «Прусская невеста», встречаем тринадцатилетнего гробокопателя по прозвищу *МаТРАС*, анаграмматическая составляющая смерти поддерживается и сюжетом трагической «встречи» с мертвой невестой-трупом на кладбище. Семантика смерти прослеживается и в рассказе «Андрей Фотограф». Герой обозначен автором как *МаСТеР СМеРТу*, поскольку выдает запечатленные мгновения жизни; примерно в этом ракурсе можно рассматривать и Ивана Ивановича Голубефа («Через «Фэ»), расписывающего мертвые тела в морге, превращая их в предмет искусства, в том числе и тело своей возлюбленной Таньки *МаТРоСки*. Семантика смерти усиливается здесь выявляется и через связь антропонима *Матроска* с морем (ср. слова с омонимичным корнем *морить-умервцлять*). Однако и сама *Матроска* составляет пару с *Голубефым* не только в сюжетно плане, но и в семантическом, поскольку *Матроска* — жена или подруга матроса, таким образом сам *Голубеф-матрос*, только его

невеста весьма непостоянна (прозвище *Матроска* имплицитно актуализирует идиому *поматросить и бросить*). С морской стихией связан и *С(тёна) МаРаТ*, женившийся на пьющей Нате Корабельниковой, они также составляют семантическую пару. Она – Корабельникова (корабельник = *МаТРоС*), он – служил на легендарном линкоре «Марат» *МаТРоСоМ*. Рассказ заканчивается смертью Стёпы, поднимающего солнце (предположительно, по тексту – в *МаРТе*). Признак нечистоты (*СРаМоТы*) имплицитно распространяется и на героиню Буяниху через интертекстуальные связи с рассказом Л. Андреева «Буяниха», где героиня являлась проституткой и именовалась *МаРией* и *МаРгаРиТой*. У Буйды Буяниха является «непорочной девой», однако муж ее носит признак нечистоты, он ассенизатор. Морская (водная) стихия и стихия земли у Ю. Буйды сопрягаются как имеющие отношение к рождению и смерти.

Совместный доклад доктора филологических наук, профессора *Марии Алексеевны Дмитровской* и аспиранта БФУ им. И. Канта *Виталия Валерьевича Витковского* «Смерть в вене: мультязыковое кодирование и анаграмматические основания “венецианского текста” в рассказе Юрия Буйды “Все проплывающие”», представленный в заключение конференции, содержал объяснения авторских принципов анаграммирования, лежащих в основании «венецианского текста» названного рассказа. Значительное внимание было уделено смысловым анаграмматическим связкам *amor* «любовь» – *mare* «море» – *mors* «смерть», встроенных автором в русло любовно-брачно-похоронной семантики, поддерживающейся анаграмматическим единством между словами *Венеция* – *невеста* – *венец*. Были представлены вариативные способы семантизации фамилий, топонимов, атрибутов и цветовых номинаций, способствующие обнаружению скрытой семантики текста. Указано на имплицитные и эксплицитные интертекстуальные связи между рассказом Ю. Буйды, новеллой «Смерть в Венеции» Томаса Манна, стихотворениями «Венеция» А. Блока и Б. Пастернака и «Эпиграммой. Венеция 1790» И. Гёте.

Конференция завершилась подведением итогов и образованием Балтийского анаграмматического кружка.

Проф. М. А. Дмитровская

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ДУХОВНЫЕ ДОМИНАНТЫ В РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,
ИСТОРИИ, ИСКУССТВЕ: К 700-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО»
(Калининград, 1 – 4 октября 2014 года)**

В истории каждого государства есть имена, определяющие вектор национального развития. Они являют в своей личности сущностные черты своего народа и одновременно оказывают огромное влияние на их формирование. Роль этих людей в истории народа неопределима. Одним из таких людей в русской истории стали преподобный Сергий Радонежский, основатель Троице-Сергиевой лавры, по словам о. Павла Флоренского, – «сердца России». Он писал: чтобы понять Россию, надо понять Лавру, а чтобы вникнуть в Лавру, должно внимательным взором всмотреться в основателя ее, признанного святым при жизни, «чудного старца, святого Сергия».

Патриархом Московским и Всея Руси Кириллом 2014 год был объявлен юбилейным, годом празднования 700-летия со дня рождения Преподобного Сергия Радонежского, которому и была посвящена проходившая 1 – 4 октября в Калининграде Международная научно-практическая конференция «Духовные доминанты в русской словесности, истории, искусстве: к 700-летию со дня рождения преподобного Сергия Радонежского». Отдаленность Калининградской области несколькими границами от материковой России обуславливает особую значимость этой темы и объясняет высокий статус конференции, организаторами которой стали Балтийский федеральный университет им. И. Канга совместно с Калининградской Епархией РПЦ, Министерством образования и Министерством культуры Калининградской области.

Целью конференции стало пристальное «всматривание» в образ преподобного Сергия, в его духовное наследие, которое обнаруживается во всех областях жизни русского народа – от уклада жизни, культуры, искусства до умозрительных сфер «духовного делания» русского монашества. Конференция была призвана осмыслить влияние, которое оказал преподобный Сергий на духовное, нравственное, историческое, государственно-политическое, культурное, образовательное и другие аспекты жизни и деятельности русского общества.

Специфика конференции заключалась прежде всего в ее междисциплинарном характере, в соединении собственно научной, светской и богословской мысли, искусственно, а по сути насильственно разделяемых идеологами в советский период, в многофункциональности задач и разных форм работы – от сугубо научных до просветительских.

Участниками конференции были признанные специалисты разных научных направлений гуманитарной области: философии, богословия, истории, филологии, искусства, педагогики. Назовем и основные формы работы конференции: это были научные доклады на пленарных заседаниях, круглые столы, открытые лекции, семинары. Слушателями в разные дни и в разных аудиториях были студенты, преподаватели, учителя школ Калининградской области, священнослужители, художники, работники музеев, библиотекари.

Открытие конференции состоялось 1 октября в Балтийском федеральном университете им. И. Канта, которое предварилось молебным преподобному Сергию – этот молебен был отслужен в храме святого Александра Невского, находящемся рядом с административным корпусом университета. После приветствий официальных лиц – министра образования С. С. Трусеневой, проректора по науке А. В. Юрова, епископа Балтийского Серафима, и других, отметивших важность личности преподобного Сергия Радонежского для национального сознания, актуальность идей, открытых и переданных нам этим святым, конференция начала свою работу, которая длилась три дня.

Пленарные заседания двух дней конференции представили основные области научной гуманитарной мысли, изучающей феномен духовной традиции, рожденной восточным христианством, или православием. Первый день, проходивший в стенах административного корпуса БФУ им. И. Канта, был осенен знаком осмысления духовного влияния преп. Сергия на разные сферы жизни Церкви и государства, культуры и образования. Первым было выступление С. С. Хоружего (Москва), известного философа, доктора физико-математических наук, основателя современного направления в философии – синергичной антропологии. В своем докладе «Преподобный Сергий и русская Фиваида» С. С. Хоружий показал роль преп. Сергия в освоении русским монашеством духовной практики исихазма, раскрыл суть этого явления, его многовековое влияние на русскую культуру и жизнь русского общества.

В. Г. Мороз свой доклад «Преподобный Сергий и судьбы российской государственности» посвятил обсуждению государственно-политического значения так называемой монастырской колонизации, начатой преп. Сергием и его учениками. Докладчик проанализировал как позитивные, так и негативные стороны этого процесса, его воздействие на развитие российской государственности в XIV – XVIII веках.

В докладе известного специалиста по иконе, ее связям с культурой, словесностью, профессора *В. Лепяхина* (Сегед, Венгрия) «Житийные иконы преподобного Сергия Радонежского» была показана связь образа

святого, явленного в иконе, с его первообразом, раскрыты нюансы его духовного облика через анализ изображений житийных сюжетов, помещенных в клеймах, располагающихся вокруг средника иконы.

С духовной педагогикой преподобного Сергия, наставника многих мирян и монахов, был внутренне связан доклад руководителя Отдела образования Калининградской епархии протоиерея *Сергия Коротких* (Калининград) «Онтология и стратегия образования: к вопросу о базовых ценностях». В этом докладе автор представил разработанную им концепцию образования, в которой органично соединяются традиционные для русского сознания ценности, христианская антропология и стратегические направления общей образовательной деятельности.

Два доклада первого дня конференции были посвящены проблеме эсхатологии, в контексте которой рассматривался и образ преп. Сергия. Известный медиевист профессор *И. В. Дергачева* (Москва) на материале средневековой книжности показала отличие эсхатологических представлений русского Средневековья от таковых в западноевропейской культуре.

Иной ракурс в решении проблемы эсхатологии, неожиданный и полемически заостренный, выбрал профессор *В. Х. Гильманов* (Калининград), который в своем докладе «"Сергий и спасение" в контексте эсхатологии» вышел к сопоставлению разных религиозных дискурсов, увидев нечто общее в христианстве и буддизме.

Профессор *С. В. Корнилов* (Калининград) и профессор *Л. Г. Дорофеева* (Калининград) каждый по-своему рассмотрели феномен русского сознания, рожденный духовным опытом жизни в православном предании. Смысл паломничества как пути к святости, образ паломника, идущего путем покаяния, роль святых мест, в том числе и Троице-Сергиевой лавры, для русского сознания раскрыл в своем докладе «Паломничество как феномен древнерусской культуры» *С. В. Корнилов*. В докладе *Л. Г. Дорофеевой* был представлен тип смиренного человека, как он представлен в древнерусских житиях, раскрыты его варианты, связанные с типом подвига каждого святого и его личностными особенностями.

Завершил пленарное заседание первого дня работы конференции *А. Н. Ужанков*, представивший презентацию своей недавно вышедшей книги («"Слово о Законе и Благодати" и другие творения митрополита Илариона Киевского»), удостоенной Всероссийской историко-литературной премии Александра Невского в 2014 году.

Конференция в этот день продолжила свою работу после обеда в уже другом формате: состоялся круглый стол «*Философия, экология и космическая литургия*», на котором основным докладчиком и ведущим

дискуссию был С. С. Хоружий, а участниками — студенты, аспиранты и преподаватели БФУ им. И. Канта. Главной во вступительном слове С. С. Хоружего стала мысль о всеобщей духовной связи всего живого и особой ответственности человека за экологию. Нужно отметить непосредственный интерес слушателей и весьма острую дискуссию, вызванную религиозными аспектами доклада.

В этот же день проводили свою работу две секции. Первая, филологическая, — «Духовные доминанты русской словесности» — была посвящена исследованию духовного контекста русской литературы. Этой секцией руководила профессор *Н. П. Жилина*. И вторая, философская, — «Философия и духовные основания русской культуры», обращенная к широкому контексту русской культуры и русской философской мысли, руководителем которой был профессор С. В. Корнилов. Участниками секций были ученые Калининграда, Томска, Старой Руссы, Казани.

Конференция продолжила свою работу 2 ноября теперь уже в стенах актового зала Управления Калининградской епархии. На пленарном заседании этого дня прозвучали доклады, поднимавшие темы русской словесности, церковно-педагогической деятельности, веры и знания, иконописи и гимнографии.

Профессор *А. Н. Ужанков*, открывший пленарное заседание второго дня своим докладом «Древнерусская литература как святоотеческое наследие», исследовал специфику писательского творчества древнерусских книжников, которая заключалась в его подходе к самому творчеству как деянию по Благодати, а не по собственному разумению. Творчество как способ жизни, путь к спасению, руководство Святым Писанием и Святым Преданием как главный ориентир, наконец, факт канонизации большинства древнерусских писателей — вот что делает литературу домосковского периода и отчасти Московского, по мысли докладчика, святоотеческой.

Эту мысль по-своему и применительно к другой теме — истории православной учености — развил в докладе *С. Л. Шараков*, поднявший проблему соотношения веры и знания, органичное соединение которых делает путь к Истине более коротким.

Педагогическая тематика также разрабатывалась докладчиками. Так, руководитель отдела образования Томской епархии, протоиерей *Александр Атаманов* (Томск) в докладе обратил внимание на образ преп. Сергия как нравственный идеал образования. А профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета *С. Ю. Дивногорцева* (Москва) в докладе «Церковно-педагогическая литература как феномен православной культуры России» раскрыла место и

роль церковно-педагогической литературы в процессе духовно-нравственного воспитания и актуальность этой литературы в сегодняшнем процессе образования и воспитания.

Важное место среди докладов занимали темы, посвященные иконе. Известный искусствовед из Санкт-Петербурга *О. В. Губарева* в докладе «Троичное богословие преп. Сергия Радонежского в “Троице” Рублева» показала эту духовную связь двух святых — учителя и ученика, выразившуюся в символике знаменитой иконы Рублева «Троица», в самой композиции, воплощающей идею троичности. *О. В. Губарева* провела также презентацию серии альбомов «Русская икона: образы и символы», созданной в рамках проекта, автором и руководителем которого она является; работает же над этим многотомным изданием коллектив авторов-искусствоведов и иконописцев.

Доклад профессора *Н. В. Шамардиной* (Калининград) осветил особенности иконографии преп. Сергия Радонежского в XVII веке, обусловленные стилем самой эпохи. К миниатюрам «Лицевого Жития» конца XVI века обратилась искусствовед *Маргарита Артамонова* (Клайпеда, Литва). Проблемы современной иконографии, непростая ситуация, сложившаяся сегодня в области иконописания, была представлена протоиереем *Владимиром Артамоновым* (Клайпеда, Литва) в докладе «Икона в современной церкви. Канон, стиль и стилизация». Обсуждением этой проблематики закончилась собственно научная пленарная часть конференции.

Но работа продолжилась в других формах. Так, в епархии состоялся круглый стол для богословов, священников Калининградской епархии и всех желающих с участием *С. С. Хоружего*. Тема — «Этика исихазма в ее личной и социальной формациях» — оказалась непростой для участников круглого стола и выявила недостаточное понимание связи исихастской духовной практики, которая, казалось бы, требует уединения, с деятельностью человека в его повседневности. Работа этого круглого стола оставила ощущение открытости темы, необходимости ее дальнейшего освоения.

Особо нужно сказать об образовательной и просветительской составляющих конференции. Открытые лекции, проводимые для педагогов Калининградской области в Калининградском областном институте образования (КОИРО) в первый день конференции произвели неизгладимое впечатление на слушателей. Лекция *О. В. Губаревой* «Эстетические категории иконописи в системе патриотического воспитания» показала на материале древнерусской иконы ее воспитательный потенциал, духовную силу воздействия иконы на ребенка. *И. В. Дергачева* раскрыла учителям духовно-нравственный потенциал памятников

письменности Древней Руси. А. Н. Ужанков поразил педагогов-словесников неожиданностью и точностью интерпретации драмы А. Н. Островского «Гроза», опровергающей основные постулаты советского литературоведения, основывавшегося на известной точке зрения А. Добролюбова о Екатерине как «луче света в темном царстве».

В конференц-зале храма Христа Спасителя 2 октября прошла открытая лекция С. С. Хоружего для учителей, преподавателей предмета «Основы религиозных культур и светской этики» по теме «Духовная практика как антропологическая парадигма: универсальные и традиционные структуры», целью которой было показать принципиальное отличие разных духовных практик, порождающих разные типы поведения.

Весь день работа конференции 3 октября шла в практическом русле. Состоялись открытые лекции в Институте гуманитарных наук: С. С. Хоружего по теме «Неопатристический синтез и его современные перспективы» — для студентов-философов, В. Г. Морова «Ода "Вольность": Пушкин vs Н. Тургенев» — для студентов филологов и его же неформальная встреча с преподавателями кафедры славяно-русской филологии по теме «Пушкин и бремя идеологии». А. Н. Ужанков провел открытую лекцию для студентов-журналистов по творчеству Н. В. Гоголя — она вызвала неподдельный интерес первокурсников.

Параллельно в этот день шла работа на двух других площадках: в КОИРО в первой половине дня проходил круглый стол «Актуальные вопросы духовно-нравственного образования в школах России», который вела С. Ю. Дивногорцева (Москва), с участием специалистов КОИРО, методистов, работников администрации школ Калининграда, руководителей отделов образования Калининградской и Томской епархий. В это же время велась своеобразная исследовательская работа в епархии. В. Лепяхин и О. Губарева осматривали храмы Калининграда на предмет их внутреннего оформления, а затем, после обеда, прошел семинар для настоятелей храмов Калининградской области «Икона в храме: проблемы современной иконографии и организации храмового пространства», вызвавший живой интерес священнослужителей, задававших вполне конкретные вопросы по оформлению храма. Безусловно, это соединение профессионалов-ученых и практиков-служителей церкви оказалось очень полезным и перспективным.

Три дня напряженной работы по разным направлениям — научному, педагогическому, богословскому, церковного искусства — завершились их обсуждением уже в Светлогорске, куда конференция переехала для подведения итогов и заслуженного отдыха на берегу

Балгики. Что же показали эти итоги? Какие духовные доминанты определяют вектор развития национальной жизни и культуры в настоящее время?

В русской философской мысли одной из таких доминант, восходящей к преп. Сергию и через него к византийскому духовному наследию, является аскетическая традиция и собственно практика исихазма, формирующая особый способ жизни и тип поведения, ориентированный на соединение с духовными, Божественными энергиями.

В стратегии развития русской государственности начинает доминировать идея единства и мира на основе единых ценностей, открытых православием. В русской культуре определяющими становятся духовные и нравственные ориентиры Нового Завета и Священного Предания, в лоне которых и рождалась национальная культурная традиция.

В русской словесности, создатели которой в XI—XV веках сами часто достигали святости и были канонизированы, доминирует установка на духовно-нравственные ценности, и русская литературная классика во все века остается христоцентричной.

В русской педагогике на протяжении всей ее истории доминирует идея образования как открытия в человеке Образа Божия, чему и должны служить получаемые им знания. Именно поэтому самой органичной для русского образования является духовно-нравственная составляющая.

В русском изобразительном искусстве одно из самых важных мест занимает икона, ее особая эстетика, соединяющая мир видимый и невидимый, являющая миру дольнему лики Горнего мира, что и питает русское искусство. Точно так же и храмы, возводимые сегодня, демонстрируют своими формами открытую Древней Русью красоту Небесную, явленную в древних соборах Руси.

Конечно, конференция обнажила и болевые точки в истории культуры и в современном ее состоянии. В ее ходе были выявлены разного рода «искажения», кризисные явления, имевшие место в разные эпохи и отражавшиеся в произведениях искусства и литературы. Но целью всех докладов, лекций, семинаров, круглых столов оставался поиск духовных доминант, которые сохраняют свою значимость по сей день и по-прежнему обладают большой жизнестроительной силой.

Проф. Л. Г. Дорофеева

О МЕРОПРИЯТИЯХ ОБЩЕСТВА СЛАВИСТОВ СЕРБИИ И ПЕРСПЕКТИВАХ РОССИЙСКО-СЕРБСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

1

Общество славистов Сербии – неправительственная и некоммерческая общественная организация ученых, педагогов и работников культуры, которых объединяет интерес к славянским языкам, литературам и культурам. Общество организует ежегодные научно-практические конференции славистов Сербии, программы по повышению квалификации учителей русского языка, международные научные конференции; публикует научно-периодические издания «Славистика» и «Русский язык как “инославянский”», сборники материалов научных конференций, монографии и учебники.

Общество сотрудничает с ассоциациями славистов в славянских странах, в том числе с Обществом русистов Болгарии, Чешской ассоциацией славистов, Ассоциацией русистов Словакии (назовем только те, с которыми подписаны соглашения о сотрудничестве) и является членом МАПРЯЛ, Международного педагогического общества в поддержку русского языка (МПО) и Международной ассоциации славистов (МАС).

Многолетние партнерские отношения связывают Общество с рядом российских учреждений, среди которых особо следует выделить Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (ГИРЯ) и Дом русского зарубежья им. А. И. Солженицына (ДРЗ).

2

Общество славистов Сербии – организация не новая. В этом году ему исполнилось 65 лет. За все эти десятилетия во главе Общества находились представители трех поколений сербских славистов. Особо значимый вклад в становление и развитие Общества внесли его трое председателей – на начальном этапе академик Александр Белич (1876–1960), в 1960–70-е годы профессор Радован Лалич (1908–1972) и с 1999 по 2011 год профессор Боголюб Станкович (1938–2011).

Учредительное собрание Общества состоялось 29 июня 1948 года на кафедре восточных и западных славянских языков философского (ныне филологического) факультета Белградского университета. Под учредительной грамотой подписались тридцать два филолога-слависта и сербиста, среди которых видные сербские ученые и деятели культуры того времени [3, с. 15–19].

Общество славистов Сербии было создано на волне послевоенного славянского движения в странах, входивших в сферу влияния СССР. Сильной политической поддержкой славянский проект пользовался первоначально и в Югославии¹ (подробнее см.: [2]). Организационные структуры славянского движения были в те годы полностью подчинены правящей идеологии, так что научный аспект в славянском движении не играл существенной роли. На взгляд автора, группа сербских ученых и культурных деятелей в 1948 году решила воспользоваться благоприятным политическим и идеологическим климатом для создания профессионального содружества специалистов с целью организации научной работы и популяризации славянских языков и литературы.

Обществу славистов Сербии все же не удалось избежать политических проблем. В тот же день, когда проводилось его учредительное собрание, после публикации резолюции Информбюро, разразился советско-югославский конфликт. Быстрое развитие событий уже летом 1948 года привело к отдалению Югославии от соцлагеря, показав, что у славянского движения под руководством Москвы, в особенности у доктрины «славянского союза», нет будущего. Это притормозило работу Общества, но не остановило ее совсем. Поскольку характер «народной» власти титовской Югославии ничуть не отличался от сталинского образца, Общество в последующие годы сосредоточилось на научной работе в узких академических кругах и старалось не привлекать к себе лишнего внимания [3, с. 20–23].

С середины 1950-х годов после нормализации отношений между СССР и Югославией Общество славистов стало развиваться в организационном отношении без политической поддержки, но и без особых препятствий. С конца 50-х и начала 60-х годов стал преобладать современный профиль Общества, научный интерес которого сосредоточен на «инославистике», то есть на восточно- и западнославянских языках и литературах. Учитывая то, что в системе образования Сербии из всех славянских языков в качестве иностранного с 1945 года изучается только русский, Общество главное внимание стало уделять русистике как в научно-теоретическом, так и в практическом отношениях, иными словами, оно стало заботиться о повышении профессиональной квалификации своих членов.

С этой целью с первой половины 60-х годов каждый год проводятся так называемые январские встречи славистов – ежегодные научно-практические конференции, которые со временем получили новую

---

¹ Например, в Белграде 8–11 декабря 1946 года состоялся первый послевоенный всеславянский съезд [4, с. 118–127].

форму и содержание. На современном этапе эти встречи — мероприятия многоплановые. Помимо национальной научной конференции сербских филологов-славистов всех профилей каждый год проводятся зимние школы — семинары по повышению квалификации преподавателей русского языка, всегда с участием методистов-носителей русского языка из ГИРЯ. С 2009 года к «зимним встречам» прибавилось еще одно международное мероприятие — Белградские встречи славянских русистов.

Остановлюсь теперь чуть более подробно на отдельных мероприятиях Общества славистов Сербии, которые могут представлять интерес с точки зрения перспектив российско-сербского сотрудничества в области гуманитарных исследований².

3

Общество славистов Сербии организует традиционные (раз в несколько лет) международные научные симпозиумы по проблемам сравнительного изучения русского и иностранных языков. Первые симпозиумы были проведены еще в семидесятые годы, но тогда наше Общество принимало лишь косвенное участие в их организации. Ведущим организатором этих научных встреч был Союз славистов Югославии, бывший на тот момент единственным от СФРЮ коллективным членом МАПРЯЛ. Следовательно, у своих истоков этот симпозиум был общегославским. Первый симпозиум был проведен в 1975 году в Загребе, следующие два (в 1978 и 1989 годы) — в Белграде.

Дезинтеграционные процессы конца 80-х — начала 90-х годов привели к роспуску Союза славистов Югославии. По инициативе Б. Станковича Общество славистов Сербии стало коллективным членом МАПРЯЛ, и в новом своем качестве оно поддержало давнюю традицию проведения симпозиумов. В период с 1997 по 2004 год состоялись четвертый, пятый и шестой симпозиумы, результаты которых отражены в научных сборниках, подготовленных и опубликованных под редакторским руководством Б. Станковича в изданиях «Сопоставительные и сравнительные исследования русского и других языков» (1997), «Состояние и перспективы сопоставительных исследований русского и других языков» (2000), «Проекты по сопоставительному изучению русского и других языков» (2004).

Мы не остановились на достигнутом и провели в 2012 году седьмой симпозиум под названием «Достижения и перспективы сопоставительного изучения русского и других языков». Автором идеи этого

² Подробнее об этом см.: [1].

симпозиума был ушедший от нас в 2011 году профессор Б. Станкович. Симпозиум принес богатые плоды, о чем мы с уверенностью можем судить, читая сборник его материалов под редакцией профессора Веры Белокапич-Шкунца.

Итак, за плечами нашего Общества уже пятнадцатилетний опыт проведения подобных симпозиумов. За это время были достигнуты существенные научные результаты. Мы располагаем значительным кадровым потенциалом для дальнейшей реализации этого долгосрочного научно-исследовательского проекта под условным названием «Русский язык в сопоставительной перспективе».

4

С 1998 года в наших научных докладах и дискуссиях все большую популярность приобретает термин «инославянский». Это понятие связано с традициями школы сербского славяноведения, у истоков которой стоял Радован Кошутич (1866–1949). Возрождение используемого в XIX веке понятия продиктовано усиливающимся пониманием того, что методика преподавания русского языка для иностранцев славянской и неславянской языковой среды имеет коренные различия. Носителям славянских языков можно не объяснять смысл определенных категорий, но родство языковых систем не исключает и многих различительных черт, что подчеркивает значение сопоставительных исследований. Именно поэтому Б. Станкович говорил о необходимости разработки особой методики преподавания славянских языков, изучаемых в инославянской языковой среде. При этом Б. Станкович был убежден в том, что генетические связи языков есть не что иное, как отражение общеславянского родства, проявляемого в разных аспектах культуры. Поэтому он не ограничился узко понятыми вопросами методики преподавания славянских языков, считая необходимым создание для решения этих вопросов культурологической основы. По его инициативе в январе 2009 года в рамках традиционной январской встречи славистов был проведен международный научно-образовательный форум и круглый стол на тему «Современное изучение русского языка и русской культуры в инославянском окружении». После его проведения в том же 2009 году Б. Станкович пришел к плодотворной идее создания нового ежегодника Общества под названием «Русский язык как инославянский».

Вторая белградская встреча славистов ознаменовалась презентацией нового проекта «Изучение русского языка и русской культуры в инославянском окружении», которым руководил Б. Станкович. После кончины профессора встречи проходили с переменным успехом, реа-

лизация проекта оказалась сопряжена с новыми проблемами. Прежде всего это отсутствие руководителя проекта: до сих пор никто из лингвистов Сербии не смог заменить Б. Станковича в начатом им деле. И все же, несмотря на явные признаки торможения проекта, Общество предпринимает посильные действия, направленные на поддержание традиции белградских встреч славистов и, самое главное, при финансовой поддержке фонда «Русский мир» издает ежегодник «Русский язык как инославянский».

5

Развивая культурологическое направление проекта, Общество славистов Сербии под руководством Б. Станковича при взаимодействии с ДРЗ и МПО провело в 2011 году симпозиум «Русская диаспора и изучение русского языка и русской культуры в инославянском и иностранном окружении», сборник материалов которого увидел свет в 2012 году. Успех симпозиума породил идею сделать его регулярным, проводимым раз в два-три года.

История русской эмиграции в Сербии имеет богатую традицию изучения. Общество славистов Сербии, безусловно, является далеко не единственным участником этого социально и научно востребованного исследовательского процесса. При активном участии Общества были организованы и проведены следующие конференции: «Вклад русской эмиграции в развитие сербской культуры XX века» (1993), «Русская эмиграция в сербской и других славянских культурах» (1997), «Русская диаспора и сербско-русские культурные связи» (2007), с последующей подготовкой и изданием соответствующих сборников.

Исследователи-эмигрантологи проявляют живой интерес к подобным конференциям, и их регулярное проведение открывает, на наш взгляд, перспективу преодоления кризисных явлений в реализации проекта «Изучение русского языка и русской культуры в инославянском окружении». Наш долгосрочный эмигрантологический проект получил условное название «Русская диаспора: славянский контекст».

В июне 2013 года Общество провело новую конференцию под названием «Русское зарубежье и славянский мир: культурологический аспект» (как и в предыдущих конференциях, ее соорганизаторами выступили ДРЗ и МПО, а финансовую поддержку оказал фонд «Русский Мир»). На итоговом заседании Н. И. Голубева-Монаткина, исследователь языка русского зарубежья, выдвинула идею изучения речевого поведения русскоязычной эмиграции путем анкетирования. Подобные полевые лингвистические исследования должны помочь формированию базы данных, фиксирующей изменения в языке русских лю-

дей, проживающих за рубежом. Эта идея уже получила широкую поддержку научной общественности. Ее реализации планирует содействовать и Общество славистов Сербии.

В заключение отметим, что Славистическое общество Сербии посредством реализации представленных долгосрочных международных проектов/ программ: «Русский язык в сопоставительной перспективе» и «Русская диаспора: славянский контекст», так же как и на страницах своей периодики («Славистика» и «Русский язык как инославянский») — уже не первый год оказывает поддержку российско-сербскому сотрудничеству в гуманитарных исследованиях, хотя и в довольно ограниченной области — *славистической компаративистике* или, как нам видится, *изучении славянских языков, литератур и культур в контакте*. Если Обществу в ближайшем будущем удастся хотя бы отстоять в материальном отношении свои мероприятия и периодические издания, то и это будет своего рода вклад в расширение перспектив российско-сербского сотрудничества в гуманитарных исследованиях.

Список литературы

1. Буняк П. Мероприятия Славистического общества Сербии по международному научному сотрудничеству и возможности их включения в деятельность МАС. URL: http://digilib.phil.muni.cz/xmlui/bitstream/handle/11222.digilib/128383/2_NovajaRusistika_6-2013-3_4.pdf?sequence=1 (дата обращения: 15.05.2014).
2. Кикешев Н.И. Славянское движение в СССР: 1941–1948 годы. URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_k/kik00.php (дата обращения: 15.05.2014).
3. Станковић Б. 60 година Славистичког друштва Србије. Београд, 2008.
4. Mitrović M. Prvi posleratni sveslovenski kongres 1946. godine // Tokovi istorije. 1999. №1–4.

Проф. Петр Буняк

Об авторах

Арутюнян Вардан Геворгович – аспирант Балтийского федерального университета им. И. Канта, vardan.arutyunyan89@gmail.com

Берестнев Геннадий Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры славяно-русской филологии Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта, berestgen@mail.ru

Буняк Петр – доктор филологических наук, профессор Белградского университета, pbunjak@gmail.com

Ваулина Светлана Сергеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной филологии и историко-сравнительного языкознания Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта, svaulina@mail.ru

Гильманов Владимир Хамитович – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной филологии и историко-сравнительного языкознания Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта, gilmanov.wladimir@rambler.ru

Голубенко Ольга – аспирантка Балтийского федерального университета им. И. Канта, o.golubenko@bk.ru

Дорофеева Людмила Григорьевна – доктор филологических наук, доцент кафедры славяно-русской филологии Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта, lgdorofeeva@mail.ru

Дмитровская Мария Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры славяно-русской филологии Балтийского федерального университета имени И. Канта, dmitrovskayama@yandex.ru

Дронова Анастасия Леонидовна – аспирантка Балтийского федерального университета им. И. Канта, anastasiya.dronova@list.ru

Ичин Корнелия — доктор филологических наук, профессор Белградского университета, kornelijaicin@gmail.com

Пробст Никита Артурович — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры зарубежной филологии и историко-сравнительного языкознания Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта, mr.shadov@mail.ru

Раденкович Любинко — доктор филологических наук, старший научный сотрудник Сербской академии наук и искусств, Белград, rljubink@eunet.rs

Терзич Славенко — доктор исторических наук, чрезвычайный и полномочный посол Республики Сербия в Российской Федерации, slavenko.terzic@gmail.com

Шумакова Милана Сергеевна — аспирантка Балтийского федерального университета им. И. Канта, skws.mel@gmail.com

Яблоков Евгений Александрович — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, Москва, ejablokov@mail.ru

About the authors

Vardan Arutyunyan, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, vardan.arutyunyan89@gmail.com

Prof. Gennady Berestnev, Department of Slavic and Russian Philology, Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, berest-gen@mail.ru

Prof. Petar Bunjak, University of Belgrade, pbunjak@gmail.com

Prof. Maria Dmitrovskaya, Department of Slavic and Russian Philology, Immanuel Kant Baltic Federal University, dmitrovskayama@yandex.ru

Prof. Lyudmila Dorofeeva, Department of Slavic and Russian Philology, Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, lgdorofeeva@mail.ru

Anastasiya Dronova, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, anastasiya.dronova@list.ru

Prof. Vladimir Gilmanov, Department of Foreign Philology and Comparative Historical Linguistics, Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, gilmanov.wladimir@rambler.ru

Olga Golubenko, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, o.golubenko@bk.ru

Prof. Kornelija Ićin, University of Belgrade, kornelijaicin@gmail.com

Dr Nikita Probst, Department of Foreign Philology and Comparative Historical Linguistics, Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, mr.shadov@mail.ru

Prof. Ljubinko Radenković, Senior Research Fellow, Serbian Academy of Sciences and Arts, Belgrade, rljubink@eunet.rs

Milana Shumakova, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, skws.mel@gmail.com

Prof. Slavenko Terzić, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Serbia to the Russian Federation, slavenko.terzic@gmail.com

Prof. Svetlana Vaulina, Department of Foreign Philology and Comparative Historical Linguistics, Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, svaulina@mail.ru

Prof. Evgeny Yablokov, Leading Research Fellow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, ejablokov@mail.ru

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

2014

№ 3 – 4

Редактор *В. Г. Арутюнян*. Корректор *И. А. Смирнов*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 17.12.2014 г.
Формат 70×100 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 12,4
Тираж 1000 экз. (1-й завод 44 экз.). Заказ 026

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6

